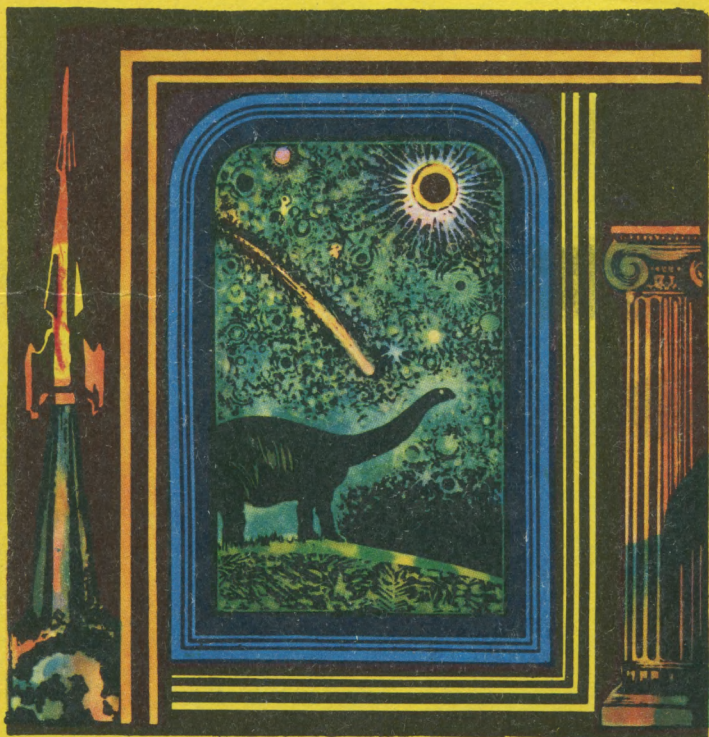
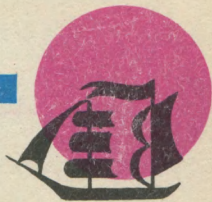

РОМАН ПОДОЛЬНЫЙ

**Вокруг света
в сорок
тысяч лет**

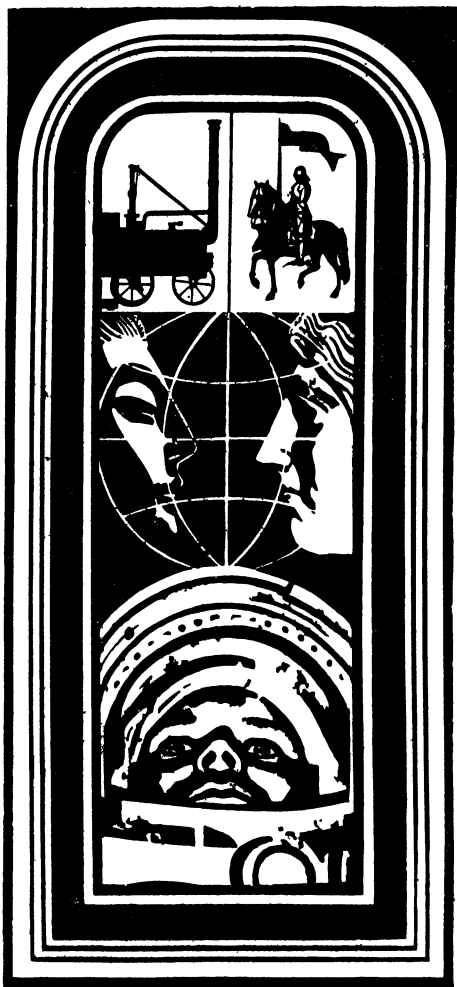

81 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Р. ПОДОЛЬНЫЙ
ВОКРУГ СВЕТА
В СОРОК ТЫСЯЧ
ЛЕТ

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

**Вокруг
света
в сорок
тысяч
лет**

**Москва
«Молодая гвардия»
1977**

91(09)
П44

П $\frac{70302-044}{078(02)-77}$ 175-74

© Издательство «Молодая гвардия», 1977 г.

Перелистаем от конца к началу воображаемый том на сорок тысяч страниц. Том, где на каждой странице — события одного года из истории человечества. В конце — знакомые по газетам полеты к Луне и Марсу, подвиг Гагарина, дрейфы полярных станций СП с двузначными номерами, дальше (раньше) вспыхивают строчки с ослепительными именами Амундсена и Седова, Нансена и Беринга, Магеллана и Колумба. А там — Синдбад-мореход и Пифей, открывший для греко-римского мира Британию, вечный Одиссей и карфагеняне. Потом исчезают со страниц имена людей... и хорошо, если остаются в книге истории хотя бы имена народов... А когда пролистаны последние шесть тысяч страниц, перестает быть для нас проводником по прошлому письмо, нет больше иероглифов ни на камне, ни на бараньей лопатке, ни на обожженной глине...

Теперь уже нет не только имен героев, но и титулов царей, которым эти герои служили. Об именах стран и племен приходится только гадать. Но сами страны и племена были, мы знаем это, мы многое узнаем о них, потому что находим останки людей и остатки их жилищ, находим семена растений, которые они бросали в землю, кости животных, которых они ели, орудия, которыми пользовались. И все это часто тоже свидетельства не только открытий, но и путешествий.

Тысячелетие за тысячелетием, одна сотня веков за другой — и вот мы выходим к самой важной за все пе-

релистанные эпохи границе — границе между Человеком разумным и его предшественниками. Мы тут — это один из двух миллионов видов живых существ, составляющих в совокупности животный мир планеты. Вид, внесенный в великую инвентаризационную книгу этого мира под звучным именем *Homo sapiens* (Гомо сапиенс) — Человек разумный. Гомо — здесь наше родовое название, мы делим его с неандертальцами и питекантропами, появившимися на Земле раньше, жившими на Земле дольше, но уже исчезнувшими с ее лица. Сапиенс, разумный, — ответственное определение нашего вида внутри рода. Вида, появившегося на планете около сорока тысяч лет назад.

Впрочем, это лишь наименьшая из возможных цифр. Многие антропологи отодвигают появление человека современного вида в прошлое еще на десять, двадцать, тридцать, а некоторые и на шестьдесят тысяч лет. В последние годы появилась даже точка зрения, объединяющая нас с неандертальцами в один общий вид, — как два подвида, не слишком отличающихся друг от друга. Эту позицию занимают, например, чешский антрополог Елинек, английский Уайнер, западногерманский Хедерер. Если она верна, то история Гомо сапиенса сразу становится длиннее еще на добрых сто, а то и побольше тысяч лет, а наши четыреста веков — всего лишь история подвида под названием «Гомо сапиенс сапиенс». Слово «сапиенс» напечатано здесь дважды не по ошибке. Повторить определение заставляют здесь правила биологического описания. И значит, при таком подходе к проблеме мы получаем имя дважды разумных.

Спор идет не просто о тонкостях биологической классификации. Решается вопрос о том, насколько исторически важен скачок от неандертальца к нам с вами, был ли это просто очередной шаг эволюции или гигантский скачок вперед.

Главное, пожалуй, отличие человека разумного от неандертальца — огромные (сравнительно) лобные доли

мозга. Сравнительно! В них всего-то около сотни граммов. Но эти граммы отвечают за ассоциативное, творческое мышление, именно здесь, по-видимому, сводятся вместе обстоятельства и детали мира, внешне между собой не связанные.

Но и этой работы, оказывается, мало для двух комочков полужидкого серого вещества. В них же (в основном) работают тормозные центры человека. За сочинение сказок и за придумывание поговорок типа «Семь раз отмерь — один отрежь» (и за действия в духе этой поговорки) отвечают одни и те же участки мозга. И воображение и сила, способная его обуздывать, исходят в нас с вами из одного и того же источника. Благодаря тормозным системам личность легче подчинялась обществу, когда ее интересы вступали в противоречие с общественными. Вот что было не последнее, но главное из слагаемых, сумма которых дала победу человеку разумному, — он коллективист. Самый большой коллективист из всех своих сородичей. И практически все свои будущие путешествия он совершил не в одиночку. Чичестеры, без спутников отправляющиеся на крошечной яхте через океаны, появились на свет лишь в XX веке. И прототип Робинзона Крузо стал единственным обитателем своего острова только поневоле.

И не верьте, когда порою подчеркивают слабость нашего предка, рисуют его (и нас) обделенным дарами природы. Человек был хорошо подготовлен к своему многотысячелетнему подвигу. При всех своих недостатках он и вправду был «венцом природы». А точнее — вершиной эволюции, вершиной, которой природа достигла после двух или трех миллиардолетий естественного отбора, безжалостно отправляя в брак огромное большинство своих созданий.

Это дитя эволюции было уже само по себе прекрасно и могуче.

Да, могуче! Конечно, человек был слабее тигра, бегал медленнее оленя, орел видел дальше его, а собака чув-

ствовала неразличимые для него запахи и слышала молчавшие для него звуки. Но ведь никто не потребует от многоборца, чтобы он, скажем, бегал лучше чемпиона по бегу и попадал в цель чаще чемпиона по стрельбе. Решает сумма очков. И решающими здесь стали очки за сообразительность, трудолюбие и общительность или, если хотите, общественную жилку.

Необходимые путешественнику фантазия, логика и разумная осторожность появились у нас, выходит, сорок тысяч лет назад. А все остальные физические качества, потребные для дальних маршрутов, — еще раньше. Ноги отличного ходока — мы прочно встали на них уже добрых три-четыре миллиона лет назад. Впрочем, этот срок все увеличивается и увеличивается — по мере раскопок в Африке — и может еще, по крайней мере, удвоиться. Именно переход к опоре на ноги, к слову сказать, был решающим для превращения обезьяны в человека. Это освободило ее передние конечности для труда.

Есть у французского писателя Веркора книга «Люди или животные?». Ее можно при желании назвать научно-фантастической, потому что сюжет ее связан с открытием на Новой Гвинее существ, промежуточных между человеком и обезьяной. На протяжении большей части книги идет научная дискуссия, цель которой — дать определение термину «человек». Спорят философы и психологи, историки и социологи, специалисты разных областей науки и дилетанты.

Антрополог в этой книге настаивает:

«Держится прямо — значит, человек. Вот почему важна форма астрагала, на который опираются при ходьбе: если астрагал узкий и тонкий — значит, обезьяна, если широкий и плотный — значит, человек».

Астрагал — всего-навсего одна косточка, но именно она ясно отвечает на вопрос, на двух или четырех ногах ходил ее обладатель. И антрополог у Веркора повторяет: «Покажите мне его астрагал!»

Скажем сразу — вот уже миллионы лет, как у нас астрагал стал человеческим. И прежде чем приступить к рассказу об открытиях путешественника по имени Гомо сапиенс, я хочу воздать должное его прародителю. Едва встав на ноги, працеловек начал искать и открывать новое. Из Восточной Африки, своей вероятной прародины, он проник и в Северную Африку, и в Южную Европу, и в Переднюю, Южную и Восточную Азию...

Следы именно этих древних путешествий нашел в прошлом веке антрополог Дюбуа на острове Ява: питекантропы, кости которых он здесь обнаружил, были потомками тех африканских пралюдей и праумельцев, чьи останки и орудия нашли в последние десятилетия знаменитые антропологи наших дней, отец и сын Лики. Предцеловек путешествовал — и менялся, и чем дальше он заходил в своих странствиях, тем сильнее менялся, то есть эволюционировал, а чем сильнее менялся, тем дальше мог идти. И именно движение, встречи, контакты разных стад пралюдей, по мнению многих ученых, определили собой тот биологический взрыв, которому присвоено имя Человек разумный.

Неандертальцы, следы и останки которых ученые находят в разных местах Европы и Азии, довольно сильно отличались друг от друга. В смешении их крови, вызванном неведомыми нам великими переселениями преднародов, был, возможно, намечен облик Человека разумного, отработанный великим кузнецом — естественным отбором.

Новому хозяину планеты предстояло, увы, не только заселить свободные земли, но и взять себе те, что уже были заселены неандертальцами. Трудная задача! Но сорок тысяч лет назад он уже занял свое место «на старте» Истории. Или, если хотите, пункте отправления, коли продолжать пользоваться терминами, возникшими столыко столетий спустя.

Впрочем, для стартовой площадки Человека разумного название «пункт» совсем не подходит. Она была

огромной даже по масштабам сегодняшних великих держав — солидные куски Европы, Африки и Азии входили в район, где человек окончательно стал Человеком. Отсюда он и пустился в путь, который привел его к новому старту — для рывка к звездам.

Ну а зачем и почему люди расселялись дальше из этого, в общем, достаточно обширного района?

Хочется назвать пусть далеко не самый важный, но самый романтический, самый благородный из мотивов, по которым совершали путешествия. Я имею в виду неугасимую жажду знаний, тот рефлекс поиска, который великий Павлов признал одним из врожденных свойств человека.

На островах Северного Ледовитого океана мы находим следы старых русских мореходов, пливших на утлых суденышках в поисках неведомого. Средневековые документы рассказывают, как кучка рыцарей с берегов Северного моря дала клятву плыть и плыть, пока не узнают они, что за земли находятся позади Исландии. И Геродот, древнегреческий «отец истории», повествует о юношах из североафриканского племени насамонов, которые не смогли побороть жгучего любопытства (совсем как Слононок в известной сказке Р. Киплинга) и отправились выяснять, что находится к югу от пустыни Сахары.

А до того отправлялись искать и находить смельчаки, чьи подвиги не дошли до нас ни в описаниях, ни в легендах.

Но если бы открытием и заселением своим мир был обязан только любознательности и дерзости, боюсь, и сегодня человечество не успело бы освоить всю планету.

Классики марксизма подчеркивали значение для жизни человеческого общества прежде всего материальных факторов.

Прежде всего необходимость, а не одна добрая воля вела людей из долин в горы, с гор в степи, заставляя

пересекать пустыни, преодолевать реки, проливы и, в конце концов, даже моря.

Людей становилось все больше, им, охотникам и собирателям, требовались все новые и новые земли уже потому, что на старых было тесно. Освоение новых охотничьих территорий ускорялось тем обстоятельством, что Гомо сапиенс преследовал прежде всего гигантов животного мира. Мелкая дичь ведь до появления лука, бумерангов и силков была не слишком верной добычей. Мамонты, стада оленей, лошадей, коров служили куда более обильным и верным источником пищи. Но стада перемещались, и охотники следовали за ними. Живые склады мяса вели людей за собой в новые страны.

Так случалось и позже, когда при этом охотники часто приходили уже не на пустые, а на заселенные другими племенами земли.

Времена менялись, и люди иных эпох отправлялись в походы уже не за мамонтами, а за жемчугом, янтарем, медью, оловом и золотом, их манили перец, гвоздика и все то же золото, еще позже — нефть, опять олово, опять золото и многое, многое другое. Во всех таких случаях следует говорить об экономической основе путешествий, открытий, переселений.

Нередко важную роль для переселения играло изменение климатических условий. Когда во время последнего оледенения Европы ледник начал отступать на север, освобожденные им области шаг за шагом занимали люди. Наконец, многие открытия и изобретения человека позволили освоить районы, где раньше он обитать не мог.

Увы, бывало и так, что люди переселялись не потому, что они преследовали добычу, а потому, что их самих преследовали и теснили враждебные роды или племена. Наверное, так оказались в Арктике эскимосы. По-видимому, они были оттеснены на север сильными врагами еще за тысячи лет до нашей эры.

А вот пример движения народов под натиском завоевателей уже в историческое время. Более двух тысяч лет назад на острове Суматра в Индонезии часть населения была вытеснена враждебными соседями с его родных мест. Суматрийцы уходят на кораблях и лодках на запад. Никогда не узнаем мы, сколько тысяч погибло их в волнах Индийского океана. Но оставшиеся в живых добрались до Мадагаскара, и уже здесь они теперь выступили в роли завоевателей, заставив немалое число коренных мадагаскарцев бежать на материк Африки. Здесь мадагаскарцы потеснили местные африканские племена, и те начинают двигаться на север, пока не достигают Южной Аравии, которая на несколько веков оказывается под их властью.

История знает немало таких случаев.

В общем, для любого массового расселения людей по лицу Земли можно, по-видимому, отыскать не одну, а несколько достаточно серьезных и отнюдь не романтических причин.

Но и страсть к исследованиям тоже играла свою роль.

Мы знаем в XIX веке Пржевальского, в XV — Афанасия Никитина, в XIII — Марко Поло... Папирусы называют нам имена древнеегипетских кормчих и финикийских флотоводцев. И даже если древнему племени приходилось пускаться в долгий и неверный путь из-за наводнения или вражеского нашествия, впереди племени кто-то должен был идти. Кто? Наверное, тогдашние ученые — следопыты, разведчики, исследователи мира. Шли, подвергаясь смертельному риску, тогдашние Амундсены и Седовы. Люди, чей рефлекс поиска был сильнее инстинкта самосохранения. Но в своем огромном большинстве, видимо, люди всю свою историю держались принципа «от добра добра не ищут». Нужны были сильные доводы, чтобы заставить большую массу людей стронуться с места, — конечно, если речь идет не о кочевниках.

Случалось так, что свою роль в истории переселений играли политические и религиозные разногласия. Северная Америка стала прибежищем пуритан и квакеров, преследуемых у себя на родине в Англии. Французские гугеноты, вынужденные бежать со своей родины, составляли в XVII веке более трети населения Берлина...

В глубочайшей древности в Австралии, скажем, среди аборигенов действовали очень суровые брачные законы. Племя делилось на несколько брачных классов, и неписанные законы чрезвычайно точно определяли, на какой из девушек мужчина может жениться, а на какую ему даже смотреть не следует. Нередко оказывалось, что жених мог выбирать лишь между двумя-тремя женщинами, хоть сколько-нибудь соответствовавшими ему по возрасту. А иногда выбора просто не было. Большинство примирялось со своим жребием, принимало заранее predeterminedенную жену. Но бывало и так, что любовь оказывалась сильнее законов племени и воли духов. Мужчина и женщина, решившиеся на запретную любовь, покидали родину, где им угрожала гибель.

Такое бегство было подвигом. Покинуть родное племя в первобытном обществе — не знаю, какой шаг в нашем сегодняшнем мире может сравниться с этим по своей безумной дерзости. И дело, конечно, не в том только, что одиночкам вне общества грозила голодная смерть. Люди были привязаны к общине невероятно прочными нитями. Маркс и Энгельс говорили о необорванной пуповине, скрепляющей с родом каждого его члена.

Вспомните историю Ромео и Джульетты. Ромео, изгнанный из Вероны, поселяется в соседней Мантуе, где он находится в полной безопасности. Мало того, удайся замысел монаха Лоренцо, и ставший известным брак Ромео мог привести к примирению Монтекки и Капулетти. Трагическая история юных веронцев хотя бы имела шансы на счастливый конец. В «австралийском варианте» героям Шекспира грозили бы еще более тяжелые испытания.

Нельзя было просто присоединиться к ближайшему из соседних племен — там им не была бы обеспечена безопасность. И мстителями выступали бы не члены отдельных семей, но все старые соплеменники. И не только они. Деление на брачные классы схоже у всех почти австралийских племен, и люди, знавшие о причине бегства, могли встретить беглецов как преступников.

Дальше, как можно дальше — долгим бывало в таких случаях свадебное путешествие влюбленных. Долгим, опасным, трудным. Но в конце их все-таки могла ждать местность, где они не только оказывались в безопасности, но и могли кое-как прокормиться. Или земли, населенные племенем, согласным принять пришельцев. И они в благодарность делились знаниями, умениями, сказками и мифами с новыми соплеменниками.

А все-таки приятно знать, что хотя бы изредка любовь открывала человеку новые земли не только в переносном, но и в прямом смысле слова.

Голод ли гнал людей вперед, оружие ли, любовь ли, или все, вместе взятое, плюс любопытство, но земля оказалась в конце концов заселена...

В этой главе я приводил для иллюстрации одних и тех же положений примеры, относящиеся не только к разным странам, но и к разным эпохам. Когда рассказываешь о путешествиях в пространстве, бываешь вынужден путешествовать и во времени.

Не удивляйтесь, что порою мне приходится быстро пролистывать великую книгу в сорок тысяч страниц почти до самого конца, чтобы потом вернуться в начало или в середину, снова заглянуть за примером в последние тысячелетия или даже века и опять отступить в более далекое прошлое. Путешествия ведь бывают разные, и по одним законам странствуют вещи, а по другим, например, языки. Времени на каждое из таких путешествий уходило у человечества то больше, то меньше.

Нельзя забывать также, что на последних тысячах страниц книги истории записано гораздо больше собы-

тий, чем ближе события к нашей эпохе, тем лучше их знают историки.

Потому-то представителями событий и процессов, которые происходили все сорок тысяч лет, приходится делать происшествия и явления многовековой давности или брать в свидетели минувшего австралийских аборигенов наших дней. Наука умеет судить о недоступном по доступному, по близкому о далеком.

Ведь если сравнить прошлое с морем, а законы истории — с освещающим его солнцем, то это солнце во всем своем блеске отражается в каждой капле воды. Надо только разглядеть его там.

Перед вами книга о самом большом путешествии и самом удивительном приключении, какое только знает история. Еще бы! Ведь все остальные путешествия и приключения, странствия и открытия — только части этого Путешествия и Приключения, герой которого — человечество, а время свершения — история вида Человек разумный.

Помните девиз гордого корабля «Наутилус», на котором капитан Немо и профессор Аронакс проплыли вместе двадцать тысяч лье под водой? Он гласил: «Подвижный в подвижном». Движущийся корабль в вечно движущемся океане... Для этой книги я бы набрался смелости взять тот же девиз. Потому что перед вами рассказ о человечестве, движущемся в постоянно изменяющемся мире.

Человек путешествует сам — во времени и пространстве — и отправляет в путь по лицу Земли вещи и слова, изобретения и книги. Каждое почти открытие в длинной истории человечества было похоже на камень, брошенный в воду, — далеко расходились круги от него. Путешествия отдельных смельчаков сливались в движение многих миллионов людей через континенты, а то и океаны. Вместе с людьми, а иногда и без них (хотя при их участии) путешествовали домашние животные и сказки, культурные растения и научные идеи. И многое, многое другое.

Конечно, нет правил без исключений — то застрянет какой-нибудь небольшой народ в долине, обнесенной почти непроходимыми горами, то уйдет под воду цепь островов между Индонезией, например, и Австралией — и начнется великая робинзонада австралийских аборигенов, робинзонада, затянувшаяся чуть ли не на двадцать тысяч лет...

Но исключения лишь подтверждают правила. Ведь достаточно только «немного» изменить масштаб времени, взять за основу не годы и десятилетия, а сотни и тысячи лет — и в горах тут же откроются новые перевалы, а у австралийцев мы заметим следы общения с индонезийскими и полинезийскими морями.

Контакты между разными народами и культурами во многом способствуют поддержанию единства человечества. Вот что писал советский ученый академик Н. И. Конрад:

«Мы совершенно ясно видим один непреложный факт: та культура и та наука, которыми мы в наше время располагаем, созданы трудом всего человечества. Конечно, срок, за который все это было создано, очень велик; на арене истории прошло очень много народов с самыми разными судьбами. Каждый из них создавал культуру применительно к условиям жизни, к своим нуждам. Но каждый народ был одновременно членом общей семьи человечества, и то, что он создавал для себя, тем самым было его вкладом в общую сокровищницу человеческой культуры. Век камня, век металла не принадлежит какому-нибудь отдельному народу. Великое богатство материальной культуры создавалось всем населением земли, и связи, взаимообмен, взаимовлияние делали культуру отдельных народов частью общего достояния человечества... Не следует ли в настоящее время видеть в истории прежде всего именно человеческую общность? Видеть ее, всегда помнить о ней, учиться у нее?»

Конечно, помня об этой общности человечества, нельзя забывать, что человечество не только едино, но и разделено. На классы эксплуатируемых и эксплуататоров, на мировую социалистическую и мировую капиталистическую системы. Выступая на X съезде Венгерской социалистической рабочей партии, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил:

«На международной арене, не затухая, идет острая классовая борьба между людьми труда и эксплуататорами, между силами социализма, свободы, мира, прогресса и силами империалистической реакции, угнетения и агрессии. Фронт этой борьбы чрезвычайно широк. Она ведется в различных формах, мирных и немирных. Наши напряженные трудовые будни, борьба трудящихся капиталистических стран за свое социальное освобождение, наступление народов на колониализм и неоколониализм — все это звенья единой цепи великих сражений, в которых рождается лучшее завтра всего человечества».

Да, мир разорван — и все же, подчеркивает Леонид Ильич, «мир действительно неделим».

Единство человечества, разделенного непримиримой классовой борьбой, — перед нами одно из диалектических противоречий, слагающих жизнь.

Связи между людьми, обществами, народами, путешествия вещей, знаний — непрерывная, неразрывная часть нашего прошлого, как и нашего настоящего.

Что бы ни происходило на Земле, что бы ни случилось, действующих лиц всегда несколько. Море заливает сушу, человек встречается с человеком, народ вступает в контакт с другим народом. «Вступает в контакт»... Эти слова звучат вполне к месту в диспуте о грядущей встрече с внеземной цивилизацией. Но как происходят встречи с внеземными цивилизациями, мы не знаем. А о встречах между земными цивилизациями и культурами, о передвижениях культурных ценностей по лицу нашей планеты историкам кое-что известно.

Решающее значение для любого общества, безусловно, имеет его собственное внутреннее развитие. Оно идет по законам, открытым Марксом, Энгельсом, Лениным. Именно состоянием самого общества определяется, какие формы примет его контакт с другими обществами, какое воздействие этот контакт на него окажет.

Но никак нельзя забывать и о важности для внутреннего развития общества внешних связей его, всевозможных взаимодействий с другими обществами. Карл Маркс говорил о важном значении и этой стороны проблемы в ряде своих трудов, например в работе «К критике политической экономии».

Исландский крестьянин пасет овец, прирученных двенадцать тысяч лет назад на Иранском нагорье. Свою национальную еду — мамалыгу румыны готовят из кукурузы, священного растения древней Мексики.

За все известное историкам время был, правда, случай, когда кучка людей оказалась полностью вне любых посторонних влияний.

Несколько сот эскимосов, затерявшись в ледяных просторах Гренландии, на такое долгое время потеряли какую бы то ни было связь с остальным человечеством, включая другие группы эскимосов, что в конце концов привыкли к мысли, будто на Земле нет других людей, кроме них. Как, наверное, было им одиноко! Но ничего. Выжили. Однако оказались самым отсталым из эскимосских племен. Известны похожие случаи и в тропиках. Так же, как человек не может без других, так группа людей слабеет, если нет рядом других; так отстает народ, отрезанный от соседей.

Самое яркое свидетельство тому прошлое Австралийского материка. Аборигены Австралии жили в каменном веке, и даже не в новом каменном веке... Австралия сейчас — один из главных овцеводческих районов мира,

но то сейчас, а ведь своих диких овец в Австралии не водилось... Иные земли Австралии словно нарочно созданы для земледелия, но австралийцы, оставшись одни, не успели его изобрести, хотя, как полагают многие специалисты, подошли к этому рубежу довольно близко. Еще несколько тысяч лет одиночества — и они могли, вероятно, стать земледельцами самостоятельно. Но ведь в едином Старом Свете дело шло гораздо быстрее.

Австралийцам приходилось жить собирательством и охотой, в непрерывном движении с места на место, без городов и даже деревень. Они спали в песке или золе костров, у них не было даже лука... Зато был бумеранг, скажете вы. Конечно! И не только бумеранг. Австралийцы создали своеобразную культуру, они были талантливы. Но если ты сам изобрел бумеранг, то нужно, чтобы кто-то еще изобрел лук, а кто-то третий приручил овцу. Потом вы делитесь — и каждый стал втрое богаче.

Говоря о контакте и взаимодействии культур, не надо забывать, что под культурными процессами лежит прочный социально-производственный фундамент, что сами контакты во всем их многообразии — естественный продукт социально-экономического развития взаимодействующих обществ.

Разумеется, народы не просто обмениваются семенами своих открытий, каждое из семян не только падает на чужую землю, но и прорастает на ней, и росток принадлежит уже новой почве. Есть старая сказка о том, как четыре молодца строили корабль. Один пошел в лес с топором и наготовил бревен, другой понаделал из них досок, третий эти доски сбил и проконопатил, четвертый поставил мачту с парусом. И заспорили молодцы: кто же сделал корабль?

Тысячи вариантов есть у этой сказки, они встречаются почти у всех народов Земли. Вместо корабля иногда строят дом, иногда ничего не строят, а делают что-

нибудь еще. Молодцов тоже бывает и больше и меньше, но непременно ясно, что одному без других здесь придется плохо. Эту сказку стоит вспомнить, когда речь идет о культуре человечества и вкладе в нее разных стран и народов.

В замечательной книге «Мой Дагестан» поэт Расул Гамзатов пишет:

«У Шамиля кто-то спросил:

— Зачем Дагестану так много народностей?

— Чтобы одна могла выручить другую, если та попадет в беду. Для того, чтобы одна могла поддержать другую, если та запоеет песню».

ПОДГОНЯЯ СЕБЯ

Единственный вид транспорта, который никогда не выйдет из моды, — наши собственные ноги. Рядом с ними все остальные приспособления, созданные человеком для передвижения, только сомнительные новинки, сменяющие одна другую.

По крайней мере, в течение десяти десятых истории вида Гомо сапиенс ноги оставались для него, как и прежние миллионы лет, единственным «транспортным средством», и он сумел добиться с ним весьма неплохих результатов. В Мексике и сегодня есть племена, способ охоты которых за оленями прост до наивности: животное надо преследовать без отдыха и передышек, преследовать, покуда оно не выбьется из сил.

Людей в качестве носильщиков по-прежнему нельзя заменить ни машинами, ни животными в чрезвычайных, особо трудных условиях. Непальские горцы — шерпы были непререкаемыми участниками и, я бы сказал, необходимым фундаментом всех экспедиций покорителей гималайских вершин. При исследованиях в Центральной Африке сегодня тоже нельзя обойтись без носильщиков. Джек Лондон в своих повестях и рассказах об аляскинской золотой лихорадке воспел носильщиков, которые в точном смысле слова вынесли на себе все, что нужно было золотоискателям.

Да и на Руси в пору бурной торговли по «великому пути из варяг в греки» люди часто без помощи лошадей тащили волоком свои суда с берега одной реки на

берег другой. Я уж не говорю о бурлаках, на которых добрых триста лет держалось судоходство на Волге и многих иных реках. И не случайно в песнях поют про геолога, который идет, а не едет или летит, хотя теперь геологи и ездят и летают.

В средние века в паломничество к разного рода «святым местам» даже короли и императоры отправлялись пешком. Впрочем, это было знаком их самоунижения перед богом. А вот в древних Афинах хождение пешком не только не унижало свободного гражданина — наоборот, оно считалось чуть ли не единственным достойным истинного мужчины способом передвижения. То есть, конечно, не возбранялось специально поехать в случае надобности на колеснице, но человек имел на это право далеко не во всех случаях жизни. Посол, вернувшийся в родной город на повозке, был подвергнут осмеянию. И во всевозможных рассказах и притчах из жизни великих греков мы в основном слышим о том, как они ходят, а не ездят, хотя были в Греции и лошади и волы. «Гражданин должен ходить!» — с этим мудрым правилом отлично перекликаются написанные через двадцать с лишним веков после эпохи расцвета Афин стихи Марины Цветаевой «Ода пешему ходу».

В век сплошных скоропадских
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всеутесно, всерощно,
Прямиком, без дорог
Обивающих мощно
Лишь природы — порог.

Дармоедством пресытись,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.

Не хватает бензина?
Вздоха — хватит в груди!

И совсем уж убедительно солидаризуется с афинянами и поэтессой современная медицина, призывающая побольше ходить. Нынешние миллионы туристов — свидетельство, что призывы не остаются без ответа.

Да, человек силен и вынослив. Он умел не только ходить, но и перебираться вплавь через реки и узкие проливы — десятки тысяч лет назад сравнительно очень немногие острова смогли остаться необитаемыми. Впрочем, сорок тысяч лет — достаточно длинный срок для истории не только человеческой, но и геологической. За четыреста веков Земля во многих весьма важных частностях не раз меняла свой облик. На месте проливов оказывались перешейки, и наоборот. Никого не удивляет то обстоятельство, что древнейшие следы человека в Великобритании относятся к эпохе, отделенной от нас тридцатью с лишним тысячами лет, — в ту пору не изобрели, наверное, даже плоты, зато сама Великобритания не была островом. И Индонезийский архипелаг в ту пору был не совсем архипелагом — будущие острова были отделены друг от друга и от Азиатского материка мелкими и очень узкими проливами. А на другом конце эта длинная цепь почти доходила до Новой Гвинеи и Австралии. Путешествие человека сюда было чрезвычайно долгим, но все же в основном сухопутным.

Материки Азии и Америки тоже не раз за сорок тысяч лет «уничтожали» разъединявший их пролив. На месте нынешнего Берингова пролива за этот срок по меньшей мере дважды оказывался солидный кусок суши, который историки-географы зовут просто Берингией. Есть предположения и о прямой связи Северной Европы с Гренландией и через нее с Американским материком... Но если эти гипотезы справедливы, то «Еврамерика» перестала, видимо, существовать до появления Гомо сапиенса.

Так или иначе известно, что человек заселил почти всю сушу прежде, чем приручил хоть одно животное и построил хотя бы самую неуклюжую лодку.

И даже прежде, наверное, чем хотя бы догадался привязать к подошве ноги дощечку или полоску кожи. Босой, почти безоружный, без друзей и помощников, он стал хозяином Земли — ну а тогда, как водится, нашлись у него и друзья и помощники.

Кстати, с высоты нашей техники изобретения прошлого часто даже не воспринимаются как изобретения. Между тем обувь была когда-то бесспорным блестящим достижением не просто мысли, но мысли технической. Защитить подошву ноги дощечкой, куском кожи или коры — до этого надо было додуматься. И лучшую форму такой защиты тоже найти было нелегко. Изобретение каблука, например, отнюдь не стало общепризнанным новшеством — американские индейцы, как известно, носили мокасины без каблуков. Но зато им пришлось выработать особую походку, которой очень дивились в прошлом веке Майн Рид и Купер. Индейцы-охотники при ходьбе опирались в значительной степени на носок и ставили ноги на землю носками внутрь, а не врозь, как европейцы.

Изобретение обуви, как и многие более поздние достижения творческой мысли, не все встретили с радостью. Много, наверное, было тогда разговоров об изнеженной молодежи, о погоне за модой и удобствами и прочего, хорошо знакомого по сегодняшним образцам. Пустые домислы? Да нет. Всего полтора столетия назад активную кампанию против сандалий провел в Южной Африке грозный зулусский вождь Чака. Он пришел к выводу, что босиком его воины будут бегать в атаку быстрее, чем обутыми. Ну а как быть с острыми камнями и шипами растений? Кожу стопы надо закалить! Чака заставлял своих воинов босыми ногами затаптывать целые кучи колючек. Надо отдать ему должное в одном отношении — Чака подавал им личный пример. И побе-

дил сандалии. Но те его пережили и взяли реванш, демонстрируя неизбежность прогресса.

Бушмены изобрели не просто сандалии, а специально беговую обувь, учитывающую особенности движений стопы при быстром беге.

И сегодня, впрочем, изобретатели не оставили своей заботы о пешем человеке. Запатентована, например, обувь, внутри подошвы которой под давлением закачивают жидкость. В результате подошва меняет форму в зависимости от давления стопы на нее, и это, как утверждают, приятно и удобно. Но самое фантастическое изобретение в этой области — саморемонтирующиеся ботинки. Выдумал их лет двадцать назад писатель Виктор Сапарин и вставил в научно-фантастический рассказ.

Это веселое изобретение уже осуществлено, только предложили материал для вечных ботинок не микробиологи, как думал писатель, а химики. Ими создан кожзаменитель, способный присоединять к своему веществу молекулы из атмосферы и тем самым расти.

...Собаку человек приручил больше десяти тысяч лет назад. Но собачья упряжка появилась куда позже. Не так-то легко было додуматься до превращения доброго товарища по охоте в ездовую скотину. Правда, при раскопках найдены сани времен мезолита, более чем столетней давности, такие большие, что некоторые археологи допустили возможность перетаскивания их собачьей упряжкой. А были ученые, считавшие, что некоторые из древних саней слишком велики даже для собачьей упряжки, и на этом основании отодвигали в седую древность одомашнивание оленя. Но мы знаем, увы, что первым рабочим скотом для человека часто бывал другой человек... А лошадь человек приручил только шесть или семь тысяч лет назад. Тогда, вероятно, и перестал человек быть единственной в мире тягловой силой. Но не всюду. В Америке не нашлось ни лошади, ни животного, способного ее заменить. В Перу, правда, приручили ламу, но использовалась она как вьючное животное, и

груз, который лама могла везти, был слишком невелик, чтобы человек позволил себе отказаться от обязанностей носильщика.

По великолепным дорогам из каменных плит, сооруженным инками, не ездили, а ходили или бежали. Ходили люди с грузом, бежали гонцы.

Испанцы разрушили державу инков. Но, между прочим, был момент, когда инки могли бы, пожалуй, предотвратить гибель империи если не навсегда, то надолго. Когда отчаянные испанские искатели приключений появились в Перу, инки сразу установили за ними наблюдение. И вскоре, рассказывают, чиновник, который вел его, направил в столицу весьма деловое донесение. Он предлагал уничтожить испанцев во время ночлега, непременно сохранив, однако, жизнь «специалистам» — прежде всего кузнецу и конюху. Лошадей тоже следовало захватить живьем.

Надо отдать должное инкской администрации: на нее «двутелое чудовище» (всадник) страху не нагнало. Практичный перуанский чиновник потому и настаивал на захвате конюха, что тот должен был научить инков обращению с лошадьми. Будь это предложение принято, имя Писарро не попало бы в школьные учебники истории, а следующий отряд конкистадоров, явившийся лет через десять, столкнулся бы, пожалуй, с инкской конницей... И тогда, весьма вероятно, хотя бы одна древняя цивилизация Америки уцелела. (Вспомним, что на юге Южной Америки арауканцы сумели оказать долгое и серьезное сопротивление белым, потому что многому успели у них научиться.)

Но инки-правители весьма строго следовали установленным в империи для подобных случаев правилам. Чужеземцев полагалось принести в жертву богам в столице. Чтобы захватить их в пути, придется потратить слишком много сил. А испанцы ведь все равно сами идут к столице, к храмовому жертвеннику. Новые враги казались перуанским властям по своей малочисленности не-

опасными, хоть и вредными. Инки слишком поздно поняли, что с такими случаями они до сих пор не сталкивались. Мы знаем, кто, в конце концов, оказался жертвой...

(Нельзя, впрочем, здесь чересчур увлечься возможным и забыть, что технические и иные преимущества европейских конкистадоров над аборигенами Америки были следствием того, что Европа к тому времени много дальше прошла по пути социального развития, и раннеклассовые государства Центральной и Южной Америки погибли в борьбе с представителями европейского развитого феодального общества.)

Важную роль в ослаблении инкского государства сыграли и классовая борьба внутри его, и ожесточенные распри между разными группировками господствующего слоя общества.)

Преимущества четырех лошадиных ног над своими двумя были очевидны. Поэтому с такой стремительностью лошадь распространилась по Европе, Азии и Африке четыре, или пять, или шесть тысяч лет назад. Поэтому у Майн Рида вы прочтете об индейских племенах, которых так и называют конными, поскольку индейцы эти не расстаются со своими прирученными мустангами. А ведь ко времени Майн Рида индейцы Северной Америки были знакомы с лошадьми меньше двух веков.

А для Европы и Азии лошадь была главным, после собственных ног, транспортом в течение стольких тысячелетий...

А потом поезда, а потом самолеты, а потом... Но по какому-то странному закону пешком люди прошли и заняли больше земель, чем верхом, а всадники открыли в этом мире куда больше, чем пилоты.

Даже победа над обоими полюсами Земли стала триумфом двух древнейших транспортных средств: человеческих ног и собачьей упряжки. Пири (или Кук) на севере, Амундсен на юге выиграли соревнование с природой и достигли макушек планеты с помощью этих самых «консервативных» методов передвижения.

И почти то же самое на море. Цейлон и Филиппины были заселены во времена лодок, выдолбленных из дерева. А самым фантастическим морским путешествием древности был уже упоминавшийся переход малайцев от Индонезии к Мадагаскару. Он произошел, по мнению одних ученых, на рубеже нашей эры и задолго до нее — по мнению других. (Впрочем, возможно, что этот переход был повторен малайцами дважды, с разрывом в несколько веков.) Даже если верна более поздняя дата, это, вероятно, наряду с заселением Полинезии первое сознательное и организованное пересечение океана — целого океана!

В каждой школе стоит глобус. Самый обыкновенный. На нем показаны разной краской горы, равнины, моря — все, что полагается. Картографы не нанесли на этот шар даже границ между государствами. Глобус — физический. Но прочные линии — красные, белые, сплошные, пунктирные — показывают пути Колумба и Магеллана, Крузенштерна и Лисянского... Вода не хранит следов, но для этих она сделала раз и навсегда исключение.

Есть открытия, которые нельзя стереть из памяти человечества. Раз пройденный путь становится объективно существующим.

Завоевание моря было большой победой в великой борьбе за овладение сушей. Только-только, кажется, море было страшнее любого врага, разделяло народы лучше самых высоких стен — и вот оно уже друг и союзник, сплошная дорога, самый верный из путей. Появление кораблей, приспособленных к дальним путешествиям хотя бы вдоль берегов, резко изменило жизнь побережий.

К сожалению, жить на побережьях сразу стало опаснее — пираты, как известно, появились одновременно с первыми моряками — точнее, первые моряки стали пиратами «по совместительству». Но ведь моряки занимались не только разбоем.

На суше перевозка товаров оказалась делом чрезвычайно трудоемким. Пять тысяч лет назад и дорог-то почти не было, и повозок тоже почти нигде не было, они только-только начинали свой путь по миру.

А корабли уже были. Были! И какие — парусные.

Египтяне подняли первый парус над ладьей, по крайней мере, шесть тысяч лет назад. Сначала такие ладьи плавали по Нилу, но потом вышли и в Средиземное море, хотя народом моряков древние египтяне тогда так и не стали. Первым народом, который мог бы претендовать на титул властителя морей, были жители Кикладских островов Эгейского моря. Этот небольшой архипелаг занимает почетнейшее место в истории. Его обитатели изобрели новые способы управления кораблями, которые затем усовершенствовали мореплаватели сравнительно крупного Крита.

Было время, мореходы Крита добирались до Пиренейского полуострова, даже огибали его и через Гибралтарский пролив выходили в Атлантику. На востоке их корабли проникали в Черное море.

Многие открытия, которые приписывали финикийцам, были, как выяснилось, сделаны еще критянами и другими греческими островитянами. Даже знаменитый Карфаген был основан на месте, где задолго до того размещалась древнегреческая колония.

Корабли росли вширь, ввысь, в длину. Уже почти пятьдесят веков назад в Средиземноморье не был диковинкой корабль длиной в тридцать пять метров (для сравнения — каравелла Колумба была гораздо короче).

От этих кораблей прямой путь лежал уже к греческим и римским судам. Эстафета кораблестроения переходила от одного народа к другому; и каждый новый претендент на морское господство должен был доказывать свои права совершенствованием своих судов. И почти любое удачное изобретение довольно быстро распространялось не только среди союзников, но и среди врагов. К особенностям конструкции захваченного кар-

фагенского корабля римляне проявляли не меньше внимания, чем англичане к конструктивным особенностям сбитого в 1940 году над Лондоном немецкого истребителя.

Средиземноморье стало «нашим морем» римлян, но задолго до этого греки так усердно заселяли берега Эгейского и Черного морей, что их сравнивали с лягушками, рассевающимися вокруг лужи. Нельзя лучше подчеркнуть то обстоятельство, что море стало покорно человеку.

Не так давно была предпринята попытка доказать, что знаменитая «Одиссея» всего лишь зашифрованное описание морского торгового пути. Французский географ Жильбер Пийо обратил внимание на одну особенность великой поэмы. Все расстояния между странами, где побывал хитроумный Улисс, указаны в днях (сутках) пути, причем с большой точностью. Девять суток так девять, четверть суток так четверть. При этом некоторые участки пути Одиссея и его сына Телемака точно известны и не вызывают никаких сомнений. Мы знаем, например, из поэмы, сколько времени Одиссей плыл с острова Корфу на свою Итаку, и знаем, сколько километров от Корфу до Итаки, которые и сегодня стоят на своих местах. И вот выясняется, что все эти известные участки корабль проходил с одной и той же скоростью — примерно в 8,7 морского узла, то есть почти 15 километров в час. Скорость для парусных судов не маленькая, но и не чересчур большая. Однако... даже современные рейсовые лайнеры не выдерживают с такой точностью одну и ту же скорость на разных отрезках пути. И совсем маловероятно, чтобы парусные корабли, зависевшие от капризов ветра, были так «стандартны».

Из этого Пийо и сделал вывод, что дни пути у Гомера просто условная единица для обозначения расстояния. Но если так, то можно высчитать, сколько всего проплыл Одиссей. А по ссылкам на направления ветров и расположение звезд во время странствий Пийо попытался определить и конкретную дорогу Одиссея.

Лотофаги, к которым отнесло корабли Одиссея за девять суток, жили в западном Марокко, на побережье Атлантики. Именно здесь издревле был в большом употреблении наркотик типа гашиша — тот самый «лотос», что давал покой и блаженство лотофагам Гомера. Остров циклопов — Канарские острова, а сам грозный циклоп, швырявший камни вслед кораблю Одиссея, — вулкан Тенериф.

Но всего интересней дальнейшее развитие гипотезы. Страна листригонов — это запад Ирландии, влажный, лесистый, со скалистыми берегами, точь-в-точь по Гомеру.

Сцилла и Харибда — скалы у берегов Шотландии, а остров Огигия, владение нимфы Калипсо, — Исландия! Отсюда до острова Корфу, если плыть с предполагаемой скоростью Одиссея, — семнадцать суток. Ровно столько грек потратил их и у Гомера. В пользу Исландии говорят и фонтаны, украшавшие сады Огигии, — кому не известно ныне о знаменитых исландских гейзерах?! Правда, сады в Исландии появились только в XX веке, да и то в теплицах, обогреваемых подземным теплом. Но придумать сады проще, чем огромные фонтаны.

Прав ли Пийо? Судить трудно, но, во всяком случае, привычная раньше привязка всех событий «Одиссеи» к восточному Средиземноморью сейчас тоже кажется сомнительной. Во времена Гомера Сицилия, скажем, уже не слыла загадочной страной, и в VII веке до нашей эры, когда «Одиссея» была записана, там существовали даже греческие колонии.

Ну и могли ли в этом VII веке до нашей эры греки плавать по Атлантике? Вспомним, что ничуть не позже финикийцы проплыли вокруг Африки, а это куда более сложная задача.

Но нельзя забывать и о другом. Через века после записи «Одиссеи» древнегреческий ученый Геродот, признанный «отец истории», тщательный и вдумчивый ис-

следователь, писал: «О западных окраинах Европы не могу сказать ничего достоверного, ибо не допускаю существования реки, которую варвары называют Ериданом, и которая будто бы впадает в Северное море, и от которой, как говорят, приходит янтарь; не знаю я также, действительно ли существуют оловянные острова... Я не могу найти ни одного очевидца, который засвидетельствовал бы, что по ту сторону Европы есть еще море».

Оловянные острова — Британия, Еридан — Эльба или Везер, а море по другую сторону Европы существует. И слова Геродота могут значить всего лишь, что хитроумная операция древних мореходов удалась.

Задолго до Одиссея строители Стоунхенджа в Англии перевозили многотонные грузы по морю на десятки километров. А позже бесчисленные лодки полинезийцев и малайцев избороздили Тихий и Индийский океаны, открыли Австралию и Новую Зеландию; изредка, вероятно, добирались и до Америки. В самой Америке индейцы совершали длинные путешествия на бальсовых плотках, прославленных Туром Хейердалом. По-видимому, с их помощью поддерживались сношения между мощными цивилизациями Мексики и Перу.

Корабль, правда, речной, был главным транспортным средством и при многих путешествиях русских землепроходцев в Сибири. Снова и снова они одолевали очередные водоразделы, строили на скорую руку струг на берегу очередной известной или вновь открытой реки и плыли по ней, пока ее направление хоть сколько-нибудь устраивало искателей.

Обратите внимание: парус был первым человеческим изобретением, придуманным для использования энергии неживой природы. Парус был зародышем всего построенного на этой энергии человеческого могущества.

История парового котла, победителя паруса, тоже история странствия. Странствия идеи, которую берутся осуществлять французские, русские, немецкие, англий-

ские изобретатели. Странствия конкретных воплощений этой идеи. Советский историк техники профессор В. Виргинский рассказывает о парадоксальном эпизоде, связанном с первым «настоящим» пароходом. Изобретатель, американец Фультон, спустил его на воду во Франции, на Сене, после того как проект парохода получил восторженное одобрение Парижской академии наук. Тем не менее из книги в книгу, из статьи в статью путешествует рассказ о том, как Фультон обращался за помощью в Академию наук и к императору Наполеону, но и первая и вторая издевательски отклонили его просьбу. Между тем Фультон действительно просил денег у Наполеона, но в бытность его еще генералом Бонапартом, и не на пароход, а на подводную лодку. И Наполеон, первый консул Французской республики, помощь обещал.

Ко времени же создания парохода республиканец Роберт Фультон уже видел, и вполне справедливо, в диктаторе Франции тирана и завоевателя. Поэтому он не стал обращаться к нему с прошением, а вскоре после первых плаваний — по Сене! — уехал в Англию. Но из всего этого отнюдь не воспоследовало, как иногда пишут, победы «пароходного флота» Англии над французскими парусниками.

Первой войной, в которой пароходы сыграли серьезную роль, была Крымская кампания. А она началась спустя почти сорок лет после Ватерлоо.

Из чего следует, что путешествия идей в реальности не так быстры, как хочется, зато легенды живучи.

Можно вспомнить множество других способов укрепления связей между людьми, помимо строительства кораблей.

Нам, избалованным самолетами и автомобилями, уже трудно представить себе, что значило для мира в начале (и середине, и конце) XIX века строительство железных дорог, когда, человек,

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

Вместо 10—15 километров, которые делала в час карета, паровоз сразу выдал 50 и 60. Но даже этот прирост в скорости кажется не слишком масштабным, когда узнаешь, насколько изменились масштабы перевозки грузов. Да что говорить, что называть цифры, даже самые эффектные: представьте-ка себе ряды волов и вдумайтесь в то обстоятельство, что этот вид грузового транспорта был тысячелетия не то что лучшим, но просто единственным (разумеется, на суше). И вот паровоз!

Необычайно большую роль сыграла в истории Транссибирская железная дорога. Она резко ускорила освоение богатств Сибири. Важной страницей истории Америки стала первая трансконтинентальная дорога, которая пересекла США с востока на запад. Строившие дорогу с разных сторон — от двух океанов — компании бешено дрались друг с другом и с индейцами, хозяевами земли, по которой дорога шла. Горели подожженные индейцами прерии, стада бизонов разносили в клочья лагерь строителей, взлетали в воздух взорванные конкурентами участки пути... Ко всему оказалось, что встречные линии так разошлись, что в районе предполагаемого пункта встречи между ними лежали триста километров...

Рельсы впервые появились в средневековье, если не считать их предшественниками желобки для колес, выбитые в камне древних дорог на острове Мальта.

До наших дней дошла миниатюра, сделанная в 1430 году. На ней чехи-гуситы, борцы против католической реакции, перевозят в тележках по длинным деревянным брускам материалы для строительства укреплений. Рельсы были тут же применены на шахтах. Это техническое новшество, изобретенное в Центральной Европе, быстро распространилось.

И английская королева Елизавета пригласила шахтеров из Южной Германии и Трансильвании (ныне часть Румынии), чтобы те оборудовали рельсами и вагонетками британские шахты. В XVIII веке на деревянной основе рельсов, слишком легко стиравшейся, появились чугунные накладки. В XIX веке рельсы снова вышли из-под земли, чтобы стать железными дорогами.

В ближайшем будущем их ждет новый триумф: уже в 1980 году должны появиться железные дороги, на которых поезда разовьют скорость по 500 километров в час! Авиационная скорость.

А сама авиация? Она как будто создана для путешествий. Скорости, заставляющие планету съезживаться. Подвиги, заставляющие ее жителей гордиться собой.

Но величайшие географические открытия, повторяю, чаще всего делали пешком. Техника все-таки следует за человеком, а не опережает его.

А человек занял практически всю планету, годную для жизни, за исключением Антарктиды, удаленных островов, некоторых областей Арктики, высокогорных районов и пустынь, уже, по крайней мере, двадцать тысяч лет назад. Восемь или десять тысяч лет прошло с тех пор, как предки эскимосов нашли способ жить в арктической пустыне. Три с лишним тысячи лет назад предки монгольских и тюркских народов освоили великую пустыню Гоби, впервые в истории пересекли ее и нашли на ее выжженных землях пищу для своего скота.

Полторы или две тысячи лет, как первые в мире капитаны дальнего плавания — полинезийцы открыли свою нынешнюю родину, раскинувшую свои острова на просторах Тихого океана. Может быть, именно эти «мореплаватели солнечного восхода» первыми в мире научились не плавать вдоль берегов, а смело направлять свои суда в открытый океан. То есть, вероятно, у них были предшественники, переходившие время от времени от каботажного плавания к путешествиям через моря напрямик. Именно так ведь малайцы добрались до

Мадагаскара. Но системой стало новое отношение к движению через море у полинезийцев.

Нашей эре осталось добирать крохи, упущенные из внимания нашими предками.

Исландия открыта ирландцами в VII или VIII веке.

Новая Земля — русскими примерно в XII веке.

И так далее.

То же, что мы называем Великими географическими открытиями, было в конечном счете, с точки зрения заселения планеты, лишь повторением уже пройденного.

Но как сказал советский историк и географ Э. М. Мурзаев:

«...если одно и то же открытие повторяется дважды или большее число раз (что тоже не исключено), оно никогда не бывает однозначным и равноценным. А это уже функция времени, уровня науки, ее возможностей, которые развивались исторически».

Самый крупный из материков, не входивших в прародину человечества, — Америка. Поэтому о его открытиях можно поговорить здесь и чуть подробнее.

ПУТЬ В НОВЫЙ СВЕТ

С Америкой случилось то же, что со многими другими землями: ее только и делали, что открывали. А теперь ученые каждый год узнают что-нибудь новое о том, как именно, кто и где ее открывал.

Колумб! Но норманны раньше! Но, возможно, еще раньше ирландцы! Но еще раньше, может быть, римляне, карфагеняне, египтяне, жители Западной Африки, полинезийцы, австралийцы... Некоторые такие открытия бесспорны, другие вызывают дискуссии, третьи почти все ученые объявляют невозможными.

С норманнами все разрешилось наилучшим для энтузиастов образом. Признаны подлинными надписи, сде-

ланные на найденных в Северной Америке камнях скандинавским руническим письмом. Зброшенная ветряная мельница в городе Ньюпорте, в Соединенных Штатах, при ближайшем рассмотрении оказалась норманнской башней.

Некоторые характерные черты внешнего облика индейцев сну были довольно удачно объяснены примесью европейской крови — наследием древних викинггов, затерявшихся среди аборигенов Америки.

Иначе обстоит дело с более древними предполагаемыми пришельцами из Старого Света. Считается возможным (но не доказано), что в Южной Америке побывали римляне и карфагеняне. Римские монеты IV века нашей эры найдены в Венесуэле. Это не значит, конечно, что там побывали именно сами римляне. Ведь на Камчатке, скажем, тоже найдены древнеримские монеты, но они прошли на своем пути туда через множество рук... И в Америку могли доплыть, скажем, иберы, или британцы, или галлы. Но кто-то же доплыл!

А голова римской статуэтки, найденная когда-то в Мексике, наверняка не была подброшена. Обстоятельства ее находки, как полагают специалисты, исключают эту возможность.

А путь обратно? Увы, не найдено пока никаких американских вещей в городах и селах доколумбовой Европы. Правда, римские ученые I века нашей эры сообщают о лодке со странными людьми, принесенной бурей к берегам Германии. Судя по описанию, эти люди могли быть индейцами.

С запада приплывали в Америку китайцы и японцы. Все в той же Мексике находят и китайские вещи, а на побережье Эквадора и Перу — точно такие же горшки, какие делали в древней Японии.

Одна из первых американских цивилизаций была создана ольмеками в Мексике. Трудно переоценить значение ольмекской культуры для цивилизаций майя, ацтеков, даже инков в Перу. И вот эти самые ольмеки,

кроме всего прочего, вырубали из камня человеческие головы, каждая весом в тонны. У этих голов короткие, расплюснутые носы (а отнюдь не орлиные индейские), губы у них большие и оттопыренные. Типичные негроидные черты! Правда, многие ученые полагают, что это только результат стилизации, характерной для древнего искусства ольмеков, да и многих других народов.

Недалеко от Европы и Африки до Америки. И древние путешествия через Атлантику представить себе совсем нетрудно. От Китая и Японии, Филиппин и Полинезии, Австралии и Меланезии до Америки куда дальше. Но полинезийцы, чувствовавшие себя на просторах океана не гостями, а хозяевами, могли одолеть такой путь.

Австралийцы отнюдь не мореплаватели, но в древности, при других климатических условиях, они могли использовать в качестве трансокеанского моста Антарктиду. Эту гипотезу выдвинул крупный французский ученый Поль Риве. Встретили ее, однако, в штыки. В последние тысячелетия и даже десятки тысячелетий холодно в Антарктиде, а проливы между нею и Австралией, да и Америкой, слишком широки, чтобы через них можно было перебраться без соответствующих морских судов. Но ведь откуда-то же должны были появиться у индейцев крайнего юга Америки некоторые черты негроидов...

Знаменитые легенды о белых богах, расчистивших дорогу вторгшимся в Америку испанцам, навевают сны о европейцах, прорвавшихся в Америку давным-давно. Может быть, эти сны вполне реальны. Но есть и другой вариант — среди индейских племен есть относительно светлокожие племена, явно лишенные всяких примесей европейской крови. Не их ли называли белыми до появления испанцев, португальцев, англичан?

Словом, тут почти в каждом случае бабушка-история говорит надвое.

Скорее всего контакты имели место, но почти все

они были случайными, неповторяющимися. Америка была для жителей Европы, Африки и Азии своеобразным Аидом древних греков: тот, кто в нее попадал, уже не мог вернуться. Слишком велики были расстояния, которые кажутся нам сегодня небольшими.

Но была одна область, где Старый и Новый Свет сближались, подходили друг к другу вплотную, время от времени сливаясь воедино, когда на месте Берингова пролива на тысячелетия появлялась суша, чтобы затем снова исчезнуть под водой.

Русские исследователи давно обратили внимание на сходство боевых пластинчатых панцирей у чукчей и японцев в Азии и индейцев-тлинкитов в Америке. Эскимосы, освоившие тяжелейшие арктические условия, вообще не подозревали, что живут одновременно на двух великих материках, условная географическая граница их никак не разделяла.

Берингов пролив оказался, с точки зрения геологов, весьма капризным. Его дно частенько, в геологических масштабах, поднималось. Место Чукотского и Восточно-Сибирского морей тоже порою занимала суша. Мост в тысячу километров шириной перебрасывала природа, заботясь о том, чтобы Америка не осталась незаселенной. Последний раз этот мост исчез всего сто — сто десять веков назад. А до того существовал на протяжении пятнадцати-восемнадцати тысяч лет. А предпоследний раз мост держался примерно столько же времени, но был «снесен» более тридцати пяти тысяч лет назад. Есть ученые, которые склонны уточнять эту цифру, они говорят и о сорока и о сорока восьми тысячелетиях.

Скорее всего человек воспользовался последней наводкой моста. Более ранние варианты как будто отпадают — ведь в Америку пришел представитель нашего с вами вида Гомо сапиенс, а не какой-нибудь неандерталец.

Значит, на переселение в Америку природа отпустила всего пятнадцать-восемнадцать тысячелетий? Нет.

Тут получилось, как в средневековом замке. За океанским рвом, который был перейден по «подъемному мосту», оказались ворота. И они приоткрылись перед пришельцами совсем ненадолго. Через два тысячелетия после возникновения последней Берингии на Аляске соединились два огромных ледника, образовав несокрушимый и непроходимый вал поперек страны. Те, кто успел пройти через ворота, оказались отрезанными на новой земле. Началась большая американская робинзонада.

Перед самым крушением Берингии изменение климата заставило ворота в ледяном валу вновь открыться. Воспользовался ли кто-нибудь этой новой возможностью, просуществовавшей, может быть, всего десятки лет, а возможно, и одно-два тысячелетия? Скорее всего да.

Север и Дальний Восток нашей страны были заселены в то время энергичными и подвижными племенами, искавшими новые земли.

А первый раз эти племена вышли к Америке, получается, 25—30 тысяч лет назад. Но какие племена? Кого пронесло через Берингию за двести девяносто пять столетий до Колумба?

...В Якутии на Алдане была совсем недавно исследована пещера, в которой когда-то жили люди. Здесь нашли больше десяти тысяч расколотых человеком кремней. Среди них обратили на себя внимание наконечники для копий, обработанные с двух сторон и принявшие форму ивового листа или другую, близкую к треугольной.

Конечно, некоторое сходство внешнего облика приполярных северян и приполярных южан можно объяснить как результат приспособления в ходе многовекового отбора к схожим условиям жизни. Рост, например, даже форму носа. Такая гипотеза, очень серьезно обосновываемая, существует. Но таким способом нельзя объяснить сходство северян и южан в Америке по деталям кожного рисунка на ладони. Этот рисунок с при-

способлением организма к климату не связан. Значит, приходится думать о другом объяснении.

Историки знают, что на окраинах Ойкумены (так называли древние греки обитаемую часть земли) жизнь консервирует многие особенности хозяйства, быта, культуры, которые так легко потерять на бурных перекрестках вселенной. Попавшие на «окраины мира» племена меньше общаются и смешиваются с представителями других народов, их внешность поэтому мало меняется с течением времени. Можно сказать, что окраина «консервирует» отдельные внешние черты людей. Так, может быть, те самые негроидные детали во внешности огнеземельцев и некоторых других индейских племен, для объяснения которых многим историкам требовались доказательства вторжения из Африки, Меланезии или Австралии, на деле как раз наследство древнейших обитателей этих мест, пришедших на Американский материк с Камчатки.

А теперь вспомните — дважды за последние тридцать тысяч лет открывался широкий путь из Азии в Америку. Каждый раз на сотни, а то и тысячи лет. Оба раза этим воспользовались люди. Только вторая волна заселения была отделена от первой многими тысячами лет.

Эскимосы и огнеземельцы, как и некоторые североамериканские индейские племена, — очень возможно, потомки первопришельцев, оттесненные новыми хозяевами материка в самые холодные и труднодоступные области. К сожалению, картина в истории достаточно частая. В Центральной Азии в таких случаях древние племена оставались в горах, в Океании — на наиболее жарких островах, в Африке — в пустынях и тропических лесах. Те аборигены, которые жили в более удобных условиях, смешивались с пришельцами, теряя обычно многие свои характерные черты. Окраины, горы, острова — как часто они оказываются своеобразными заповедниками, хранителями древнейшего наследства.

Вот совсем близкий к нам — и исторически и географически — пример: в Сибири есть села, где до сих пор говорят на русском языке, сохранившем некоторые особенности, характерные для XVII века.

Не стоит здесь рассказывать подробно историю заселения всей Земли. Позволю себе отослать читателя к книге антрополога А. А. Зубова «Человек заселяет свою планету». Напомню только о том, что, например, у нас в стране, неподалеку от Воронежа, а в Италии, вблизи города Ментоны, были раскопаны останки людей, принадлежавших к африканоидной расе. Этим останкам 25—30 тысяч лет.

По-видимому, перед нами свидетельства путешествий древних жителей Африканского материка далеко за пределы своего континента. Надо сказать еще, что, по мнению многих антропологов, некоторые из нынешних жителей Испании, Франции, Ирландии донесли из глубины веков отдельные черты внешнего облика, унаследованные от африканских предков. И это тоже доказательство той истины, что человек уже в древности умел покорять пространства. И если у него уходило на это больше времени, так не он же был тут виноват.

РАДИУС ДЕЙСТВИЯ

Мы привыкли торопиться. Мы только не привыкли к этой своей привычке. Мы жалуемся на бешеную гонку беспокойного XX века и вздыхаем о тихих временах своих дедов. Впрочем, XIX веку казался спокойным и неспешным XVIII век... Наверное, это тоже свойство нашего зрения, благодаря которому рельсы сходятся вдаль. Расстояние во времени так же (и даже еще сильнее) меняет масштабы, как просто расстояние.

И все-таки верна старая поговорка, которую любил Карл Маркс: крот истории роет хорошо. И как ни торопится история, а времени хватает на многое.

Впрочем, теперь его, кажется, нужно меньше. Например, на путешествие в любую часть мира. На выработку определенного количества энергии.

В табачном киоске продают не только московские или ленинградские, но и венгерские, индийские, кубинские сигареты, на одних и тех же прилавках магазинов оказываются южноамериканские ананасы, апельсины из Северной Африки, манго из Индии. Европа, Америка, Азия, Африка и Австралия причудливо сочетают свои дары в нашем быту.

Каждый из нас в обыденной жизни своей — живое воплощение огромности нынешнего мира, туго перевязанного прочными нитями железных дорог, морских путей и воздушных трасс. А раньше? Тридцать, двадцать, десять и пять тысяч лет назад было совсем — и не совсем — по-другому...

Впрочем, сначала перенесемся всего на двенадцать веков назад, в Багдад VIII века, Багдад времен героя сказок «Тысячи и одной ночи» — Гаруна аль-Рашида. Этот город был признанной столицей арабского халифата и центром всего мусульманского мира. Отчеканенные в нем — в это время и чуть позже — монеты находят в Африке и Восточной Азии, в Англии и на всем «пути из варяг в греки», пересекавшем с севера на юг европейскую часть нашей страны. Время от времени здесь обнаруживают клады в тысячи серебряных монет, а общее число найденных арабских серебряных монет доходит уже до миллионов. Это найденных. А ведь находим мы главным образом то, что прятали, и, конечно, далеко не все. Сколько же серебра приходило в Восточную Европу из мусульманских стран на самом деле! И сколько людей должны были платить дань халифату, чтобы арабы могли позволить себе торговые операции такого размаха.

Пышен двор халифов из рода Аббасидов, к которому принадлежал и Гарун аль-Рашид. Надолго стал для людей Запада и Востока Багдад того времени олицетворением роскоши и богатства. Шелк и парча переливаются на страницах сказок «Тысячи и одной ночи», рассыпают лучи алмазы, сверкают рубины, изумруды, яхонты.

И эта пышность отнюдь не только местного происхождения. Сказки «Тысячи и одной ночи» не случайно переполнены купеческими караванами и кораблями дальнего плавания. Товарами из стран от Испании на западе и до Китая на востоке гордятся багдадские базары. Арабский географ XIII века Якут задним числом оправдал основание Багдада речью, которую якобы произнес перед халифом в VIII веке один из его советников. В этой речи говорится, в частности, о диковинах Индии и Китая, которые привезут к халифу по реке Тигр.

Почти вся Африка втянута в торговую сеть халифа-

та. Из Северной Европы, Зауралья и Сибири приходят в Багдад драгоценные меха. Арабские купцы и их посредники проникают в поисках мехов за Полярный круг. Зачем бы, кажется, теплая пушнина жителям субтропического Багдада? Но горностаи, соболь, куница становятся приметами знатности и богатства. (А шкуры белых медведей почему-то особенно ценятся в Египте.) Поражает воображение путь на багдадский базар нарвальего бивня — с Чукотки и Камчатки через Сахалин, Японию и Китай. Конечно, большинство товаров из дальних земель предназначено только для знати халифата, нескольких тысяч, а то и сотен человек, и все-таки добрая половина планеты снабжает Багдад.

Если отступить назад еще на тридцать три столетия, заглянуть в город Киш в Месопотамии (возможно, это был прямой предшественник Багдада), то картина изменится не так сильно, как можно ожидать на первый взгляд. Археологи, правда, уже не находят в развалинах Киша остатков вещей, привезенных из Китая и Англии. Но круг связей крупного города в III тысячелетии до нашей эры остается еще чрезвычайно обширным. Индия и Афганистан, Малая Азия и Сирия постоянно торгуют с Кишем. В Киш поступает через Египет африканское золото — его залежи на Черном материке сделали тогда Древний Египет богатейшей страной мира.

Но зато теперь достаточно уйти в прошлое еще на три тысячи лет, чтобы радиус этого круга сократился раз в восемь или десять.

Города существуют, но они малы и небогаты. Тем не менее они притягивают к себе из ближних и сравнительно дальних мест сырье, ценные пищевые продукты, изделия ремесла.

Даже в эпоху, когда о городах не было и речи, люди порою умели поддерживать между собою связи на далеких расстояниях. На реке Оке находят зеленый ка-

мень нефрит из Прибайкалья, в Финляндии в могилы кладут вместе с покойниками изделия из уральского кедра.

Есть в истории такое понятие — археологическая культура. Совокупность предметов, относящихся к одному месту, одному времени и обладающих некими объединяющими их особенностями.

При раскопках всегда находят и такие вещи, которые к местной археологической культуре не относятся.

Среди черепков, оставшихся от горшков собственного изготовления, находят стенки и венчики сосудов, вылепленных из глины, которая поблизости не встречается, иначе обожженных, покрытых непривычным орнаментом. Находят ножи, сделанные из камня, какого здесь не обнаружить, находят украшения, знакомые по раскопкам в других местах... По привозным вещам можно узнать, с кем торговало или обменивалось (а иногда — воевало) племя, на земле которого ведут раскопки.

В результате удастся представить себе общий размах связей племени с окрестными племенами. Радиус построенной на основе находок окружности, в которую попадают союзники и враги, для эпохи, отделенной от нас пятнадцатью тысячами лет, составляет примерно 80 километров. Это совсем немало, конечно. Тем более что отдельные вещи проходят порою и более длинный путь. Вот как раз в ту эпоху раковины со Средиземного моря попадали на среднее течение Днепра.

Позже, но все еще в каменном веке, огромные расстояния преодолевал порою главный материал, давший этому веку имя. Естественно, что камень обсидиан, или вулканическое стекло, как его еще называют, распространен далеко не повсеместно. Он встречался, например, в Абиссинии, на некоторых небольших островах Средиземноморья. Не было его ни в Египте, ни в Ассирии, ни на Крите, ни на большей части Балкан. Но обсидиан — отличный материал для обработки, как нельзя более пригодный для ножей и наконечников копий.

Из него получают тонкие и точные орудия для самых ответственных и тщательных работ. Поэтому мы все-таки находим его в древнейших могилах Египта, еще не успевшего стать единым царством, находим в Месопотамии, и на Крите, и на Балканах... Правда, все это районы древнейших цивилизаций мира. Но и в Северной, Западной и Средней Европе многокилометровые путешествия проделывает кремень. Серый с прожилками камень, добывавшийся в районе нынешнего Львова, переправлялся в центральную Германию. Желтый кремень из бассейна Луары в центральной Франции достигал английского острова Джерси, Бельгии, Швейцарии.

В Австралии еще недавно господствовал каменный век. Австралийцы не успели благодаря природным условиям страны перейти даже к сравнительно оседлой жизни, у них были не поселения еще, а лишь стоянки, австралийцы не знали даже постоянных жилищ. Но некоторые вещи уже тогда путешествовали через всю Австралию, меняя по пути хозяев, минуя земли целых десятков племен. А ведь Австралия, что ни говори, целый материк, хоть и самый маленький на планете. И вещи-путешественники связывали запад и восток его, север и юг. Не очень прочные узы. Но они существовали.

Да что вещи-путешественники, что камень и раковины! Многие тысячи лет назад отправлялись в дальнюю дорогу куда более непрочные товары.

У Хлестакова, хваставшегося, что ему привозят суп прямо из Парижа, в кастрюльке, горячий, были весьма талантливые предшественники. В каменном веке в центральных районах Франции, за сотни километров от моря, пещерные гурманы ели морскую рыбу и оставили нам на память о своих трапезах кучи рыбьих костей. Так мы узнали, что не только в Париж и не только в XIX веке возили в кадках живых севрюг из Волги, и что не только персидским царям V века до нашей эры доставляли в глубь материка средиземноморскую рыбу.

В глубине тысячелетий шли от племени к племени рыба и камень, новые сельскохозяйственные культуры и новая техника. Шли медленно, не то что в наши дни.

Моде на мини-юбки оказалось достаточно трех или четырех лет, чтобы пройти по всей планете, и еще через пять лет газеты получали письма в их защиту от тех самых людей, которые были недавно возмущены приходом этих мини.

Моды каменного века были медлительнее. Не одна сотня, а то и тысяча лет требовались, чтобы новый тип ожерелья из раковин дошел от побережья Индийского океана до Приуралья. Расстояния тогда было в пору измерять временем, как сейчас астрофизики растягивают по межзвездным дорогам рулетки с делениями в световые годы. Но, сколько бы веков ни летел свет, он все-таки доходит. Даже если звезда успела за это время погаснуть. Крот истории налаживал все более и более дальние связи.

Надо, впрочем, сказать, что первобытный обмен между племенами, который способствовал распространению вещей, далеко еще не был торговлей в полном смысле слова. И посредники в этом обмене (а в таком качестве выступали, судя по австралийцам, иногда отдельные люди, иногда роды, а иногда и целые племена) не были торговцами. Не буду, однако, слишком глубоко вдаваться здесь в экономические тонкости.

Напомню лишь, что нередко движение важного сырья к тем, у кого его не было, осуществлялось их собственными силами. В Австралии было принято пропускать «чужаков» к залежам особо ценных пород камня и минеральной краски. В Северной Америке большая группа эскимосов сменила место жительства, переместившись на несколько сот километров в сторону от залежей мыльного камня, из которого делали жировые лампы. Но от привычного материала для ламп не отказалась. Иногда за ним посылали экспедиции, иногда использовали посредничество соседей.

При первобытном обмене — почему ученые-экономисты и не считают возможным называть его торговлей — нет еще обычно ни системы цен, ни представления о подлинной стоимости предметов.

Кое-чем напоминает такой обмен торговля первых европейцев, прибывших в Океанию, с местными жителями. Англичане радовались жемчугу, полученному за стеклянные бусы. Но и океанийцы при этом ведь получали нечто небывалое и были счастливы. Это мы знаем, кто кого обманывал.

Но океанийцы без бус прожить могли. И первобытное племя получало от соседей в основном такие вещи, без которых вполне можно бы обойтись. Положение резко изменилось с началом «металлических веков». Золотое украшение или бусы из раковин не были предметом первой необходимости. Бронзовый меч стал им. Слишком большие преимущества давал он своему обладателю. Позже его место занял меч из железа, да и ножницы, да и плуг из того же металла тоже были нужны в каждом хозяйстве.

Происходили очередные разделения труда и внутри каждого племени, и между соседними племенами. Торговля заняла в жизни общества то место, которое, по существу, занимает и сегодня. Зашумели базары и ярмарки. Люди научились считать и торговаться. Часть из них стала заниматься торговлей как главным средством существования.

Купцы были обычно прямо заинтересованы в путешествиях и открытиях, хотя сами путешествовали далеко не всегда. Их интересовали далекие поставщики заморских ремесленных диковинок, чужеземные источники сырья, им были нужны рынки сбыта... Источники сырья, рынки сбыта... Сухие слова из учебника экономики? Но взгляните пристальней, и вы увидите на их фоне пестрые паруса древних кораблей, резные носы каравелл... Давно стало нарицательным гордое имя Колумба, но ведь его знаменитое плавание не могло бы со-

им будет оказан почет и внимание, и никто да не совершит над ними насилия и не причинит ущерба (дабы они по меньшей мере не испытали никаких затруднений, кроме тех, которые они должны и без того претерпеть), ибо купцы способствуют процветанию мира».

Вообще-то говоря, автор этих строк довольно мало заботился о «процветании мира».

За три года до того, как Тимур продиктовал свое послание, он стер с лица земли Дамаск и Багдад, а еще тремя годами раньше разрушил Дели в Индии. И умер он в разгар подготовки вторжения в Китай.

Тем не менее купцам Тимур покровительствовал. Как покровительствовали им Чингисхан, и Александр, и прочие завоеватели. Впрочем, это можно сказать не об одних лишь завоевателях чужих земель.

Торговля обогащала государей, в казну которых поступали таможенные пошлины и налоги.

Киевский князь Владимир Мономах, одна из ярких фигур Древней Руси, не забыл в своем «Поучении» детям завещать им хорошо принимать купцов. Он обосновывает это, указывая, что «гости» «мимоходящи» разносят и добрую и худую славу про гостеприимство князя.

Конечно, к золоту всегда липли грязь и кровь, торговля была отнюдь не благотворительным занятием, и купцы заслужили все насмешки, сыпавшиеся на их головы последние тысячи лет. Но законы прогресса пишутся историей, а объективно торговля, как правило, вела к развитию производительных сил и производственных отношений.

ВЕС И МЕРА

Раньше или позже в торговле появляются и занимают свое место деньги, этот «всеобщий эквивалент», удобная замена любого товара. О путешествиях араб-

ских серебряных дирхемов мы с вами уже говорили. Поскольку деньги по самой природе своей путешественники, об их приключениях можно рассказывать очень много.

Я хочу остановиться на сравнительно мало известных историях о странствиях не просто монет, но денежных единиц. Эти странствия демонстрируют связь во времени и пространстве между далекими друг от друга странами и эпохами, разделенными целыми тысячелетиями. Ряд работ члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина посвящен древнерусской денежной системе. Проанализировав весовые соотношения найденных при раскопках монет, Янин пришел к выводу об употреблении в Древней Руси в VIII—IX веках в качестве счетной единицы серебряной гривны в 68,22 грамма. Эта гривна составляет, между прочим, ровно одну восьмую часть арабской единицы для взвешивания серебра — антиохийского ратля в 545,28 грамма. Впрочем, это скорее всего только совпадение. Ведь те дирхемы, что попадали на Русь, чеканились из серебра, вес которого измеряли не антиохийскими, но иракскими ратлями.

«Ратль» — незнакомое слово. Но к нему иногда возводят происхождение хорошо знакомого слова «рубль». А иракский ратль составлял 409,32 грамма серебра, и ему оказался равен фунт Карла Великого, денежная единица Западной Европы. Западноевропейская марка была просто-напросто половинкой этого фунта, а сам он стал основной весовой единицей Европы на многие столетия.

Но на том дело не кончается. С одной стороны, антиохийский ратль до долей грамма совпадает с вавилонской серебряной миной, денежной единицей трехтысячелетней уже давности, как и иракский ратль совпадает с вавилонской же золотой миной.

С другой стороны, гривна в 68,22 грамма оказывается точнехонько равна... 20 древнеримским динариям

времен Нерона, каждый из которых весил 3,41 грамма. Случайное совпадение? Но ведь на Руси в то время, когда эта гривна применялась при расчетах, считали как раз двадцатками.

Римский динарий в 3,41 грамма чеканился в основном в I—III веках нашей эры. Разрыв во времени солиден. Но ведь, если мерить столетиями, расстояние от вавилонской мины до ратля еще больше... И снова прыжок во времени — рубль, чеканенный в самом начале царствования Ивана Грозного, еще в правление его матери, весил 68,22 грамма, снова повторяя и гривну, и двадцатку динариев, хотя, наверное, тогдашний «министр финансов» объяснил бы эту цифру совсем иначе, а о весе гривны и динария даже не знал ничего.

Так оказываются с естественной и поразительной простотой завязанными в один узел Вавилон и империя Карла Великого, Древний Рим и Русь...

Почему же так живучи традиции там, где они касаются денежных и весовых единиц, и почему эти единицы так легко переходят из одной страны в другую?

Деньги, любые деньги — свидетельство существования не просто торговли между людьми, но торговли между народами. Они возникали всегда и везде прежде всего как «международная валюта», если пользоваться современными терминами. И неважно, что именно служило деньгами, всеобщим эквивалентом, в каждой конкретной группе племен или государств: скот или меховые шкурки, раковины или куски металла. Все равно — деньги как всеобщий эквивалент всегда начинали употребляться прежде всего на границах между племенами, союзами племен или государствами.

Маркс писал:

«...процесс обмена товаров возникает первоначально не внутри первобытных общин, а там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами».

Очень скоро развитые общества выясняют, что удоб-

нее всего использовать в качестве материала для денег металлы. А также, что измерить количество металла всего удобнее взвешиванием. Память об этом открытии запечатлена в имени немецкой марки и английского фунта. И ливры, которыми швырялись в тавернах brave мушкетеры, тоже носили имя меры веса. У нас загадка названия рубля еще не решена, но зато разговорный гривенник — воспоминание о «гривенке серебра».

И тут с весовыми единицами происходит то же, что с денежными, они с самого начала оказываются, по сути, международными. Ведь взвешивают главным образом и прежде всего серебро и золото, играющие роль международных средств обмена.

На Руси, например, хлеб мерили караваями, зерно и муку измеряли по объему, весы требовались только для металла. Схожее положение с мерами на ранних этапах истории было и в других странах.

Единицы, скажем, длины почти в каждой стране возникали и существовали самостоятельно — все эти футы и локти, аршины и сажени не обязательно было согласовывать друг с другом. Поэтому очередной фараон, король или князь мог торжественно объявить своим подданным, что отныне они должны измерять длину по размеру его руки или ноги. Согласия соседних царей не требовалось. Проблема измерения длины была внутренним делом государства. А вот с весом, как видите, дело обстояло иначе. Тут требовалось «увязывать» и «согласовывать».

И фунт, он же иракский ратль, стал мерой, распространенной и в Европе, и в Азии, и в Африке. Меры веса путешествовали, оставляя большинство прочих единиц «сидеть дома». Впрочем... добрый русский средневековый четверик, мера сыпучих тел, равен древнеримскому амфореусу. И русская полосмина, выступавшая в том качестве, равна римскому же медимну. Это, видимо, свидетельство того, что хлеб Восточной Европы с древнейших времен был «экспортным товаром» и для

его измерения тоже понадобились международные единицы.

Эту маленькую главку можно закончить, добавив еще совсем немного сведений о странствиях денег.

На Руси закончились скитания такого количества арабских, английских и германских средневековых монет (до XII века), что их гораздо больше в наших музеех, чем в коллекциях, собранных в странах, где эти монеты чеканились.

Вывод?

Во-первых, можно судить по этому обстоятельству о размахе международной торговли, которую вела Древняя Русь. Во-вторых, ясно, что контакты нашей Родины со странами мира уже в ту пору были широки и многообразны.

Торговля торговлей, а рядом с нею ведь шло взаимобогащение могучих культур. Старая формула «товар — деньги — товар» в жизни обрастает не только плотью вещей, ставших товарами. Вместе с вещами путешествуют связанные с ними представления. Часто материальные контакты перерастают в контакты духовные. Но тут мы от странствий самих вещей переходим уже к иным путешествиям.

ПОДДЕРЖИВАЯ ДРУГ ДРУГА

Таллинский этнограф Елизавета Владимировна Рихтер изучает, в частности, быт потомков русских староверов, поселившихся еще в XVIII веке у Чудского озера. Буквально на ее глазах в Причудье появился новый способ рыбной ловли. Привез его выходец из Приазовья, которого судьба забросила в эти места, женив на местной девушке.

Елизавета Владимировна была взволнована: она присутствовала при одном из тех событий, которые в других условиях и тысячи лет назад бывали подлин-

но историческими. Пришелец из одной местности учит жителей другой новым для них методам хозяйства... Сейчас такие «уроки» чаще всего планируются: с завода на завод, из колхоза в колхоз отправляются бригады для обмена опытом, специальные организации занимаются распространением новейших технических изобретений... Что говорить, XX век! Но этнографа случай на Чудском озере пленяет как раз своей незапланированностью, полуслучайностью, если можно так сказать, — короче говоря, теми чертами, которыми он напоминает древние путешествия технических идей и открытий.

Селения, области и целые страны получали взаимную выгоду при обмене хотя бы прикладными научно-техническими достижениями.

Каждая вещь, прибывшая в страну издалека, могла оказаться не только украшением или оружием, но и источником новых сведений. По-новому обработанный наконечник копья или незнакомый раньше серп для жатвы несли огромный информационный заряд. Когда примерно в 500 году до нашей эры изобрели ножницы для стрижки овец, путешествие этих ножниц по миру было сверхстремительным — овцы были почти всюду, а сделать ножницы по образцу в любом количестве мог каждый кузнец.

Всякий обмен вещами, по сути, содержал и обмен информацией. Зерно, полученное для еды в обмен на мясо или раковины, могло ведь превращаться в семена для посева. А случилось, что в путешествие отправлялась сама идея возможности возделывать и засеять землю. В Китае главная культура — рис, в Вавилоне и Египте — пшеница, в Восточной Африке их место заняло просо... Очень вероятно, что успех соседей воодушевлял селекционеров древности на работу, причем они были достаточно разумны, чтобы заимствовать принцип земледелия, но не обязательно саму природу культурных растений.

Иногда то обстоятельство, что путешествовала именно идея изобретения, а не само оно в своем материальном воплощении, приносило неожиданно явную и прямую пользу. Европейцы соорудили первый свой компас позже китайцев, но сразу сумели сделать его гораздо более удобным для путешествий. Оно и естественно. В Китае использование компаса в качестве путевода-теля было второстепенной областью его применения. Компас служил главным образом в магии — с его помощью ориентировали в нужном направлении могилу и фасад дворца, дом и храм, чему китайцы придавали чрезвычайно важное значение. Похоже, что европейцы получили через арабов самое общее описание прибора и рассказ о принципе его действия. И стали не ко-пиистами, а сотворцами. Неверна оказалась погов-ворка, что лучше один раз видеть, чем сто раз услы-шать.

Знаменит древний китайский фарфор. Но не менее славен и европейский фарфор. А между тем его при-шлось изобретать заново, потому что Китай отказался выдать секреты знаменитейшего из своих ремесел. И ведь изобрели! Искали нужные пески и глины, под-бирали температуры в печах и режим остывания... Искали, зная, что цель в принципе достижима.

Люди учились друг у друга. Даже захваченное у врага копьё с обработанным по-новому наконечни-ком служило делу обучения. Даже стрела, унесенная в раненой ею руке, становилась предметом изучения.

Мы знаем случаи, когда найденная при раскопках посуда местная и по составу глины, и по способу об-жига, а вот орнамент на ней чужой. Явное культурное заимствование.

Или другой пример. В девятом тысячелетии до на-шей эры на территории Англии, Бельгии, Франции, Швейцарии и Южной Германии были в ходу гарпуны одного типа, с двумя рядами зубьев, мало того — всю-ду их украшали примерно одним и тем же орнаментом.

На этой территории жили десятки, если не сотни, племен, каждое из которых мало что знало о большинстве других. Ни одно из этих племен явно не могло быть поставщиком гарпунов для всех остальных, для такого широкого обмена в ту пору еще не созрели экономические условия. Да и сами гарпуны почти всегда, очевидно, местного происхождения. Но наиболее удобная форма их была взята у «первооткрывателей» за образец ближайшими соседями, от тех перенята более дальними.

Медные и бронзовые вещи распространялись по миру в результате торговли. Десять или пятнадцать известных древних месторождений обеспечивали медью полмира — совсем то же положение, что сегодня с никелем или ниобием.

Мы дали целым эпохам имена бронзового и медного веков, но считаем, что главным материалом для орудий и в эти века еще оставался камень. Однако авторы книги «В поисках исчезнувших цивилизаций» считают нужным оговориться: «...медь — редкий и дорогой металл, медные вещи, даже сломанные, не бросали как бросали сломанный наконечник копья из кремня или кости, медь берегли так, как не берегли железо, которого было много везде. Вероятно, в эпоху бронзы найти на земле потерянную медную вещь было так же трудно, как и найти ее в наше время в горах наваленного повсюду железного лома... Количественный анализ медных и бронзовых изделий не дает правильного представления о степени их распространенности. Качественный же анализ свидетельствует о несомненном и широком обмене».

Мы имеем основания считать, что основы железной металлургии были открыты в середине II тысячелетия до нашей эры одним из племен Закавказья. Собственно говоря, задолго до этого из метеоритного железа делали мечи и украшения, да и первые опыты с выплавкой железа из руд тоже были предприняты гораздо раньше. Только железо получалось сравнительно мягким и

очень дорогим и использовалось почти только для украшений (сходная история произошла в XIX веке с алюминием). Подлинным началом железного века было открытие способа закаливать сыродутое железо. И это открытие, по-видимому, было достаточно сделать один раз. Некоторое время хеттская держава, под властью которой находилось племя первооткрывателей закалки, удерживала монополию и, вероятно, не выпускала из своих пределов мастеров. Но ни одна монополия не может держаться вечно. И через двести-триста лет после своего изобретения оружие и орудия труда из закаленного железа уже завоевали весь Ближний Восток, получили широчайшее употребление в Греции, начали свое путешествие в Индию.

Преимущества меди над камнем были бесспорны, но меди на нашей планете и вообще-то немного, а в доступном древним виде совсем мало. Медь шла почти только на оружие. Бронза тоже была слишком дорога.

Железная руда лежала под ногами всюду, а железное оружие давало такие неоспоримые преимущества, что железный век распространяется по планете с огромной скоростью. Там, где для распространения меди или повозки требовались тысячелетия, железу хватало сотен, а то и десятков лет. Лишь два или три века отделяют первые металлургические предприятия на Среднем Ниле от первых плавильных печей в Замбии. А ведь это путешествие идеи металлургии железа с севера на юг совершалось в неблагоприятных, тропических условиях.

Вот что говорит английский ученый и писатель Бэзил Дэвидсон в своей книге «Новое открытие Древней Африки»:

«Африканские народы могли бы распространяться и заселять континент и без железных орудий труда и железного оружия, но тогда этот процесс протекал бы значительно медленнее и гораздо менее успешно. Охотиться, обрабатывать землю, заниматься ремеслами,

создавая изделия из дерева, кости и кожи, покорять леса и расправляться с врагами стало значительно легче, когда люди научились использовать железо... Как и во всех остальных частях нашей планеты, независимо от специфики местных условий железо в Южной Африке поставило общество на новую, более прочную основу, открыв путь к появлению городов и созданию цивилизации».

Для хеттов или, скажем, ассирийцев появление у них железа было важнее всего в военном отношении. Благодаря железу знакомый нам с пятого класса Ассурбанипал разгромил правивших Египтом нубийцев и захватил Египет у этих захватчиков, не успевших еще поднять свою технику на «должный» уровень.

Египту речь моя звучала, как закон,

Элам читал судьбу в моем едином взоре,—

говорит царь Ассаргадон в стихотворении Валерия Брюсова. В этих строчках звенят стальные мечи ассирийцев, перед которыми бежали армии, вооруженные бронзовыми мечами. С победителями железо пришло в Египет, сделалось достоянием и его населения.

В Месопотамии стали делать железные плуги и серпы. Но плодородную мягкую землю Месопотамии можно было обрабатывать и палкой, особенно если прикрепить к деревянной сохе кремневый наконечник (железо здесь не имело решающего значения для сельскохозяйственной техники). Зато когда железо добралось до Европы, уже в Греции и Италии с их каменистой почвой железный плуг был предметом первой необходимости, и это он — прежде мечей — сделал Рим претендентом на мировое господство.

Разумеется, по дороге кузнечное дело обогащалось, изобретение было дополнено важными деталями; тут появлялись мехи для усиленного снабжения кислородом, там был применен вместо просто дерева древесный уголь, дающий более высокую температуру...

Каждое такое открытие тоже начинало передавать

ся из одной страны в другую. Народы взаимообогащались, а не оказывались в скучных ролях благодетелей и облагодетельствованных.

В древнем мире было гораздо меньше людей, чем сейчас. И совсем ничтожна была та их доля, которая могла отдавать свое время усовершенствованию техники. Рабам, обремененным тяжелым физическим трудом, заниматься этим было не к чему, рабовладельцам в основном было не до того. Свободный крестьянин-общинник был свободным лишь относительно. Свободные ремесленники и хозяева мастерских были, вероятно, тогдашним эквивалентом ученым и инженерам. А было их мало. И открытия и изобретения в ту пору делали куда реже, чем ныне.

Тем объективно выше для исторического прогресса оказывалась цена каждого открытия и изобретения. Тем важнее было соседям узнать о каждом серьезном рывке вперед, который мог иметь военное или хозяйственное значение.

Еще в древние времена случалось, что одно и то же изобретение делали — с разрывом в годы или десятилетия — в двух, трех или больше местах. Но и тогда к этому относились без особого восторга. Не исключено, что у древних была поговорка, аналогичная нашей: «Изобрел велосипед». И занятия этим не поощрялись — при условии, что можно было взять чужой «велосипед» в качестве образца. Если нет — его приходилось воспроизводить, используя описания путешественников.

Любому человеку естественно гордиться тем, что его страна подарила другим народам богатые плоды своей культуры, поделилась с ними открытиями.

Но и в том, чтобы брать лучшее у других, осваивать открытое другими, тоже нет ничего предосудительного.

Ведь умение учиться у других отнюдь не означает, что народ, принявший изобретенное другими, оказался

неспособным сам создать данную культурную ценность. Наоборот! Вся история мира свидетельствует тысячами примеров: на новой почве растет только то, к чему эта почва уже подготовлена. Принимается на новом месте только то, что здесь уже в принципе могло быть изобретателем открыто.

И напротив, словно на камни падают семена открытий, до которых еще не дошел черед. Прекрасный пример — гончарный круг. После его изобретения в Передней Азии начинается медленное, но неуклонное движение гончарного круга в разные области мира. Археологи констатируют: через столько-то веков там-то, через столько-то веков там-то. В Греции и Италии, в Галлии и Англии утверждается гончарный круг.

А вот в некоторых местах Кавказа при раскопках находят следом за сделанной на круге керамикой снова лепную. Гончарный круг пришел туда, где время для него еще не созрело, не было разделения труда, на основе которого гончарное дело стало профессией. А когда каждый сам себя снабжает посудой, ему проще не возиться с гончарным кругом. То же самое буквально во всем, что касается техники. И не только техники.

А вот что сказал шотландский ученый Адам Фергюсон: «Характерная сторона жизни какой-либо страны редко переносится в другую страну до тех пор, пока почва для этого не будет подготовлена наличием сходных условий».

Надо добавить еще, что важную роль в отборе среди «чужих» ценностей любого рода играют этнические, культурные особенности народа.

Молочное животноводство, чрезвычайно важное для Европы, Африки, Индии, фактически до XX века почти не привилось в Китае и Японии. Мусульманские страны отвергли свиноводство, а в Индии в индуистских районах с их вегетарианскими воззрениями не получило развития мясное животноводство вообще.

Экономия сил, экономия времени, возможность использования своих изобретений в новых областях — да мало ли какие еще преимущества дает правильное использование чужого опыта. Именно поэтому наша страна уже давно стала участницей международных патентных соглашений. «Всякая нация может и должна учиться у других», — писал Карл Маркс в предисловии к «Капиталу».

Мы сегодня считаем естественным, что электроискровая обработка металла, предложенная советским изобретателем Лазаренко, используется во всех развитых странах мира. Что принципы, открытые Циолковским, стали основой ракетной техники во всем мире. Что теорию относительности Эйнштейна изучают физики всей планеты. Но ведь и три, и пять, и десять тысяч лет назад гениальные изобретения и изобретательные гении встречались не на каждом шагу.

Конечно, творчество всегда было коллективным, у автора изобретения и в древности бывали предшественники и последователи, готовившие почву для изобретения и совершенствовавшие его.

Каждое великое создание техники в своем законченном виде напоминает народную песню. Кто назовет по имени людей, придумавших слова и мелодию! Просто дыхание сотен обретает общий ритм и мелодию. Многие изобретения и открытия — именно такие произведения фольклора, только научно-технического, да еще созданные часто представителями не одного, а многих народов. В собирательных образах культурных героев, каждый из которых научил свой народ и земледелию, и ремеслу, и почитанию богов, люди чтят собственных предков, коллективных гениев.

И все-таки, если человеческая культура — лестница, то на каждую ступеньку кто-то должен шагнуть первым.

Поддерживая друг друга, народы поднимаются по лестнице познания.

Разумеется, великие изобретения могли и повторяться. Та же металлургия меди, даже если во всем Старом Свете у нее была одна-единственная родина (где-нибудь в Малой Азии, например), в Новом Свете была открыта самостоятельно. Это тем поразительнее, что медь играла в большинстве американских цивилизаций не слишком большую роль. Майя практически обходились без металлов. И все-таки металлургия была открыта.

А вот гончарное дело, возможно, Америка заимствовала из Азии. Древнейшая здесь керамика появляется на побережье Эквадора. Причем она до тонкостей сходна с современной ей керамикой культуры дземон древней Японии. Индейцы Эквадора лепили точь-в-точь такие сосуды и делали из них точь-в-точь такие узоры, как предки айнов, населявшие тогда Японию.

...Рыбачью лодку буря отбросила далеко от родных берегов, а течение и ветры пригнали к берегам чужим. Маленький исторический эпизод. Кучка айнов растворилась среди индейцев быстро, не оставив следов во внешности местного населения, не отразившись на его делении по группам крови. Как принадлежали южноамериканские индейцы по крови в основном к первой группе, так и теперь принадлежат.

Но след остался. Глиняные горшки! Банальной стала истина, что нет ничего прочнее битой посуды. Черепки проходят сквозь время.

Ну а если бы древние японские рыбаки не умели лепить горшки? Неужели так и осталась бы Америка без гончарного дела? Насколько можно судить, раньше или позже индейцы и сами бы начали лепить и обжигать горшки. Как зародилась металлургия, так должно было появиться и гончарство. Это неизбежно. Надо сказать, что многие историки упорно говорят о независимом от эквадорцев появлении гончарного дела в Мексике. Возможно, эта точка зрения и верна. Рядом с ме-

галлургией, рядом с ее обжигающим пламенем появление керамики в богатой глиной стране вопрос только времени.

Может быть, схожие положения относятся и к другому великому изобретению.

ПУТЬ КОЛЕСА

Многое поразило воображение европейцев в только что открытой ими Америке. Незнакомая природа, неслыханные сокровища, странные для них обычаи и обряды. И не меньше всего остального — тот факт, что американские цивилизации не знали колеса. Сегодня это по-прежнему удивляет и озадачивает, служит предметом острейших дискуссий и почвой для отважнейших гипотез.

Целые научные теории были вызваны поэтому к жизни находкой в Америке нескольких детских игрушек. Кто-то слепил из глины повозку, повозку с колесами. Этот «кто-то» хотел доставить удовольствие ребенку, а доставил массу хлопот ученым.

То, что при раскопках не обнаружено пока ни настоящих колес, ни тем более остатков настоящих повозок, само по себе не значило бы еще, что ни тех, ни других в Америке не было. В общей сложности лишь десятки колес скифских времен найдены, например, в наших южных степях, хотя там в ту пору телег с колесами хватало. Можно еще вспомнить, что в нашем Новгороде найдена масса деталей саней и лодок, но даже замечательные консервирующие свойства новгородской почвы — самого большого в мире сейфа для хранения исторических ценностей — доставили нам пока всего одно колесо времени «Господина Великого Новгорода», и то относящееся к XI веку.

На самом деле, конечно, телеги в Новгороде исполь-

зовались все время. Но реальность археологических находок отражает реальные местные черты: главными путями служили реки, летом по ним плыли, зимой ехали на санях. Конечно, съездить за сеном удобнее на телеге — но стоит ли только ради этого заводить телегу? Большинство новгородцев, по-видимому, думало именно так. Но у меньшинства-то телеги наверняка были, хоть от них даже и колес не найдено.

Однако в Мексике и Перу дело обстоит иначе. Реки там редко могли играть роль путей сообщения. К тому же об отсутствии там повозок мы можем судить не только по раскопкам. Испанцы, ворвавшиеся в эти страны в начале XVI века, телег или тачек не увидели. «Южноамериканский вариант» непохож на вариант «новгородский».

Может быть, игрушки, как и эквадорская керамика древнеяпонского типа, только память о давних «океанавтах», вольных или невольных? Они, рыбаки и земледельцы, не могли сделать по неумению настоящую повозку с колесами из дерева, но на игрушечную, глиняную, у них возможностей хватило. Это самый простой ответ. Но правильный ли?

Знание о колесе, каким бы путем оно ни возникло в Америке, было здесь утрачено. Может быть, из-за отсутствия домашних животных, годных в упряжку. Сумели американские индейцы обойтись без повозок.

Так, возможно, что мы и преувеличиваем значение колеса, во всяком случае, для древних. Египет долго жил, зная о нем, но практически почти не применяя. Америка всегда (?) жила без него.

Чрезвычайно сильно феномен колеса занимал и занимает фантастов. Их очень волнует то обстоятельство, что ни одно животное не использует колесного принципа передвижения. (Чему, впрочем, учеными были даны очень веские биологические обоснования.) Ведь задолго до того, как была придумана наука по имени бионика, люди подозревали, что они чрезвычайно многому

научились, наблюдая за животными. А тут животные уже наверняка не могли подать благого примера человеку. И потому-то, наверное, Уэллс в своей «Борьбе миров» оставил марсианскую технику без колеса. Хотя и счел нужным оговориться, что марсиане все-таки знали колесо, но оно играло для них второстепенную роль.

А в повести современного английского фантаста Дж. Уиндема «Чокки» представитель иного мира полагает согласно сообщению поддерживающего с ним контакт мальчика, что «нашу (земную) цивилизацию очень тормозит упование на колесо. Мы когда-то набрали на вращательное движение и всюду его суем. Только совсем недавно мы начали немного от него освободиться». Действительно, на Земле «совсем недавно» появились машины на воздушных подушках, самолет с реактивной тягой, заменившей винт (винт тоже ведь в конечном счете вариант колеса), машины, снабженные вместо колес ногами, и так далее.

Но это совсем не значит, что вращательное движение оказалось хоть сколько-нибудь вытесненным из нашей жизни. Вспомните: оно есть в любом электромоторе, почти в любом другом моторе, вращательное движение — основа нашей техники даже тогда, когда колеса не бросаются в глаза. Если же вспомнить шарикоподшипники, вообще подшипники качения...

Неужели весь этот триумф вращательного движения просто следствие изобретения, которое могло и не состояться, итог события, которое могло не произойти? Трудно представить себе. Особенно если учесть, что вращательное движение стало в Европе и Азии священным в давние, очень давние времена.

И сегодня еще крутятся кое-где в Азии в своих священных плясках мусульманские дервиши, следуя обычаям, зародившимся задолго до пророка Мухаммеда. И сегодня совершается в Индии брахманами священный обряд добывания масла вращением специальных

лопатов в сосуде — именно священный обряд, а не просто хозяйственная операция. Все эти и многие другие религиозные обряды, непременной частью которых было вращательное движение, разобрал в специальной работе замечательный русский ученый академик Дмитрий Николаевич Анучин.

Он был и антропологом, и географом, и историком, и этнографом. Создатель первой в России кафедры антропологии, президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, человек, чье имя носит Научно-исследовательский институт антропологии при МГУ. Анучин положил начало ряду новых направлений в русской и мировой науке. Анучин полагал, что в древности обожествляли сам процесс вращения. Он связывал такое обожествление с тем, что человек впервые научился добывать огонь сверлением. И все, что напоминало сверление, в той или иной форме становилось священным.

Да, не только островитяне Полинезии, но и римляне добывали огонь с помощью бурава. Только римляне делали это уже не по отсутствию более удобных способов, а согласно общему закону, часто превращающему прежние житейские, бытовые дела в детали отправления культа. Они пускали в ход священный бурав для добычи священного огня, возжигавшегося на алтаре Весты — богини домашнего очага.

И вообще не надо считать, что добыча огня из дерева — умение одних далеких островитян. Во многих местах России в случае эпидемии или падежа скота считалось когда-то очень полезным получить огонь трением — точнее, сверлением. То же в Германии. В Чувашии под Бугульмой такой обряд наблюдали даже в 1907 году.

Словом, немало есть свидетельств особого значения, придававшегося сверлению. Это, по мнению Анучина, вызывало обостренный интерес ко всякому вращению —

интерес, проявившийся в своего рода обожествлении самого процесса вращения.

Как не предположить, что такой пристальный интерес и привел к появлению колеса, или, во всяком случае, ускорил это появление?

Часто говорят, будто идея колеса была открыта благодаря тому, что древесные стволы легче перекачивать, чем перетаскивать. Но это обстоятельство, вероятно, было известно уже десятки тысяч лет назад. И в Америке стволы деревьев обладали тем же ценным свойством. В Египте тоже. Катки, подкладывавшиеся под наиболее тяжелые грузы, играли там важнейшую роль в строительных операциях. Тем не менее колесо было изобретено отнюдь не в Египте и в широкое употребление вошло там лишь через одно или два тысячелетия после того, как появилось в Азии и Европе.

И вот такая любопытнейшая вещь. В Америке сверление как древнейший способ добычи огня отнюдь не держит ту монополию, которая принадлежит ему в Старом Свете. Большинство известных этнографам первобытных индейских племен добывало огонь тоже трением дерева, но при этом один кусок дерева просто энергично двигали относительно другого (метод «огневого плуга»). Мало того. В Новом Свете огонь не занимал того высокого божественного положения, которого он «удостоился» в Старом. Если у «американского» огня и были свои боги-хозяева, то они отнюдь не выделялись в обширном пантеоне богов, возглавлявшемся обычно божествами небесных светил. В свете этих фактов вполне понятно, что не стало здесь священным и вращение. К нему не присматривались, его не моделировали снова и снова — и вот рождение колеса не состоялось. Это, конечно, только предположение, но, может быть, расхождение, разделившее древние цивилизации на колесные и бесколесные, началось еще в тот отдаленный от нас десятками тысяч лет назад момент,

когда был открыт способ добычи огня. И связано оно было с различиями в способах добычи огня.

Вовсе незнаком был Америке, кроме колеса, еще один чрезвычайно важный круг — гончарный. Керамика вообще появилась в Америке куда позже, чем на Древнем Востоке. Но если древнейшие американские государства, по-видимому, возникли на три-четыре тысячи лет позже, чем государства Азии и Африки, то древнейшая американская керамика по сравнению с азиатской часто запаздывает уже на четыре-пять, а то и больше тысячелетий. Это почти тот же срок, что отделяет на Древнем Востоке первый гончарный круг от первых сосудов, вылепленных из глины.

Гончарный круг, по-видимому, появился в Старом Свете одновременно с колесом или, во всяком случае, сразу следом за ним, и то и другое, по существу, использование одного и того же технического принципа, только в первом случае вращение совершается вокруг вертикальной оси, во втором — вокруг горизонтальной.

Так или иначе, но колесо появилось — сначала в степях Юго-Восточной Европы, потом докатилось оттуда до Индии и Египта, потом совершило победное путешествие по земному шару, все ускоряя свой бег.

Повозки превратились в боевые колесницы, которые принесли много побед хеттам и гиксосам, а позже были той силой, что дала Ассирии власть почти над всем Древним Востоком. Но сами боевые колесницы, наводившие ужас на народы, были далеко не совершенными сооружениями. Ассирийцам, например, приходилось перед каждой переправой разбирать их и доставлять на другой берег по частям. Герои «Илиады», как и герои мифов, обычно шли в битву на колесницах; но, как только обнаружилось, что можно воевать и верхом на лошади и что это обеспечивает куда большие скорости и маневренность, боевым колесницам пришел конец.

И в последние века до нашей эры они начали исчезать. Сначала в степях Евразии и на Ближнем Востоке, потом в Италии, потом в Галлии. Дольше всего продержались колесницы в качестве важнейшего наступательного оружия в Ирландии — на крайнем западе Европы.

Потеряв роль наступательного оружия пятнадцать-двадцать веков назад, повозки еще долго сохраняли за собой очень важную оборонительную роль. Особенно у кочевников, которым нечего было рассчитывать на городские стены при защите от атаки.

Впрочем, я, наверное, ошибся, говоря о более чем тысячелетнем перерыве в военной карьере боевых колесниц. В XV веке собравшаяся чуть ли не со всей Европы армия рыцарей-крестоносцев была разгромлена «чешскими еретиками», сражавшимися за религиозные свободы. Вождь их Ян Жижка разработал новую стратегию и тактику боя, опиравшуюся прежде всего на использование повозок.

Чешский писатель Алоиз Ирасек пишет:

«Научил Жижка своих людей ставить боевые и хозяйственные повозки вплотную друг к другу, колесо к колесу, образуя мощное укрепление, сообразно тому, как многочислен был неприятель, насколько велики его силы и где происходил бой, придавал Жижка тому укреплению разные, знакомые крестьянам формы: мотыги, косы, граблей и других предметов сельского обихода. А когда приходилось ему трудно, приказывал он, если только стоял на горе, наполнить часть повозок камнями и вкатить их незаметно для врага в передние ряды своей конницы. И когда враг, стоящий под горой, шел в наступление, расступалась конница по приказу Жижки... Повозки стремительно катились вниз... Никто не мог их остановить — они мчались и наконец настигали врага, налетали на него и врезывались в неприятельские ряды. Все сокрушали, разбивали, валили, уничтожали они на своем пути».

И когда удар рыцарей целой части света разбился о стену из телег, это было, между прочим, и победой старого друга человечества — колеса. (Позже классовая борьба внутри гуситского лагеря привела к его распаду; дворяне предали гуситское движение.)

И колесо же за две с лишним тысячи лет до этого стало основой для вращательной мельницы — сначала ручной, потом приводимой в движение ослом либо лошастью. Почти тогда же поля стали кое-где поливать с помощью водоподъемного колеса. И водяное колесо стало, если забыть про парус, первым активным использованием сил неживой природы. Водяное колесо в Риме служило только для помола зерен. Но, попав в Китай, стало работать для кузниц и сукновален — путешествие, как я уже не раз говорил, обогащает изобретения.

В Европе водяное колесо стало энергетической основой для всего почти средневекового ремесла, не говоря уже о том, что оно монополизировало мельничное дело. В одном из районов Англии в конце XI века приходилось на каждые полсотни хозяйств по водяной мельнице. И как пишет английский историк С. Лилли: «Этого, несомненно, было достаточно, чтобы коренным образом изменить условия жизни людей». Вот как!

В том же XI веке, а то и раньше, появились первые мельницы, работавшие на силе прилива. А потом колесо, приводимое в движение водой, вздымало огромные молоты, раздувало кузнечные мехи, дробило железную руду и древесную кору.

В XII веке в Европе на помощь водяной мельнице пришла ветряная, тоже изобретенная совсем в другое время и в другом месте. Ее родиной был Египет, время создания ее — рубеж нашей эры, известно даже имя автора — Герона из Александрии, хотя в ту пору патенты не выдавали.

Путешествия, как видите, иногда занимали много времени, но совершались.

И если еще можно (но трудно) спорить о важности колеса для транспорта, то чем его можно заменить в промышленности — древней, старой, новой? Ведь и зубчатые колеса, скажем, тоже остаются колесами. Да и транспорт тоже не торопится отказываться от колес, сколько бы над этим ни работали изобретатели. Не зря наши луноходы тоже поставлены на колеса. А уж это ли не воплощенная техника будущего!

Уже говорилось о том, что фантасты часто готовы от имени человечества отказаться на будущее от колеса. Но не все, далеко не все.

В веселом фантастическом рассказе Ильи Варшавского «Второе рождение» конструкторы будущего, проникшиеся идеями бионики, принципиально отказываются от всего, что не опробовано природой. И когда некий старичок изобретатель предлагает им на рассмотрение свое изобретение — повозку, конструкторы обращают внимание на ее колеса, но делают печальный вывод: «...преобразователей подобного рода в технике не существует и быть не может. Природа ведь не знает вращения».

Илья Варшавский кончает свой рассказ печальной сентенцией: «Второе рождение колеса не состоялось. Чудо никогда не повторяется — на то оно и чудо».

Чудо ли изобретение колеса либо ошибка, но человечество обязано ему чрезвычайно многим.

А в целом история колеса, которое прокатилось, в конце концов, по всему миру, говорит и о том, что иногда предмет обожествления оказывается благодарным своим поклонникам. Но это бывает так редко...

Наконец, надо бы сказать вот о чем. На примере Центральной и Южной Америки видно, что цивилизация может возникнуть и долго существовать без колеса. Эксперимент тут выглядит достаточно убедительно. Тем не менее ясно, что с колесом жить все-таки лучше. А теперь задумаемся: интересно, мимо каких откры-

тий прошли в ходе своей истории уже не только американцы, но и все земляне? Какие достаточно простые возможности случайно или не случайно остались вне поля зрения человечества?

Земной исторический эксперимент помочь тут с ответом не может. Нам нужен материал для сравнения. И мы его еще получим. Когда-нибудь инопланетный историк будет с удивлением спрашивать историков земных, как это их прошлое могло обойтись без... Обошлись же индейцы без колеса — ответят ему. И может быть, гость переспросит: «Простите, а что это такое — колесо?»

ОТ ОТКРЫТИЯ К ОТКРЫТИЮ

До сих пор речь шла о путешествиях технических достижений. Но та же судьба и у чисто научных открытий — они движутся от одного народа к другому, обходя по пути плоть. В познании природы преемник итальянца Галилея — англичанин Ньютон, законный наследник Ньютона — наш Ломоносов.

Или, говоря словами азербайджанского поэта XII века Хагани:

В одном государстве умолкла волшебная песнь, —
В другом государстве волшебна та песнь ожила.

Когда отцветают тюльпаны, то розы цветут,
И солнце восходит, когда расточается мгла...

И если в словесном саду осыпается цвет,
То осенью каждая ветвь от плодов тяжела.

Планета уходит — недвижные звезды встают,
Земля напоилась дождем — и трава проросла.

Слышал ли ты сказку, как курица съела зерно,
Как после жемчужину курица эта снесла?

Иногда это движение приобретает причудливые формы. Западная Европа получила большую часть «древнегреческого наследства» не от греков непосредственно и даже не от римлян, их соседей и учеников. Аристотель в европейскую средневековую науку пришел не без помощи арабов, а точнее — всех народов, которых во времена Багдадского и Кордовского халифатов объединяли под этим именем. Немало сделала здесь Средняя Азия, недаром имя Авиценны — Али Ибн-Сины — в средние века в университетах Сорбонны, Праги и Оксфорда называли рядом с именем Гиппократа. Мало кто помнит, кого именно звали Мухаммед ибн-Муса аль-Хорезми («из Хорезма»), но само его имя знают все, кто осваивал высшую математику и кибернетику: это из прозвища Мусы сына Мухаммеда получилось слово «алгоритм». И он же, по существу, дал имя сегодняшней науке алгебре, когда назвал свою математическую работу «Книга восстановления и противопоставлений» — по-арабски «китаб аль-джебр валь-мукабала». Аль-джебр — что значит «восстановление» — превратилось в русском языке в алгебру. И наши цифры зовут арабскими, а между тем они — памятник путешествию своих «предков» из Индии через Аравию в Европу, причем и пункт отправления, и пункт назначения, и путь следования — все отразилось и на числе самих цифр, и на внешнем виде, и на том, с какой скоростью, как и какие действия мы умеем проделывать с ними.

Количество примеров таких путешествий научных идей, путешествий, во время которых они крепнут и развиваются, почти безгранично. Можно вспомнить дружбу Пастера и Мечникова, творческое соперничество немца Лейбница, голландца Гука и англичанина Ньютона.

Римлянин Лукреций Кар продолжал дело грека Эпикура... И так далее, далее, далее вглубь — до палеолита, когда одни племена передавали другим, как показывают некоторые варианты орнамента на вещах,

идеи счета вообще и счета планет. Об этом судят по вниманию, которое с древнейших времен уделялось семерке. Семь — число видимых движущихся светил небесного свода, включая Солнце, Луну, Юпитер, Марс, Венеру, Сатурн, Меркурий. В то же время семь — число суток, которые занимает одна фаза Луны. Последнее обстоятельство сделало неделю основой счета времени, а первое способствовало присвоению ее дням имен планет. В русском-то языке этого нет, а вот по-английски и на некоторых других языках воскресенье, например, по сию пору — день Солнца (сравните немецкое Sonntag, английское Sunday).

Мы не знаем, какое из этих открытий древнее, но хотя бы одно или оба они были сделаны еще в палеолите, древнем каменном веке. Советский исследователь Б. Фролов показал это достаточно отчетливо.

Вот другой пример. В разных местах найдено несколько черепов первобытных людей со следами трепанации — иными словами, операций на мозге. Такие операции делали и восемь и двенадцать тысяч лет назад, причем состояние черепов ясно указывает, что их владельцы после операции выздоровели и прожили еще долгие годы. Вряд ли можно считать, что каждое племя само, от начала до конца, на собственном только опыте отработывало технику такой сложной операции. Это было бы так же нелепо, как полагать, что пересадка сердца, осуществленная, скажем, в Кейптауне, во всех своих деталях разработана, продумана и подготовлена самодовлеющим развитием одной лишь южноафриканской медицины.

Видимо, существовало несколько достаточно больших районов, внутри которых между селениями шел обмен важными для них сведениями, в частности и медицинского порядка.

Древние племена нуждались в научном сотрудничестве с соседями не меньше, чем нынешние народы. Слово «научном» я намеренно не заключил в кавычки.

В ходе контактов между древними культурами они обменивались и теми идеями, которые сегодня мы зовем научными.

Взаимовлияние наук разных стран в историческое время четко зафиксировано в наших учебниках физики, химии, астрономии и географии. Каждый из нас может заглянуть в них, чтобы увидеть рядом имена Ломоносова и Лавуазье, Вольты и Петрова, Эйнштейна и Лебедева.

Впрочем, стоит, пожалуй, привести еще один показательный пример сотворчества народов. Позволю себе сделать это, рассмотрев такую сразу научную и ненаучную, серьезную и легкомысленную вещь, как шахматы. Здесь я только следую примеру психологов, которые часто работают с шахматистами, изучая процесс мышления и, в частности, рождения идей.

Недавно в газетах появилось сообщение: в Средней Азии найдены шахматные фигурки II века нашей эры. Это еще на три столетия отодвигает в прошлое начало великой игры... Но мы же не знаем правил, по которым найденные фигурки ходили! Может быть, эти правила так сильно отличались от нынешних, что и шахматными такие фигурки назвать нельзя. Советский гроссмейстер Юрий Авербах, занимающийся историей шахмат, наткнулся как-то на сообщение о шахматных фигурах в могиле викинга. Но, судя по тому, что могила относилась к VIII веку, когда шахматы еще не успели проникнуть в Европу, гроссмейстер пришел к выводу, что фигурки могли принадлежать другой игре.

Шахматы — игра великая, но не вечная. И у нее было начало в Индии. Оттуда — в Иран, куда, словно нарочно за ними, пришли арабы во время великих походов первых халифов. Арабы же во время своих походов в Испанию и Сицилию разнесли шахматы по Южной Европе. Багдадский халиф Гарун аль-Рашид подарил в начале IX века новой эры Карлу Великому не только живого слона, но и драгоценные шахматы.

Перенявшие их во время своих средиземноморских походов норманны способствовали затем движению шахмат по европейскому северу.

Русь получила шахматы, по-видимому, непосредственно от Ирана. Мы единственная европейская страна, где в их названии сохранилось иранское звучание.

Часть Северной Африки обязана шахматами блестящему сицилийскому игроку Паоло Бои. Тот был взят в плен алжирскими пиратами, научил их играть в шахматы — и был в благодарность отпущен без выкупа новыми восторженными поклонниками великой игры.

Каждый шаг по шахматной доске мира менял сами шахматы.

Персы упорядочили игру, ввели первые строгие правила, расставили шахматные фигуры по местам, которые те занимают до сих пор.

Арабам коран запретил изображения животных — и слона, коня, ладью (роль которой тогда чаще исполняла птица Рух, залетевшая из сказок) — всех их пришлось стилизовать, превратить в абстрактные изображения. И до сих пор только в коне еще можно узнать его быстроногий прототип.

Арабы сделали в свое время индийский «корабль» — слонем, индийского слона — птицей Рух. Русские превратили птицу Рух в ладью, французы и немцы — в башню. Слон стал у французов шутом, у немцев — сороходом, а у англичан — епископом.

Откуда такой разнобой у соседей? У каждой страны была своя точка зрения на то, кто ближе всего должен стоять к королю. Веселые французы полагали, что шут, а вот богобоязненные англичане, естественно, называли духовное лицо. Французы же превратили ферзя в даму. Сначала-то он стал у них по созвучию девой, из *fièrse*, *fièrge* превратился в *vièrge*, что означает девственница. Но поскольку эта дева явно приходилась королю супругой, пришлось дать ей имя замужней женщины.

В XVI веке шахматными «королями» становятся испанцы и итальянцы. В то же самое время с шахматами происходит новое превращение, тоже связанное с путешествиями, но уже не самих шахмат, а мореплавателей эпохи Великих географических открытий. Путешественники сделали шире мир, в жилах этого мира быстрее текла кровь, жизнь стала стремительней и ярче. Шахматы, модель жизненной борьбы, откликнулись на эти перемены изменением правил. Ферзь, ходивший лишь на одно поле в любую сторону, и слон, шагавший вкось, как и ныне, но только на третье поле, получили свою сегодняшнюю свободу действий.

И дальше шахматы могут служить моделью для демонстрации важности вкладов разных стран в любое искусство, науку, спорт.

XVII век — Италия берет в шахматном отношении верх над Испанией, и итальянские чемпионы становятся учителями шахматистов Европы. Итальянец Греко гастролирует по европейским странам, демонстрируя новейшие успехи шахматной мысли. Потом первенство перехватывают французы, их «вождь» Филидор создает новую, позиционную систему игры, он впервые дал пешкам возможность показать их подлинную силу.

В XIX веке Стейниц в Австро-Венгрии сумел создать первую научную школу игры в шахматы.

Любопытно, что ее основные идеи внутренне близки к идеям дарвинизма — не зря же мы с вами говорим здесь о шахматах не столько как об игре, сколько как о некоем типично изменяющемся явлении.

Немецкий шахматист Ласкер усилил в древней игре дух психологической борьбы, поставил за правило учитывать в партии индивидуальные особенности партнера.

Великий Алехин показал, сколько было еще скрыто в шахматах нереализованных возможностей, развеял миф о ничейной смерти, им угрожающей, научился и научил видеть тонкости позиций, до того недоступные даже гроссмейстерам.

Можно вспомнить еще хотя бы историю педагогики, историю идей, связанных с правильной организацией воспитания и обучения. Одно из важнейших, если не важнейшее, изобретение XVIII века — изобретение классной доски и так называемого нормального метода обучения, позволяющего учителю заниматься сразу с классом в 30—40—50 человек.

В России во введении этой системы активное участие принимал серб Янкович де Мириево, знакомый с соответствующим опытом Западной Европы. При этом в России «классно-урочная» система была развита и усовершенствована. Вот что пишет о «нормальном методе» С. Соловейчик в книге «Час ученичества»:

«Нормальный метод означал настоящую революцию в школе... Производительность труда учителя резко возросла, учение стало гораздо дешевле, доступнее...

Впервые в классной комнате вместо маленьких грифельных досок появилась одна, общая для всех классная доска, на которой учитель мелом писал для всего класса.

Впервые стали устраивать перед уроками переключку и говорить на переключках: «Здесь!»

Впервые установили правило: кто знает и хочет отвечать, подними левую руку. (И это надо было изобрести, ничего на свете не приходит само собою!).»

Мне нечего добавить к этой цитате. Разве что подчеркнуть, что случай с классной доской лишь один из множества, вместе составляющих эволюцию педагогики. Эволюцию, в которой соединяются, взаимодействуют и продолжают друг друга идеи чеха Коменского, швейцарца Песталоцци, Ушинского и Макаренко. И пожалуй, еще гораздо значительнее всего, что сделали для педагогики великие люди, вклад простых учителей всех времен, по крупицам добавлявших свои достижения в сокровищницы опыта своих стран и через них всего мира. А сама педагогика тут опять-таки лишь частный случай, одна из наук.

История знает примеры заимствования опыта общественной жизни.

Для однотипных по классовой структуре обществ, где есть внутренние условия для восприятия соответствующих идей, возможен обмен опытом по устройству общества. Египет и Шумер «открыли» рабовладельческий способ производства, и это наверняка сыграло роль катализатора, ускорив процесс разложения родоплеменных коллективов и классового расслоения некоторых из соседних народов. Феодалный способ производства вызревал и в недрах рабовладельческого строя. Но многие характерные черты феодализма принесли в разваливающуюся Римскую империю волны переселяющихся варваров.

Идеи общественного устройства, разработанные великим французским просветителем (выходцем из Швейцарии) Руссо (а также многими французами, немцами, американцами и англичанами), легли в основу конституции буржуазной республики, созданной Великой французской революцией.

И не случайно французское законодательное собрание в 1792 году торжественно объявило гражданами Франции вождя американской революции Джорджа Вашингтона, польского революционера Костюшко, английского историка Бентама, швейцарского просветителя и педагога Песталоцци, немецкого поэта Шиллера и некоторых других иностранцев. Революционная Франция чувствовала себя стоящей во главе человечества, ведущей человечество вперед, и так оно, по сути, и было.

Последствия французской революции сказались во всем мире. Генрих Гейне писал впоследствии:

«Надо вам сказать, что в те времена французы передвинули все границы, что ни день — страны перекрашивались в новые цвета: те, что были синими, делались вдруг зелеными, некоторые даже кроваво-красными; определенный учебниками состав населения так пере-

мешался и перепутался, что ни один черт не мог бы в нем разобраться; продукты сельского хозяйства также изменились — цикорий и свекловица росли теперь там, где раньше водились лишь зайцы и гоняющиеся за ними юнкера, даже нрав народов переменился: немцы сделались более гибкими, французы перестали говорить комплименты, англичане — швырять за окно деньги, венецианцы оказались недостаточно ловкими... короче говоря, в такие времена географии учиться трудно».

Гейне, конечно, острит, но иронический тон только подчеркивает реальную картину преображенной Европы.

Классики марксизма подчеркивали, что марксизм вобрал в себя высшие достижения человеческой мысли. Напомню известные слова В. И. Ленина: «Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще».

Исторический опыт одного народа может быть использован другими.

Поэт Ярослав Смеляков сказал об этом в стихотворении «Пропаганда» так:

К нам несут провода
дальний гул революций.
Мы не лезем туда,
там без нас обойдутся.
Но, однако, не прочь —
русской полною мерой —
пропагандой помочь,
поделиться примером.
Всей земле трудовой,
от пустынь до Европы,
посылаем мы свой
исторический опыт.
Страны южной жары,
знают Куба и Чили,

на кого топоры
наши деды точили.

.....
Не у волжских высот,
не в родимой сторонке —
Стенька Разин плывет
по реке Амазонке.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечает сегодня: «Мировой социализм вбирает в себя все богатство и многообразие революционных традиций и опыта, порождаемого творчеством трудящихся разных стран... Наша партия постоянно изучает этот опыт, использует все ценное, что может быть применено в условиях Советского Союза, все то, что действительно способствует укреплению социалистического строя, воплощает в себе проверенные на международном опыте общие закономерности его строительства».

На огромный исторический опыт Советской страны опирается и развитие социалистических стран и пролетарское и освободительное движение в остальных государствах.

Мировая система социализма — авангард общественного развития человечества. А авангард не просто идет впереди, он прокладывает путь другим.

Наконец, мы ведь по праву говорим о Москве как о столице мира. Первая страна социализма, родина ленинизма, освещала своими идеями путь революционерам всех стран. Разумеется, революции не экспортируются. Но революционные идеи пересекают границы, не спрашивая разрешения у тех, кто их охраняет.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Как ни странно, можно сказать, что нет ничего подвижнее растений. На крыльях ветра разлетаются их семена; пчелы и шмели, бабочки и птицы работают для того, чтобы деревья и травы процветали по всей пла-

нете. Морские течения переносят от острова к острову кокосовые орехи, белки заботятся о продвижении сосен и елей к северу и югу. Но никто так не ускоряет распространение растений, как человек. Даже когда это у него выходит нечаянно. След белого человека — так называли наш подорожник в Америке. Его семена крепко прилипают к обуви, чтобы отстать от нее уже на чужом материке. Не счесть таких примеров. Но уж когда человек нарочно начинает заниматься переселением растений...

Похоже, что мы специально задались целью не давать полезным растениям засиживаться на родных для них местах. Великий квартирмейстер армии культурных растений — человек за них решает, где им следует расти, а где нет.

«Землей золотых плодов» зовут Бразилию за ее кофейные деревья. Сейчас эта южноамериканская республика — крупнейший в мире производитель кофе и его экспортер. Но кофе в Бразилии только почетный гость, а отнюдь не абориген. Его родина в Восточной Африке, и имя свое он получил от эфиопской области под древним названием Каффа. (Правда, Южная Аравия, чей кофе если не количеством, так качеством побивает, пожалуй, бразильский, тоже «претендует» на звание родины этого растения.)

Зато многие африканские государства славятся своим какао. Своим? Но какао — индейское слово, и в прекрасное название «шоколад» превратилось индейское же слово «чоколатль».

Не только туристам, но и самим жителям Молдавии, Румынии, Греции, Абхазии и многих других земель кажется, что кукуруза — их исконная пища. Мамалыга воспринимается не просто как одно из местных национальных блюд, но порою приобретает уже и символическое значение.

А как-то я читал историческую работу, в которой автор, доказывающий родство грузин и басков Испании,

напоминает, в частности, что и те и другие возделывают кукурузу. Но ведь ее зерна появились в Европе только после плавания Колумба! Кукурузными полями любуется кинематографический Афанасий Никитин в далекой Индии, куда он прибыл за десятки лет до открытия Америки. Да, так привыкли жители Старого Света за четыре века к заморской гостье, что и забыли, гостья ли она.

С еще более поразительной уверенностью завоевала себе место в нашей жизни явившаяся из Южной Америки картошка. Уже и не веришь, что когда-то крестьяне с оружием в руках бились порою за право сеять по-старому репу...

В списке борцов за распространение картофеля оказались весьма непохожие люди. Если прусский король Фридрих Вильгельм грозил резать носы и уши тем, кто откажется разводить картофель, то швейцарец Песталоцци обращался к революционной Франции, давшей ему свое гражданство: «Отечество! Точно так же, как ты призываешь «к оружию», «к пороху», «к мастерским», ты должно призвать на борьбу за разведение картофеля». И статью, посвященную этой проблеме, Песталоцци так и назвал: «Тогда вы спасете отечество».

А сегодня... Вот что пишет советский прозаик Виктор Астафьев:

«...никто почему-то не заметил, как красиво цветет картошка... Так уж в жизни заведено: от главного труженика не праздничного наряда требуют, а дел и добра. Его не славословят, не возносят, но, когда обрушивается беда — на него уповают, ему молятся и спасения ждут только от него... Что было бы с нами без нее, без картошки? Вы думали когда-нибудь об этом, люди добрые? В честь картошки надо бы поставить памятник посреди России.

...что есть лучше этого растения на свете? Хлеб? Да! Однако хлебу столько воздано!»

Между тем, например, в русской поваренной книге 1809 года, вышедшей под названием «Прихотник, или календарь объедения, указующий легчайший способ иметь наилучший стол», есть алфавитный список овощей, в котором картофель... отсутствует! Да, быстро стала картошка в нашей стране из экзотической гостью хозяйкой.

Одно из самых фантастических «путешествий с превращениями» свершилось меньше полутора веков назад. Перуанский священный «цветок солнца», к тому времени ставший в Европе популярным декоративным растением, в руках русского крестьянина превратился в важнейшую из наших масличных культур — подсолнечник.

Крепостной крестьянин Бокарев из слободы Алексеевка Бирючинского уезда Воронежской губернии первым в мире стал сначала получать из подсолнечных семечек масло, а потом и продавать его. 1835 год — дата выхода подсолнечного масла на рынок. А вслед за тем подсолнечник начал новое путешествие по планете уже как масличное растение.

Дело Бокарева продолжил уже в наши дни советский селекционер Василий Степанович Пустовойт. Путешествие подсолнечника пошло более быстрыми темпами, потому что замечательный советский ученый сделал вещь невероятную: теперь масла в семенах подсолнечника в два раза больше, чем было, когда Пустовойт приступал к работе. И разумеется, между Бокаревым и Пустовойтом (и рядом с ними) над улучшением подсолнечника работали многие другие селекционеры, прежде всего в России.

А двенадцать тысяч лет тому назад работу нынешних Бокаревых и Пустовойтов выполняли люди, самих имен которых мы не знаем, не знаем даже, на каких языках звучали эти имена.

Но, возможно, даже превращение растений в культурные часто начиналось с организованного людьми пу-

тешествия на новые земли растений еще «самостоятельных»; диких.

До сих пор, например, в некоторых местах Ирана и Малой Азии встречаются роскошные поля дикорастущих злаков. Поля на тысячи гектаров! А в Северной Америке даже и после прихода европейцев племя оджибвеев основную часть продовольствия получало, снимая урожай дикого риса на заросших им мелких озерах и поймах рек. Когда-то так можно было, видимо, делать и во многих местах Индии. Представляете себе хлеб, который сам растет! О людях, живущих вблизи таких благодатных мест, нельзя, правда, сказать, мол, не жнут и не сеют, а сыты бывают: они ведь жнут, но и только, не больше. Ни тебе сеять, ни тебе пахать, ни тебе удобрять... Понятно, что и посев и вспашку изобрели не здесь, от добра ведь добра не ищут. Из этих благословенных — чересчур благословенных районов пшеница и ячмень должны были проникнуть в менее удобные места, на менее благоприятные почвы. Здесь уже была проведена огромная работа по отбору наиболее плодородных культур и сортов растений.

Правда, не везде и не для всех качеств природных злаков она требовалась. Зерно дикой пшеницы на юго-востоке Малой Азии содержит 24 процента протеина — растительного белка. Лучшие наши сорта могут этому часто только позавидовать.

Довольно узкая полоса, охватывающая восточное побережье Средиземного моря, часть Эфиопии, север Ирака, часть Ирана и Средней Азии, часть Китая, стала местом, где были одомашнены важнейшие животные и сделаны культурными многие из важнейших растений Старого Света. Отсюда пошли они в путешествие — иногда растения двигались вместе с народами, иногда переходили от одного народа к другому.

В XIX веке некий пронырливый англичанин вывез из Бразилии семена гевеи, каучукового дерева, плантации которого тут же появились в Малайе, тогда бри-

танской колонии. А за полторы тысячи лет до этого христианских монахов обвиняли в том, что в своих выдолбленных внутри посохах пронесли они из Китая в Византию коконы шелковичных червей. Наверное, десятки и сотни раз повторялись такие «кражи» и «похищения».

Бывало, что новые растения расширяли свое местобитание в результате военных походов. Древнеримский полководец Лукулл вывез вишневое деревце из Малой Азии после победы, которую он одержал над местными владыками. Кукурузу испанцы завоевали вместе с Америкой. Пшеница появилась в Америке вместе с завоевателями, как и горох.

По мнению многих археологов, и в Европу ячмень и пшеница проникли когда-то вместе с воинственными племенами из Азии, в подтверждение все той же поговорки насчет худа и добра. Но не реже, видимо, растения-гости приходили на новые земли, не причиняя попутно особых огорчений хозяевам. «Сорочинское пшено» — гречиха проникла к нам в XVI веке через Турцию, Балканы и Польшу. И хотя, вероятно, своим продвижением из Центральной Азии к Европе она была обязана тюркским завоевателям, на последних участках пути в Россию ее движение было исключительно мирным.

У нас гречиха быстро стала народной любимицей, гречневая каша сделалась национальным русским блюдом. Особенно прижилась гречиха в Белоруссии и схожих с нею районах Центра, достаточно влажных. Здесь бывают даже случаи, когда гречиха вырастает самосевом где-нибудь у болота, на мокром лугу. А ведь вышла-то из Центральной Азии! Что за странность?

Эта книга посвящена отнюдь не сельскому хозяйству, поэтому вдаваться в попытки объяснений не стоит. Должен, однако, сказать, что растения довольно часто чувствуют себя прекрасно там, где от них этого трудно было ждать. И наоборот. Простой пример. Под Москвою плохо приживается кавказский грецкий

орех. И прекрасно растет среднеазиатский. Хотя на первый взгляд кажется, что климатические и прочие условия на Северном Кавказе относительно ближе к московским, чем среднеазиатские.

Но вернемся пока на родину культурных растений Старого Света. Здесь в относительной близости друг от друга лежат пять из восьми основных центров происхождения культурных растений, открытых академиком Николаем Ивановичем Вавиловым. Он исколесил весь земной шар в поисках новых и новых видов и сортов. И открыл «стартовые площадки», откуда по воле человека вышли на завоевание мира его зеленые друзья.

Просо, гречиха, соя, редька и еще, и еще — это из Китая.

Рис и лимоны, апельсины и манго, сахарный тростник и мандарины... Это, конечно, Индия.

Родина главного хлеба всего мира — мягкой пшеницы — среднеазиатский центр, это Таджикистан, Узбекистан, часть Киргизии, Пакистан и Афганистан. Отсюда же вышли горох и чечевица, хлопчатник Старого Света и морковь, фисташки... и абрикос, и некоторые разновидности льна.

Западнее — наш горный Туркменистан, Иран, Закавказье, Малая Азия (без своих побережий) — этот обширный район дал миру рожь и виноград, огромное число плодовых деревьев: и грушу, и гранат, и инжир, и черешню, и миндаль, и грецкий орех.

Средиземноморский очаг подарил человечеству маслины, свеклу, многие овощи. Но, может быть, еще важнее было, что эта обширная область стала доброй приемной матерью для многих пришельцев. Ячмень рожден Эфиопией (по Вавилову, Эфиопия пятый центр Старого Света), а усыновило его Средиземноморье, сделало его зерна крупнее, урожай больше. Тем же обязаны берегам благословенного моря и бобы, и лен, и пришедшие из Юго-Восточной Азии огурцы.

Два центра культурных растений наметил Вавилов

в Америке. Центральноеамериканский, захватывающий и «верхушку» Южной Америки, — он дал кукурузу, основные американские виды фасоли и тыквы, перца и батата плюс помидоры плюс американский хлопчатник. Тот, кстати, оказался словно нарочно созданным для африканских и азиатских условий и сильно потеснил на плантациях Египта, Советского Союза и многих других стран своего старосветского родственника.

Второй центр происхождения американских культурных растений много южнее, он охватывает в основном территории, принадлежащие Эквадору, Боливии, Перу. Отсюда родом картофель. Но к нам, в Старый Свет, картофель пришел не прямо отсюда. Ему понадобилась промежуточная остановка. Сотни раз привозили в Европу замечательные клубни, сажали в землю, радовались пышной ярко-зеленой ботве — и разводили руками. «Вершки» были, а клубней нет. Выяснилось, что слишком длинен летний день в Европе, а перуанский картофель, вместе с кукурузой взрастивший инкскую цивилизацию, не желал лишнего света. Выручил человечество небольшой остров у берегов Чили. Там рос картофель с необычным числом хромосом, приспособившийся — Чили-то ведь не у экватора — к относительно длинному летнему дню.

Разумеется, открытия Н. И. Вавилова за минувшие десятилетия были развиты и дополнены. Уточнено происхождение некоторых растений, число и контуры основных и добавочных очагов, откуда вышли те или другие культуры. Существовал, например, видимо, еще западноафриканский центр, где сделали культурными орехи кола, ямс, масличную пальму...

История знает растения, резко уменьшившие за последние века или тысячелетия свои владения. Это можно, пожалуй, сказать и о просе, и об ячмене. На территории нашей страны, например, еще тысячу с лишним лет назад ячмень начал отступать перед рожью. Гораздо меньше, чем в античное время, распро-

странено сейчас оливковое дерево. Именно оно, к слову, вместе с виноградом и пшеницей было основой процветания замечательных городов Древней Греции и Италии. Афины в легенде за то и предпочли в качестве покровителя богиню Афину-Палладу грозному богу моря Посейдону, что она подарила им это дерево.

Почему же олива отступила?

С падением Рима пришельцы, «варвары», разнесли по большей части Европы свою привычку к животным жирам, оливковое масло перестало пользоваться спросом. А медики, между прочим, утверждают, что растительные жиры полезней животных... Неосмотрительно, выходит, поступили тут предки.

Картошка и свекла оттеснили в огороде и в поле на задний план многие растения, и прежде всего репу. Пришельцы часто вытесняют так хозяев (впрочем, те ведь тоже обычно откуда-нибудь пришли, только пораньше). И в Новой Зеландии, например, задолго до серьезного ее освоения европейцами картофель и кукуруза в течение всего нескольких лет почти вытеснили с полей и огородов аборигенов их прежнюю главную пищу — сладкий картофель кумару.

Кстати, бывает и так, что сельскохозяйственная культура, широко возделываемая в одном месте, в другом не приживается даже в сходных природных условиях. Сорго, например, пробилось в конце концов из Эфиопии в пределы Римской империи, но только с заднего хода — через Индию. Египет, расположенный в общем неподалеку, заимствовал прямо из Эфиопии ячмень, а сорго не пожелал. Почему? Неизвестно.

Вообще человечество использует далеко не все растения, которые можно было бы и стоило бы сделать культурными. Мы увлеклись валом в ущерб разнообразию продукции. Причем это относится и к «нам» до нашей эры. Ржи и овсу, например, пришлось прямо-таки набиваться нам в друзья, а мы носы воротили. Рожь — сорняк пшеницы. Чем выше в горы и чем севернее на рав-

нинах растили пшеницу, тем большую долю урожая по весу составлял «сорняк», выживавший там, где пшеница вымерзала. Но в Азии его упорно не хотели признавать хлебом. В Европе Восточной и Центральной признали.

Там же «пробивался» в культурные растения овес. Впрочем, он прошел этот путь гораздо быстрее ржи.

Но сколько менее настойчивых претендентов мы просто не замечаем! И сколько растений, даже став культурными, остались жить у себя на родине, не были призваны в поход. Хотя, вполне возможно, эти домоседы стали бы хлебом насущным для районов, отделенных от их нынешних посевов многими тысячами километров.

Уже говорилось, что Подмосковье оказалось ближе к Средней Азии, чем к Кавказу, с точки зрения грецкого ореха. Похожая история вышла со льном. Родина — центр Азии, вторая родина, второй очаг формирования льна, по Вавилону, — Средиземноморье, здесь лен окреп. А лучше всего ему у нас, в Белоруссии да нечерноземном Центре.

Правда, можно вспомнить и куда более странные вещи, случающиеся с растениями. Лет десять назад попробовали выращивать овощи в явно неподходящей для них атмосфере — просто-напросто той, которая есть на планете Марс.

И вот огурцы и рожь, например, так бурно росли, как будто они вправду были родом с другой планеты и соскучились по привычному воздуху. Помню, одна статья, подробно рассказывавшая про этот эксперимент, так и называлась «Марсиане растут в огороде».

С другой стороны, история знает примеры менее парадоксальные, но более... завидные, что ли.

Вот что пишет советский историк и искусствовед Н. Молева о том, каким было подмосковное село Измайлово на рубеже XVII—XVIII веков:

«...в измайловских садах цвели и плодоносили миндаль и кизил, финики и груши, персики и виноградные лозы, шелковица и арбузы... Трудно сказать, каких за-

трат и усилий стоили урожай, но съехавшиеся из Аст-рахани, Персии, с Дона садовники заставляли щедреть недолгое московское лето».

К слову сказать, климат Подмосковья был тогда отнюдь не теплее — скорее наоборот.

Так что кое-какие свои завоевания наши культурные растения потеряли. По нашей, конечно, вине.

(Правда, для отступления винограда на юг есть одно объяснение, целиком обеляющее «нерадивых» северных садовников. Вот оно. В раннем средневековье виноград чрезвычайно широко распространился по Европе благодаря... христианству. Вино было ведь не только привычным напитком, оно требовалось при церковном обряде — причащении. Но с развитием транспорта и торговли все более усиливалась «географическая специализация» сельского хозяйства. И виноград ушел на юг, где для него был более благоприятный климат.)

В дороге, как известно, многое теряется. Не зря же есть поговорка, будто два раза переехать — все равно что погореть. И человечество на своем пути многое потеряло. Кто, например, не слышал про драгоценнейшую краску древних — пурпур? Его добывали из раковин, подвергая исходные вещества длинной серии превращений. Каких? Мы не знаем.

В известной книге индийцев Ведах очень много говорится о священном опьяняющем напитке — соме. Один из великих подвигов бога Вишну — добыча для богов и людей этого напитка. Добыча сомы стоит среди этих подвигов в одном ряду с извлечением со дна океана самой нашей матушки-земли.

По другой версии, напиток сома был добыт богом воздуха Индрой. Выпив сомы, Индра стал так могуч и так вырос, что отделил небо от земли и занял все пространство между ними. И в дальнейшем, когда богам грозит опасность, их подкрепляет сома, которая оказывается важнее для богов Индии, чем нектар для олимпийцев Древней Греции.

До нас дошли гимны соме и подробные описания обрядов, которые полагается совершать при приеме сомы внутрь.

Не дошла только... сама сома. Неизвестен рецепт изготовления таинственной жидкости. Неизвестно, из чего, из какого именно растения она изготовлялась.

Правда, недавно была выдвинута чрезвычайно любопытная гипотеза о природе сомы. Она утверждает, что этот напиток изготовлялся из настоя мухомора. У многих народов севера мухоморы до последнего времени использовались в качестве местного эквивалента европейского вина или южноазиатских наркотиков. Шаманы часто приводили себя в подходящее для камлания (колдовства, вызывания духов) состояние с помощью мухомора. Словом, основой возбуждающего напитка мухомор вполне может быть. А на прародине индоевропейских народов, судя по древним священным книгам персов и индийцев, росли березовые леса или рощи. А в березовых лесах, все мы знаем, мухоморы водятся. И южная граница березы кое-где совпадает с южной границей распространения мухоморов. Но в Индии, увы, нет ни берез, ни мухоморов. Сому стало не из чего готовить, а потом позабыли даже, как и из чего ее делали.

Но все это, повторяю, только гипотеза, вызывающая у многих сомнение. Сому ведь, согласно Ведам, подвергали обработке на скрежещущих прессах, а зачем класть под пресс мухоморы? И даже если сырье для сомы найдено, то нет рецепта напитка, делавшего даже богов более сильными.

А вот другой факт.

Недавно вышла в русском переводе книга «Цветок из Кирены» шведки Христианы Седерлинг-Брюдольф. Скандинавская любительница ботаники задалась целью найти дикое растение сильфий. Торговля сильфием сделала древнегреческий город Кирену, расположенный в

нынешней Ливии, одним из богатейших городов тогдашнего мира.

Это было удивительное растение, «сок которого больше пяти веков исцелял людей от судорог, прострела, эпилепсии, столбняка, меланхолии, астмы, истерии, кашля, хрипоты, гинекологических заболеваний, от змеиных и собачьих укусов...». Плиний называл сильфий одним из самых драгоценных даров природы. Юлий Цезарь использовал римские запасы сильфия для финансирования своих завоевательных планов.

Но уже к началу нашей эры сильфий в Ливии почти перевелся. Сейчас это растение вообще неизвестно... Шведка прекрасно описала свое путешествие, она нашла за это время растения, малоизвестные или даже вообще неизвестные науке, но не сильфий. Тот прочно потерялся. И наверное, потому, что не был вовремя распространен более широко. Исторические превратности оказались слишком тяжелы для растения, закрепившись лишь на одном клочке земли.

ОВЦА-ЗАВОЕВАТЕЛЬ

В книжке Ольги Перовской «Ребята и зверята» есть такая сцена.

У девочки Наташи в детском саду спрашивают:

«— Какие животные называются дикими, а какие домашними?..

— Которые живут дома — те домашние, а которые убегают — дикие.

— Ну назови какое-нибудь дикое животное.

— Лошадь... Чубарка наш все время убегают.

— Ну а домашние тогда кто же?

— Домашние? Лиса, волк. Они никуда не убегают. Только в погреб очень лезут и в курятник».

В доме у девочки было полным-полно животных — и ручных, и домашних.

И она заново открыла для себя истину, которую мы забыли, а наши предки знали: приручить, выдрессировать, воспитать можно кого угодно из зверей. Все ведь, наверное, слышали про льва, воспитанного бакинской семьей Берберовых.

Ручными бывают крокодилы и попугаи, пауки и змеи, стрекозы и рыбы — я называю, как вы сами понимаете, наиболее удивительные случаи. В Полинезии есть острова, где когда-то все птицы были ручными. В Южной Америке или Индии ручными могут оказаться обезьяны самых разных пород.

Граница между ручными и домашними животными есть, но она достаточно широка и размыта. Когда-то считали, что в неволе могут размножаться только домашние животные — практика показала, что это не так.

Если взять за критерий возможность для животного одичать, когда его оставляет человек, то среди всех известных нам существ подлинно домашним окажется только овца. Как бы долго она ни находилась вдали от людей, овца признает их власть. Это свойство среди других делает ее незаменимой на скудных пастбищах, где животным надо давать больше свободы. В Австралии и Исландии овцы могут месяцами и годами не видеть своих хозяев без всякого ущерба для хозяев. (Правда, волкам ведь домашние овцы тоже не слишком сопротивляются.)

Может быть, дело в том, что овца была приручена раньше всех живых существ, если не считать собаки. А возможно, даже если считать и ее. Самым древним собакам, найденным в Передней и Средней Азии (конечно, я имею в виду самые древние кости), максимум десять тысяч лет. Европейские собаки пока что даже «моложе». Зато двенадцать тысяч лет первой домашней овце, кости которой были найдены вблизи селения Шанидар в Северном Ираке. А такая временная граница всегда бывает только нижней. Ведь будут еще раскопаны и новые овечьи кости. Та же овца «постарела» за

самые последние десятилетия уже раза в полтора. А вот лошадь стала за то же время старше вдвое. Дело в том, что кости домашней лошади, которые находили в Месопотамии, можно было отнести примерно к середине II тысячелетия до нашей эры. А древность Двуречья так убедительна, открытия ее (и Египта) в земледелии, животноводстве и ремесле так разнообразны, что археологи невольно стали преувеличивать их и без того важное значение. Но оказалось, что домашняя лошадь гораздо раньше появилась, например, на Южном Урале и в Поволжье. Этим лишний раз подтверждается, что ни одна группа племен, ни один народ древности, большой или малый, не может претендовать на роль «основателя цивилизации». Да, открытия путешествовали, но брали они старт отнюдь не из одной точки на карте, не из одного лишь конкретного района, как бы он ни был велик.

На роль всеобщей «цивилизующей силы» трудами ученых XIX и XX веков (а чаще лжеученых) претендовали и шумеры, и египтяне, и древние индоевропейцы («праарийцы»), и древние китайцы, и древние евреи, и многие иные народы...

Среди создателей таких гипотез были люди, которых слишком увлекла тема собственных или чужих исследований.

Но чаще всего главной причиной, заставлявшей возводить такие «теоретические построения», бывал и бывает расизм, буржуазный и мелкобуржуазный национализм — «белый» или «желтый», немецкий или англосаксонский, еврейский или японский, или какой угодно другой.

Между тем данные современной науки отчетливо демонстрируют, насколько ложна сама мысль об одном народе как основателе всей земной цивилизации или единственной культурной силе на планете в тот или иной исторический период. Ложна и вредна, на какой бы основе эта мысль ни возникла и с каким бы народом ни связывала «начало начал».

Сотню лет назад цивилизации древнего мира казались ученым редкими островками в море «дикости» и «варварства». Теперь эти островки благодаря все новым и новым открытиям археологов слились в широкий пояс, охватывающий земной шар. В буквальном смысле из-под земли появлялись цивилизации Малой Азии и Индии. Замечательные открытия сделаны сейчас на юге СССР, в Иране, в Афганистане. Важные результаты, судя по всему, дадут намечающиеся раскопки в Индокитае. Среди тропических джунглей, считающихся весьма неподходящим местом для возникновения цивилизации, лежали, как выясняется, весьма древние города. Может быть, это как-то связано с изменением здесь климата за минувшие тысячелетия.

Центров цивилизации было немало, во всяком случае не два, не три и не четыре, как считалось еще не так давно. И мало того, культура распространялась не только из этих центров на окраины, но и с окраин к центрам.

Вот один пример: Переднюю Азию долго считали прародиной чуть ли не всех домашних животных, а значит, и лошади. И поскольку лошадь появилась здесь сравнительно поздно, то и одомашнивание ее относится только к III, а то и II тысячелетию до нашей эры. Но по-шумерски лошадь звалась «ослом из чужой горной страны», что ясно доказывает ее иноземное происхождение. Впрочем, «горная страна» — видимо, горы Малой Азии и Юго-Западного Ирана — была только перевалочной станцией на пути коня с севера или востока. Сначала полагали, с востока, считая предком коней знаменитую дикую лошадь Пржевальского, обительницу Центральной Азии. Затем биологи выяснили, что у лошади Пржевальского в каждом клеточном ядре шестьдесят шесть хромосом, а у нашей домашней лошади — только шестьдесят четыре. Значит, это родственники, но не предок и потомок. И главным претендентом на роль прародительницы Сивки-Бурки и Буце-

фала стала лошадь южнорусских степей — тарпан. Стада диких тарпанов паслись тысячи лет назад на огромных степных просторах между Дунаем и Уралом. Здесь тарпан и был приручен. Где именно — на западе или на востоке этой зоны, — пока спорно. Кости древнейших домашних лошадей находят и в бассейне Дуная и Днестра, и на Южном Урале. Этим костям пять-шесть тысяч лет. (Правда, с кандидатурой тарпана согласны далеко не все специалисты. Многие из них считают тарпана не дикой, но лишь одичавшей лошадью, мустангом, только не американским, а европейским и азиатским. Тарпанов приручали, как и мустангов, но это был уже вторичный процесс. Если дело обстоит именно так, значит, для домашней лошади предка надо еще искать.)

Так или иначе, но из степной полосы домашняя лошадь двинулась на юг, восток, запад. С нею шли наши далекие предки — первые индоевропейцы, от которых произошли десятки народов: от германских, романских и славянских в Европе до бенгальцев в Восточной Индии. Подробнее об этом великом путешествии народов и языков будет рассказано в специальной главе. А сейчас важно отметить, что эта лошадь придала такой размах их передвижениям. Материалы языковедения как будто подтверждают такую точку зрения. Судите сами.

Начнем с примера, внешне противоречащего этому тезису.

В русском языке, хоть он и индоевропейский, слово «лошадь» восточного происхождения. Тюркское слово «алаша» русский язык, подчинив собственным законам, превратил в «лошадь». Кстати, оно и появилось поздно, после монгольского нашествия, а в ранних русских летописях его не найдешь (там есть только слово «конь»). Но в тюркский-то язык, по мнению некоторых лингвистов, это слово пришло из индоевропейских, возможно, через Китай. Индоевропейского происхождения очень вероятно название лошади в тунгусо-маньчжурских, монгольском, тибетском и японских языках.

С живую лошадью случилось то же, что с бронзой и железом. Все это было прежде всего применено в военном деле. И так же, как бронзовое оружие давало своим обладателям победы над людьми, вооруженными каменными топорами, так люди с конями побеждали пеших врагов.

И письмо кипрского царя египетскому фараону Аменхотепу начинается так: «Желаю здоровья вам, вашей семье и вашим коням». Этим словам три с половиной тысячи лет. Намного раньше они даже и не могли быть написаны — лошадь появилась в Египте всего за двести лет до этого Аменхотепа.

И каждое новое усовершенствование «конного дела», в самом широком смысле слова, немедленно давало народу-изобретателю новые преимущества, тут же использовавшиеся в походах.

По-видимому, на родине домашней лошади через две-три тысячи лет после одомашнивания научились взнуздывать лошадей. Это дало человеку над конем гораздо большую власть. Теперь им стало несравненно легче управлять. (Вспомните-ка, какое широкое употребление во всевозможных переносных смыслах получили в современном даже языке слова «узда» и «взнуздывать».)

Это изобретение встретилось — уже на Ближнем Востоке — с другим. Было создано колесо со спицами! Сплошной круг из дерева превратился в ажурное и изящное (сравнительно, конечно) сооружение. Тяжелая повозка, которая была куда более впору быкам, превратилась почти сразу в стремительную колесницу, на много веков ставшую хозяйкой бранных полей.

Снова приходится вернуться к истории усовершенствования колесницы, потому что теперь нам важна не она сама по себе, а роль этого усовершенствования для максимально удобного использования лошади. Малоазиатские хетты к концу II тысячелетия до нашей эры сумели создать колесницы, весившие всего 5—10 кило-

граммов, а ведь на каждой из них в бою находился экипаж из трех человек: возничего, щитоносца и стрелка. Невольно вспомнишь про современный танковый экипаж, который, правда, не нуждается в щитоносце, но включает в себя механика-водителя и стрелка.

Исход битв между великими державами древности решали сражения колесничих. На колеснице мчался в бой Ахилл, неведомые авторы библии тщательно подсчитывали число колесниц, посылаемых в поход фараонами и иными царями.

В Индии одна из четырех главных каст носит имя кшатриев. Это каста — исторически — не просто воинов, но воинов-колесничих. Завоевание большей части Индии индоевропейцами произошло как раз после появления боевых колесниц. Впрочем, раньше оно и не могло произойти — для успеха такого грандиозного похода завоеватели должны были обладать огромным превосходством в военной технике. И обладали.

Боевая колесница устарела давно, но до этого успела «переехать» на небо. Я говорю сейчас даже не про Небесную колесницу, или Небесный воз, который видят многие народы на месте так называемой Большой Медведицы.

На колеснице ездили индийский Индра, греческий Зевс, славянский Перун — все боги грома и молнии, до сих пор на ней скачет в грозу Илья Пророк. Какою же грозной была колесница, если грохот ее колес отождествлялся с громом!

После изобретения узды понадобилась еще почти тысяча лет для серьезного ее усовершенствования. Появились удила — управление лошадью стало еще легче, и вместо колесничего главным действующим лицом войны становится всадник. Теперь он может даже стрелять из лука. Северное Причерноморье снова родина этого изобретения. Отсюда врываются в Малую Азию, Иран, Месопотамию конные армии, перед которыми ничто не может устоять. Особенно поражает воображение поход

скифов в Переднюю Азию на рубеже VII и VI веков до новой эры. В течение почти тридцати лет скифы, куда менее многочисленные, чем ассирийцы или вавилоняне, были хозяевами на огромной территории — вплоть до границ Египта, который спешно пытался искать союзников для борьбы с ними. Скифы разорили и подчинили Мидию и Урарту, Ассирию, почти всю Малую Азию и множество других земель.

И были сами разгромлены, после того как мидяне предательски перебили скифских вождей.

Но дело, вероятно, было не только в предательстве. Мидяне переняли у скифов умение биться в конном строю, это и дало им силу для восстания. А потом для создания собственной мировой (по тогдашним масштабам) державы.

Много позже новый переворот в истории вызвало изобретение стремян. После их появления умелому всаднику для управления лошадью в бою стало почти всегда достаточно ног, и сидел он в седле куда прочнее. Распространение стремян «во все стороны света» (по видимому, из Средней Азии) влекло за собой многочисленные последствия, в том числе и социальные. До того всадники могли использовать длинные копыя лишь при условии, что в битву они идут лавой, большим отрядом, и каждый всадник защищен с боков и сзади товарищами. Ведь необходимость управлять лошадью буквально «связывала руки» всаднику, ограничивала действия копьем. Стремена дали возможность орудовать пиками и воинам небольшого отряда, и даже одиноким конным бойцам. Это стало, по мнению, в частности, английского историка С. Лилли, военной, так сказать, основой процесса феодальной раздробленности, сделав маленькие конные войска достаточно сильными и маневренными. И не случайно символом рыцаря стали шпоры — новейшее средство для управления конем с помощью ног.

На Востоке стремяна резко повысили боевые возмож-

ности всадников. Империя тюркютов, раскинувшаяся в VII веке от Черного моря до Желтого, стала, кроме всего прочего, свидетельством значения новых способов управления лошадью и новых приемов конного боя.

Другое, куда менее яркое, но зато существующее до сих пор свидетельство важной роли лошади в истории — конек на русской избе. Название не случайно. Именно изображением коня украшали дом люди, вся жизнь которых была с ним связана. Не будем забывать, что, кроме великолепных Буцефалов, существовали скромные работяги Сивки, русскому крестьянину один и тот же конь служил и в бою и в поле. Конь хорошо потрудился для кочевников, но он же сделал куда более производительным земледелие.

И если изобретение и распространение стремян резко изменило методы войны и даже коснулось организации общества, то создание удобной упряжки позволило лошади почти всюду «выгнать» быка с поля. Кочевники Центральной Азии изобрели и стремяна, и рациональную упряжь, но упряжь эта пригодилась прежде всего земледельцам. На волнах великого переселения народов новая упряжь проникла в Римскую империю, и на развалинах державы Цезарей земледелец пошел за плугом, который тащила лошадь.

...Лошадь, как мы видели, сыграла важную роль в распространении по свету индоевропейцев. Она попала в Индию и Переднюю Азию вместе с ними, хотя тут еще надо разобраться: она была вместе с ними или они вместе с нею.

Другим важнейшим спутником индоевропейцев была овца, хотя ее первыми приручили, по-видимому, жители Месопотамии или Иранского нагорья.

В Центральной Европе, возможно, происходила в III—II тысячелетиях до нашей эры «борьба» двух разновидностей животноводства: лошадь и овца выступали против коровы и свиньи, распространенных у народов, живших здесь до прихода индоевропейцев. Лошадь име-

ла прежде всего колоссальное военное значение. Но, быть может, не менее важной в конечном счете была овца. Пищу она находит себе даже в полупустыне, а то и пустыне. Стада овец требуют охраны, но не нуждаются обычно в особом присмотре. Их можно перегонять на большие расстояния, овцы не привязывают к земле, как коровы или свиньи. Поэтому «опора на овцу» и позволила индоевропейцам занять огромные территории. Их племена способствовали распространению овцеводства, и это «засчитывалось» им законами истории, управляющими взаимодействием культур и языков. Рискну сказать, что если лошадь обеспечивала фронт индоевропейских переселений, то овца — тыл.

Но ведь совсем недавно мы говорили, что овца — одно из древнейших домашних животных. Зачем же было ее распространять, если к моменту прихода индоевропейцев овцы щипали траву и в Европе, и в Африке, и в Азии? Речь здесь идет о распространении именно не овцы, а развитого овцеводства, связанного с умением рационально ее использовать.

Другой путь прошла домашняя кошка, которая была когда-то чрезвычайно важным для хозяйства животным, единственным надежным защитником собранного урожая от грызунов.

Кошка — постоянный спутник и соперник собаки не только в сказках, но и в жизни. В одном отношении кошка, казалось, никак не могла соперничать с псом: ее долго считали очень молодым домашним животным. А родину этого «юнца» помещали в Египте, где кошка сначала была не мышеловым, а охотничьим животным. Сейчас эта родина «переехала» в Азию. На территории нынешней Турции раскопали относящуюся к VII тысячелетию до нашей эры статуэтку женщины с кошкой на руках. Есть, правда, довольно серьезные основания думать, что тут перед нами детеныш гепарда или леопарда — в тех местах поклонялись этим крупным хищникам. А в Палестине нашли в слое девяти тысячелетней

давности всего один кошачий зуб, который был признан принадлежащим домашней кошке.

А потом долгое время Египет был местом, где кошек, спасительниц амбаров, холили, не жили и обоже-ствляли. Из Египта двинулись кошки обратно в Азию и в Европу, когда настоящим бичом многих стран стали крысы. Увы, враги человека, как и друзья, тоже умеют путешествовать.

Сложно происхождение крупного рогатого скота.

Лошадь была приручена только одного вида. С ко-ровами получилось иначе. Знакомые нам с детства по иллюстрациям к «Маугли» длиннорогие индийские зебу сильно отличаются от наших коров. На резных печатях, найденных при раскопках в Мохенджо-Даро (Паки-стан), были и изображения зебу. Этим печатям, по крайней мере, четыре с половиной тысячи лет. На дру-гих печатях оказались изображения древнего безрогого быка.

Эти два типа люди скрещивали между собой еще в ту далекую пору, получая разнообразнейшие породы.

Но домашние зебу гораздо древнее печатей. В Месо-потамии была найдена глиняная статуэтка зебу, по крайней мере, шеститысячелетней давности. Эта на-ходка все же не отдала Месопотамии прав прародины зебу. Они остались за Индией.

Можно не сомневаться, что центров приручения крупного рогатого скота было немало, поскольку евро-пейские породы его с самого начала отличались от среднеазиатских, а те от индийских и африканских. И из каждого из этих центров быки и коровы распростра-нялись по многим направлениям. С Востока в Африку за-везли из Передней Азии зебу. Они появились в Египте примерно четыре тысячи лет назад, но не смогли вытес-нить местные породы скота. Зато и в самом Египте, и к югу от него, в Нубии, в результате скрещивания пе-реднеазиатских зебу и африканского быка появилась

порода скота, которую переселяющиеся племена разнесли по всей Центральной Африке.

Арабские завоевания VII—IX веков, в результате которых на время северо-восток Африки и запад Индии оказались частями одного государства, укрепили связи Африки и Индии. Это привело к появлению на западных берегах Индийского океана новой породы зебу, завезенной морем непосредственно с Индостанского полуострова. Индийские зебу стали главным домашним скотом Эфиопии да и большей части Африки вообще. Их разводят даже готтентоты на юге материка.

Мавры и туареги Сахары тоже давно занимаются «зебуводством».

В средневековье короткорогие африканские породы скота, происходящие от европейского быка, встретились в Судане с зебу, дав новый «спектр» пород для Африки.

Коза была одомашнена в Передней Азии, где конкретно, пока сказать невозможно. Распространялось это животное по свету со стремительностью, которой могла бы позавидовать лошадь. Среди домашних животных коза разве что северному оленю уступает в неприхотливости. Она не требует заботливого ухода, кормится всем, что попадает на пути...

Увы, достоинства козы обернулись в истории недостатками. Козы уничтожали молодую поросль деревьев, принимали вместе с человеком участие в уничтожении лесов.

Куры «вышли» из Индокитая. Потомками древних куриных родов Старого Света оказались и американские куры. Но не благодаря Колумбу. Правда, почти полное отсутствие в Новом Свете домашних животных привело к тому, что местных кур приняли за потомков испанских несушек. Уже через пятьдесят лет после открытия Америки испанцы и португальцы полагали, что это они «подарили» кур индейцам. Сейчас доказано, что дело обстояло не так.

Куры оказались втянуты, в виде очень серьезного аргумента, в знаменитый спор о путях открытия

Америки. В Чили и Перу есть куры, которые кладут голубые яйца. На острове Пасхи, самом, может быть, таинственном острове в мире, тоже есть курица, несущая голубые яйца. Где ее родина? В Америке или на острове? Об этом спорят тем энергичнее, что тут затрагивается общая проблема связей между разными областями планеты.

Есть масса открытий, относительно которых остается только гадать: были они сделаны один или бесчисленное множество раз.

Сколько раз была одомашнена овца, например?

С одной стороны, тысячи и десятки тысяч раз люди в Иране, Месопотамии, Палестине и других странах закрывали за изгородью ягнят диких овец и с трепетом ждали, что из этого выйдет.

Но, с другой стороны, возможно, что во всех случаях, кроме серии самых первых попыток, эту ситуацию можно было сравнить с положением школьника, встретившегося с трудной задачей. Ученик не знает, справится ли он с нею, но ему точно известно, что в принципе задача разрешима и даже ответ можно узнать.

После того как стала домашней первая овца, проблема была, по существу, решена раз и навсегда.

Однако эту мысль можно развить и дальше. Момент, когда человек сделал своим другом собаку, тоже можно посчитать решающим для всего дела одомашнивания. Если одно животное можно сделать «своим», то и другое тоже.

Но ведь собака, по-видимому, сама пришла к человеку. А за овцой, козой и прочим зверьем ему пришлось погоняться.

Примечательна история домашнего северного оленя. Много тысяч лет назад его предок был кормильцем большей части человечества. Именно северный олень когда-то заменил истребленного мамонта в качестве главной охотничьей добычи на севере Европы и Азии.

За его стадами следовали охотники каменного века,

распространяясь вплоть до Чукотки. Олень, вероятно, привел их и в Америку, став для первых американцев тем, чем было золото для Колумба. Случай с северным оленем представляет, по существу, аналогию истории с племенами — собирателями урожая. Те убирали дикий рис, не заботясь ни о посеве, ни об обработке земли. А олени стада в течение какого-то времени были регулярными поставщиками мяса, оставаясь на воле, — люди следовали за ними, соразмеряя свои потребности с числом оленей.

Домашним, однако, северный олень был сделан не на севере. В центре Азии, в Саянах, стало домашним животным существо, и до того тысячелетиями поневоле служившее человеку.

Однако далеко не все согласны, что Саяны — родина домашнего оленя. Неясен и его возраст — от пятнадцати тысяч до пятисот лет давали северному оленю в разное время. Сейчас чаще всего, пожалуй, говорят о двух-четырёх тысячах лет.

Наконец, разногласия касаются и конкретного повода для одомашнивания оленя. Возможно, что какое-то кочевое или полукочевое племя, загнанное врагами в районы, где у него не было достаточного числа лошадей, заменило их оленями. Не менее вероятен и другой вариант. Сами местные саянские жители, привычные и давние охотники на оленей, постепенно перешли к их одомашниванию. Причем тут тоже коневодство сыграло свою роль, только уже другую: саянцы не могли не знать, что у их соседей одомашнена лошадь, и это придавало пылу энтузиастам будущего оленеводства.

ПРАВО ГОСТЯ

«Необычайно бы интересная получилась книга, если бы кто-нибудь взял на себя труд написать историю распространения защиты закона на чужестранцев и роста

той идеи, что человек может иметь права не только как гражданин, не только как протеже иностранного государства, достаточно могущественного, чтобы отомстить за нанесенную ему обиду, но просто как человек».

Это цитата из романа Г. Дж. Уэллса «Мир Вильяма Клиссольда», того из его романов, который более всех остальных похож на научный трактат. Я не берусь выполнить пожелание великого фантаста. Но хотя бы небольшому рассуждению о том, что его так интересовало, — самое место в этой книге. Ведь, в конце концов, никакие длительные контакты между людьми разных районов не были бы возможны, если бы им не удавалось обеспечивать каким-либо образом взаимную безопасность. А люди отправлялись в странствия задолго до Магеллана, Марко Поло и Ганнона-карфагенянина.

У австралийских аборигенов существовали правила, согласно которым люди даже враждебного племени могли невозбранно пересечь чужую территорию по дороге к месторождению ценного камня или краски.

С другой стороны, на островах Самоа или Фиджи отношения между населявшими их племенами, впрочем, прошедшими по пути прогресса дальше австралийцев, сложились таким образом, что путешествия через владения соседей стали уже делом не просто рискованным, а прямо-таки безнадежным.

Должно было пройти много времени, чтобы человечество на новом уровне вернулось к австралийской беззлобности.

И тут важнейшую роль сыграла торговля. В каждом достаточно разившемся обществе в ходе процесса разделения труда появились группы торговцев. Иногда весьма немногочисленные, как у древних египтян, иногда, как у греков, составлявшие относительно большую долю населения. Для многих купцов бывать в чужих землях становится самым обычным делом. Их влечет вдале не голос любопытства, но вполне деловой инте-

рес. Не единицы, а сотни и тысячи людей становятся гостями иноземцев. Впрочем, гостями ли? Торговля бывает разной.

До нас дошли точные рассказы очевидцев о самой, пожалуй, ранней форме международной торговли. Судя по всему, она не очень отличалась иногда от торговли между европейцами и меланезийцами в XVIII веке. Одна сторона оставляла на видном месте образцы товара и уходила. Другая забирала их, клала на то же место свои товары и тоже уходила. Первые возвращались, если были довольны, брали предложенное, если нет — оставляли, что означало требование прибавки.

Вот как описывает такую торговлю на севере Европы арабский путешественник XIV века Ибн-Батута:

«Захотелось мне пробраться в Страну мрака. Вход в нее через Болгар, и между ними 40 дней пути. Путешествие туда совершается не иначе как на маленьких повозках, которые возят большие собаки, ибо в этой пустыне всегда лед, на котором не держатся ни ноги человеческие, ни копыта скотины; у собак же когти, и ноги их держатся на льду...

...путешественники делают привал у «мрака». Каждый из них оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращается в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят насупротив него соболей, белок, горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те, то есть жители «мрака», набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя (на месте) товар купцов... Те, которые ездят сюда, не знают, кто покупает у них и кто продает им, джинны ли это или люди, и не видят никого».

Стороны на всякий случай даже не вступали сначала в прямой контакт, что, увы, было по тем временам вполне разумной предосторожностью. Постепенно отно-

шения налаживались, начинались знакомства, более удобная торговля... Но что, если вернуться к заданной Уэллсом теме, охраняло торговца? Прежде всего телохранители. Купцы Крита и Финикии, как люди деловые, держали на судах отряды воинов, да и сами моряки умели владеть оружием, да и профессия купца в ту пору считалась отнюдь не самой мирной. Торговый корабль превращался с легкостью в военный.

И неизвестно, кому при таких контактах грозила большая опасность. Геродот, скажем, утверждал, что началом конфликта Азии и Эллады явилось похищение знаменитыми аргонавтами Медеи; вообще любознательные путешественники и деловые торговцы очень легко становились пиратами, как только это им казалось достаточно удобным. Но, с другой стороны, торговля была делом полезным. А кроме того, сознание необходимости получения новых знаний, не говоря уж о товарах, еще в глубокой древности прочно укоренилось среди многих племен.

Значит, требовалось как-то обеспечить безопасность обеих сторон в торговле.

У всех почти известных нам первобытных племен был в ходу прекрасный обычай усыновления. Чужак становился своим.

Позже появился обычай побратимства. Нередко побратимами становились люди, принадлежавшие к разным народам. Теперь безопасность одного побратима обеспечивалась всем авторитетом другого побратима и его рода.

Своеобразная разновидность обычая побратимства — куначество на Кавказе.

Необычайно широкое развитие гостеприимства тоже относится, по-видимому, отнюдь не к самым ранним формам человеческого общества. Почти всюду, где особа гостя объявляется священной, уже существуют и торговля, и классовое расслоение.

В Аравии и на Кавказе сотни и тысячи раз случа-

лось, что хозяева отдавали свою жизнь, защищая впер-
вые увиденных ими людей только потому, что те пере-
ночевали под их кровлей. Что же говорить об удоб-
ствах, с которыми здесь устраивали гостя, о заботах,
которыми его окружали!

Совершенно фантастические и тем не менее абсо-
лютно правдивые истории из жизни кавказских наро-
дов, арабов или горцев Шотландии рассказывают впол-
не заслуживающие доверия свидетели.

Хозяин дома защищает от собственных родственни-
ков убийцу своего сына только потому, что тот — гость...
Гость имеет право сохранять инкогнито, а хозяин не
вправе задавать ему какие бы то ни было вопросы... Се-
ление стерто с лица земли жителями соседних дере-
вень за то, что один лишь из обитателей этого селения
посмел ограбить своего гостя...

Но, надо сказать, как раз в тех местах, где происхо-
дили такие истории, как раз там-то странник больше
всего рисковал, кем бы он ни был, торговцем или про-
сто любознательным путешественником. Крайности, до
которых люди доходили, защищая гостя, — следствие
опасностей, угрожавших ему. В Древней Греции приез-
жий купец не мог рассчитывать на такой щедрый при-
ем, но он знал, что его личная безопасность и имуще-
ство охраняются законом. Впрочем, далеко не всюду и
не при всех обстоятельствах даже в цивилизованных
государствах приезжий мог опереться на закон, защи-
щающий его. Иноземец, потерпевший в древности ко-
раблекрушение у пустынных берегов, мог потерять ос-
татки имущества и свободу. В Западной Европе в сред-
ние века в аналогичном случае несчастный путешествен-
ник если и оставался на свободе, то нищим и голым.
Даже там, где закон уже заботился о чужеземце, власти
любого цивилизованного государства с древнейших вре-
мен задавались прежде всего вопросом, не шпион ли
он. Были страны, где эту проблему решали радикально;

не допускали чужеземцев в страну. Время от времени так поступали, например, Китай и Япония.

В Китае в 875 году нашей эры в результате восстания, направленного против чужеземцев, было перебито множество иностранных купцов и их служащих — по некоторым данным, до двухсот тысяч. На какое-то время после этого страна была закрыта для чужеземцев, потом вновь открыта и снова закрыта уже в XV веке. В Эфиопии на целые столетия дело поставили иначе. В страну иностранцев пускали, более того — принимали их ласково, они получали порою возможность сделать здесь блестящую карьеру, становились советниками правителей, но на родину их не отпускали.

И все-таки постепенно все больше становилось стран, где гостеприимные люди не были исключениями хотя бы по той причине, что с каждым столетием гостеприимство становилось все менее опасным.

В великой поэме Гомера разобраны все основные случаи, с которыми мог встретиться в те времена пришелец на чужой земле. У людоедов-циклопов Одиссея и его спутников просто-напросто хотели съесть. На острове Цирцеи — как в средневековой Эфиопии — гостя задерживали, отказываясь вернуть свободу, хотя при всем этом он мог быть мужем правительницы. Торговый народ феаков доброжелательно и щедро принял Одиссея нагого, лишенного и корабля и воинов, бесильного как защитить себя, так и подкрепить чем-нибудь собственные рассказы о своем происхождении, титуле, славе. Ему все равно поверили и помогли вернуться на родину, но, конечно, тут сыграли свою роль и личные качества скитальца: красноречие, сила, умение нравиться девушкам. Только ведь на острове циклопов ему все это никак бы не помогло.

Беззащитный чужестранец в эпоху рабовладения и крепостничества, казалось бы, представлял собой легкую и выгодную добычу. И мы знаем достаточно много случаев, когда и в Древнем Риме, и в средневековой

Европе хищные работорговцы либо разнузданные бароны занимались вылавливанием такой добычи на дорогах или в море. Но, с другой стороны, почти все великие путешествия древности и средневековья, о которых мы слышаны (если только путешественников не сопровождали армии и флоты), стали возможны лишь благодаря тому, что какие-то обычаи охраняли жизнь пришельцев — вопреки другим обычаям, угрожающим их безопасности.

А пришельцев было много. Ведь, кроме редких великих путешествий, предпринималось множество путешествий «средних». Мы часто представляем себе наших предков бóльшими домоседами, чем они были на самом деле. В одной хорошей популярной книжке по психологии было почему-то сказано буквально следующее: «Скажи москвичу какого-нибудь XVI века, что через пять лет ему придется ехать в Париж или в Лондон. Да он от страха бы помер за эти пять лет, от страха ожидания. Он дома хотел жить, за своим забором из кольев двухметровой длины».

Но ведь в этом самом XVI веке русские, в том числе и москвичи, начали освоение Сибири. В конце XVI века Борис Годунов отправлял, за сотню лет до Петра I, молодых дворян учиться за рубеж. Я уж не говорю о бесконечных посольствах, следующих в тот же Лондон и Париж, в Стокгольм и в Мадрид, в Вену, в Стамбул и во Флоренцию. Дворяне и стрельцы, в том числе москвичи, несли трудную службу на далеких границах, их посылали на Кавказ и даже в Иран. Великий русский градостроитель Федор Конь, под руководством которого велось сооружение стен Белого города в Москве, новых укреплений в важных стратегических пунктах страны, немало времени провел за границей, в том числе в Италии. Можно вспомнить о массовых переселениях дворян, да и крестьян, внутри уже тогда огромного государства — из Москвы и Подмосковья на Новгородчину и наоборот, например. Иногда такие переселения прово-

дил из политических соображений очередной государь. Иногда они происходили полустихийно.

Кому не известно имя Ивана Болотникова, вождя одного из величайших крестьянских восстаний в истории России?! Но раньше, чем поднимать крестьян против Василия Шуйского, Болотников годы провел в турецком плену, на скамье галерного раба, прикованным к веслу. Потом бежал. Путь беглеца на родину шел через земли итальянские, австрийские, венгерские, через польские, наконец. Вряд ли надо удивляться, что на рубеже XVI—XVII веков этот путь был проделан благополучно. Гораздо интереснее, что Болотников пробирался на родину по дороге, проложенной для него другими русскими беглецами с турецкой неволи еще за сто, если не больше, лет до Ивана Исаевича.

Случалось, конечно, что венецианский купец не помогал бывшему турецкому невольнику, а делал его собственным рабом. И все-таки гораздо чаще, наверное, беглецу помогали. Впрочем, это уже позднее средневековье, время феодализма, а как обстояло дело на других, более ранних фазах развития общества?

Обратимся к истории Африки XIX века.

К этому времени колонизаторами были разрушены почти все большие государства, успевшие сформироваться в разных местах материка. Так что тропическая Африка представляла собой сложный конгломерат племен, находившихся на самых разных стадиях социального развития, начиная с первобытных общин.

Имелись здесь даже племена, не брезговавшие канибализмом. Многие вожди испытали разлагающее влияние заведенной «белыми» работорговли. Война часто бывала здесь в силу этого средством обогащения.

Словом, у европейцев имелось как будто достаточно оснований, чтобы представлять себе тропическую Африку огромной западней для путешественников, особенно миссионеров, которые профессионально оскорбляли исконные местные верования. До наших дней дожили

бесчисленные рассказы о миссионерах, съеденных африканскими «язычниками», «дикарями».

Дань этим почти суеверным представлениям отдал даже замечательный французский фантаст Жюль Верн в таких своих романах, как «Пять недель на воздушном шаре» и «Пятнадцатилетний капитан». Помните, как героям этих двух книг то и дело грозит опасность попасть в лапы людоедов?

Однако таких анекдотов было сложено несравненно больше, чем погибло путешественников.

Вот что пишет английский историк Бэзил Дэвидсон: «На самом деле только шесть из трехсот миссионеров, проникших в Восточную и Центральную Африку до 1884 года, были убиты африканцами, причем всякий раз у последних были на это особые причины».

А знаменитый путешественник Дэвид Ливингстон (сам один из этих трехсот миссионеров) отмечает, что «каждый правитель гордится, если европеец — путешественник или резидент — посещает его территорию, и обеспечивает полную безопасность его жизни и имуществу».

Да, путешествия по Африке были делом далеко не безопасным (климат, хищники, болезни), но в этом меньше всего были виноваты племена, по землям которых европейцы шли. А ведь у путешественников, как правило, были при себе для обмена товары, которые должны были казаться в центре Африки несметными сокровищами. Но и эти сокровища, как видите, не могли заставить вождей и царьков отказаться от обычаев гостеприимства.

Это ли не свидетельство, сверх всего прочего, уважения большинства африканцев к личности чужеземца. Были, конечно, и другие обстоятельства, способствовавшие безопасности путешественников. Но сейчас не время заниматься этим вопросом во всей его сложности. Радует сам факт. Он говорит, в частности, и о том, как далеко, несмотря на все препятствия, прошла к тому

времени Африка по общему историческому пути человечества. Я не буду проследивать в деталях, как изменялось отношение к чужеземцам на каждом из звеньев этого длинного пути. К месту здесь, на мой взгляд, цитата из книги Льва Успенского «Почему не иначе».

«В самой глубокой индоевропейской древности слова-предки нашего «гость» значили «чужак», то есть «возможный враг». Время было свирепое, жестокое — каждый посторонний мог в любую минуту оказаться смертельным врагом. Латинское *hostis* так и значило: «враг», «неприятель». Мало-помалу нравы стали смягчаться: прямой потомок латинского «врага» французское *hôte* значит уже «посетитель», «постоялец» (отсюда и всем вам известное слово «отель»: *hôtel* — «постоялый двор», «гостиница»).

В языках славянских народов «гость» очень рано стал наименованием заезжего торговца. Позже это слово начало значить «посетитель-друг», родились слова «гостеприимство», «гостиная комната»; всякая память о «госте-враге» исчезла».

Можно еще добавить, что отношение к чужестранцу в классовом обществе обычно зависело от его происхождения. Для знатного перса знатный спартаец был почетным гостем, а какого-нибудь неродовитого грека ожидало рабство. В средневековой Германии или Польше английский или испанский рыцарь чувствовал себя как дома — он мог надеяться на защиту местных дворян. Купцам и ремесленникам приходилось хуже, хотя они сумели для самозащиты создать подлинно международные организации. В течение целых столетий обычному подмастерью в Германии, Франции или Англии полагалось во время своего ученичества побывать в других странах и познакомиться с тамошними методами работы.

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Уже двадцать-тридцать тысяч лет назад были заселены все материки, кроме Антарктиды, и большая часть островов. Закончилось самое главное из всех путешествий человечества. Но движение народов и племен не прекратилось. Все новые и новые волны выплескивали человеческие моря Африки, Европы и Азии. Эти волны встречались, смешивались, наступали друг на друга... Среди народов есть более или менее, по историческим обстоятельствам, склонные либо вынужденные перемещаться по поверхности планеты. В числе своеобразных рекорсменов здесь окажутся такие разные народы, как эвенки последних столетий, скандинавы на рубеже I и II тысячелетий нашей эры, гунны начала нашей эры, скифы почти три тысячи лет назад... Но далеко не только названные здесь народы.

И измерять «достижения» такого рода трудно. Эвенки, например, заняли (часто, правда, чересполосно с другими народами) участок почти в десять миллионов квадратных километров, равный целой Европе!

Ну а гунны прошли много больше десяти тысяч километров, даже если измерять их путь почти по прямой, от центра Азии до центра Европы, и не учитывать «попутные» броски против народов, живших севернее и южнее этой «прямой».

Марш гуннов грандиозен, но отнюдь не выглядит в истории как нечто исключительное. Прошла сотня с лишним лет, и из того же центра Азии на Европу

обрушились авары, едва не взявшие Константинополь в 626 году нашей эры — почти на девятьсот лет раньше турок. Западным пределом движения авар стали Центральная Франция и Северная Италия.

Все мы знаем о походах монголов, оборвавшихся на западе близ Адриатического моря. С центром Азии связано происхождение предков турок, чуть не взявших в начале XVI века Вену, тогдашнюю столицу германских императоров.

Предки полинезийцев не только открыли и заселили великое множество островов. Согласно одной из гипотез Тура Хейердала «по дороге» они открыли Америку. Течения и ветры Тихого океана делают довольно вероятным, с его точки зрения, путь неких жителей Юго-Восточной Азии сначала к северо-западному берегу Америки, а оттуда в Океанию. А о том, что этот путь был пройден, говорит, по мнению Хейердала, сходство некоторых обычаев полинезийцев и индейцев северо-запада Америки — притом, что языки полинезийцев явно азиатского происхождения.

Германское племя вандалов из Северной Европы прошло до Италии, отсюда сделало рывок через Южную Францию, Испанию и почти половину Северной Африки, оказавшись в результате на территории Древнего Карфагена. Вандалы более известны благодаря своему другому «рекорду»: уже обосновавшись в Африке, они еще раз пересекли Средиземное море, на этот раз почти посередине, атаковали Италию и разграбили Рим. Причем сделали это так основательно, что хотя Рим брали и грабили и до и после вандалов, но запомнились и Риму и миру именно они.

Чрезвычайно длинным был путь арабов — с юго-восточного побережья Красного моря их войска дошли на западе до центра Франции, на севере — до Северного Кавказа и гор Средней Азии, на востоке вышли почти к границам Китая.

В Африке поражает воображение размах передви-

жений народа фульбе, большие группы которого живут и в Восточной Африке, и в Центральной и Западной. О происхождении фульбе и пути их распространения спорят, спорят яростно. Иногда Восточную Африку считают их родиной. Иногда эту родину переносят и в Северную Африку, и в Месопотамию, и даже в Индию...

Банту в той же Африке прошли в меридиональном направлении больше половины материка. В абсолютном выражении цифра проделанных километров не так уж и велика, если сравнивать ее с маршрутами тюрок, скажем. Но это ведь было движение по «сильно пересеченной местности», в чрезвычайно трудных условиях. Африка, особенно тропическая, далеко не курорт.

Ацтеки в Америке согласно легенде долгие десятилетия двигались на юг, выполняя требования некоего предсказания. Семь поколений сменились в пути, прежде чем ацтеки остановились и основали новую свою столицу. Семь поколений! Но народы вообще далеко не всегда торопятся.

О конкретном расположении прародины славянских народов ученые спорят, но в общем размещают ее где-то в пределах земель, ограниченных на юге — Дунаем, на севере — Балтикой, на востоке — Днепром, а на западе — Вислой. Мы мало знаем о том, как были расселены славяне до середины I тысячелетия нашей эры. Но с этого времени движения славян становятся одним из важнейших факторов исторического развития Европы и Азии. На юге они заселяют большую часть Балкан, появляются и в Греции, и в Малой Азии, на западе доходят до Эльбы, на востоке осваивают пространства восточно-европейских лесов, лесостепей и степей...

Совсем недавно — чуть больше полутора тысяч лет назад — начали свое движение по Европе готы. Длинным и извилистым был их путь — от Скандинавии до Испании! Но он ведь занял не годы — столетия. Одно из них почти целиком ушло на участок от Балтики до Причерноморья. В пути хоронили дети и внуки отцов

и дедов. Конечно, само понятие пути тут относительное. Даже если делать по двадцать километров в день, на дорогу от Балтики до Черного моря уйдет от силы месяца два. Но ведь народ не турист-одиночка, какие бы «рекорды» он ни бил. Народ должен в пути заботиться о пище.

Цыгане вышли из Индии где-то на рубеже I и II тысячелетий нашей эры, и им понадобилось добрых четырех-пять сотен лет, чтобы добраться до Англии.

Как есть рекордсмены путешествий, так есть и чемпионы-домоседы, которые поражают еще больше, чем первые.

Вот австралийцы: двадцать тысяч лет на одном месте! Впрочем, рекорд относителен: австралийцы-то оставались все эти годы в Австралии, никуда не уходили, но отдельные их племена делали рейды в тысячи километров. Австралия ведь все-таки целый материк, хотя и маленький.

Примерно две с половиной тысячи лет прошло с тех пор, как пришли в Японию люди ямато, основные предки современных ее жителей. Они смешались с жившими здесь древними айнами и некоторыми другими народами, но новых больших переселений с материка на Японские острова не происходило.

Впрочем, и в страны, куда не докатывались волны переселений народов, приходили обычно отдельные чужеземцы с других земель, торговцы, беглецы; разбитые враги оставляли пленных в руках мужественных защитников родины. Если их не отпускали и не убивали, пленные или их дети становились, в конце концов, частью народа.

Три части наследства каждого народа: внешний облик («кровь»), язык и культура — могут иметь во многом различающееся происхождение. И если языки имеют большую склонность к передвижениям и изменениям, если то же относится и к культурным ценностям, то сам по себе внешний облик людей в каждом

географическом районе на протяжении поколений более устойчив. Это объясняется тем, что на поиски иных земель уходит со старой родины только часть народа, обычно меньшая, и завоеватели, придя на новые земли, как правило, не истребляют всех завоеванных уже потому, что заинтересованы в их эксплуатации.

Вот наглядный пример.

Уж на что много народов прошло, например, через Малую Азию — мост между двумя частями света, да и от третьей неподалеку расположенный. Она лежала на древнем пути индоевропейцев, все равно откуда бы и куда бы они на самом деле ни шли: хоть из Азии в Европу, хоть из Европы в Азию. Здесь располагалась великая держава хеттов, соперница Древнего Египта, воевавшая с ним за власть над Сирией. Здесь переживала свой расцвет и падение Троя и еще, вероятно, десятки других городов-государств. И кельтов сюда заносило из Центральной Европы, и персов из Северного Ирана. И почти все три последние тысячи лет на западной и восточной окраинах Малой Азии жили греки и армяне.

Здесь прошел Александр Македонский. Две тысячи лет назад сюда пришли римляне и застали тут множество царств и народов. Царств сразу стало значительно меньше. Народов меньше не стало. Была Византия, с запада ей угрожали рыцари, с юга — арабы, с востока вторгались хазары, иранцы, тюрки. Потом было турецкое нашествие, и с церкви святой Софии в Константинополе, самого большого тогда христианского храма в мире, сбили крест. И в Малой Азии заговорили уже не по-гречески, не по-арамейски или по-персидски, а на турецком языке.

Но внешний облик населяющих Малую Азию людей поразительно мало изменился за десятки веков. В стране остались высеченные на камне тысячи лет назад лица древних ее поселенцев. И на эти изображения похожи современные турки, как дети похожи на портреты

отцов. Как будто никто и не врвался в долины и горы Малой Азии, как будто никогда не шли по ее дорогам македонские фаланги, не скакали по ним свирепые всадники с кривыми клинками...

Но все это было. Все это тоже факты истории, как и лица на скалах.

Если вас попросят назвать турка, чье имя вам знакомо, вы почти наверняка скажете: Назым Хикмет — поэт, коммунист.

Почему-то кажется, что турок непременно должен быть черноволос и темноглаз. А Хикмет долго жил в Советском Союзе, и знакомившиеся с ним здесь люди удивлялись. Турок, а светлоглазый и светловолосый. Вот в самой Турции этому никто не удивлялся. В Турции есть люди с такой внешностью. И не так уж парадоксальны строчки Бориса Слуцкого:

Я немало шатался по белому свету,
Но о турках сужу по Назыму Хикмету,
Я других не видал, ни единой души...
Высоки они, голубоглазы и русы...

Чей это след? Хеттов? Славян (они сюда тоже приходили)? Македонцев?

Вам кажется, что время великих переселений народов прошло, что мы хоть в этом отношении живем в «тихий» период истории? Нет, никогда еще Земля не знала такого масштаба человеческих перемещений. Эти перемещения кажутся не слишком заметными как раз в силу их обыденности, привычности.

Кишат людьми вокзалы и аэропорты. За каждым номером поезда в обыденнейшем железнодорожном расписании легко увидеть почти тысячу пассажиров, за каждым номером авиарейса — десятки, а то и сотни. Есть среди них, конечно, отпускники и командированные, но есть и переселенцы.

В ФРГ работает несколько миллионов иностранных рабочих — из Греции, Турции, Италии и других стран.

В Швейцарии иностранные рабочие составляют сейчас чуть ли не половину всех трудящихся. Конечно, эти люди в основном приезжают только на несколько лет, и сами ФРГ и Швейцария отнюдь не заинтересованы в том, чтобы приезжие прочно стали частью их населения, но какая-то доля их, разумеется, так или иначе, хотя бы в результате браков с гражданами ФРГ и Швейцарии, оседает навсегда.

В Бразилии живут, не говоря уже о переселенцах из почти всех европейских, многих африканских, а также стран Западной и Южной Азии, более миллиона японцев, приехавших сюда в основном в XX столетии. Аргентина, республика с населением почти исключительно европейского происхождения, приняла в нашем веке не один миллион переселенцев.

Новые государства Африки и Азии, как правило, многонациональны. В них развивается промышленность, растут города, это вызывает грандиозные перемещения населения, разрушающие племенные границы. Контакты между народами в таких странах принимают чрезвычайный размах.

В Соединенных Штатах Америки живет несколько миллионов мексиканцев. Часть мексиканцев оказалась на территории США после того, как те в результате захватнических войн аннексировали почти половину территории, входившей когда-то в состав их южной соседки. Но гораздо больше мексиканцев перебралось в США в нашем столетии, в то время, когда в Мексике шли гражданские войны, и потом, когда разоренная страна не могла обеспечить всех своих сыновей работой.

В Африке тоже случается, что десятки и сотни тысяч жителей одного государства уходят работать и жить в другое, менее плотно заселенное или обладающее более развитой промышленностью.

В Канаду только в 50-е годы нашего века прибыло больше миллиона людей, в основном европейцев.

Кроме абсолютного значения, у всех приведен-

ных цифр есть относительное. Великое переселение народов происходило в мире, в котором жило примерно двести миллионов людей. Сейчас нас в двадцать раз больше.

Но не надо забывать, что за восемь веков Великого переселения народов из Азии в Европу прошло, по разным оценкам, от одного до десяти миллионов человек и что в движение европейских народов с севера на юг и с востока на запад за все это время было вовлечено от силы пятьдесят-сто миллионов человек. Получается, что в среднем за год по всей Европе покидала родные места максимум сотня с небольшим тысяч людей. Это меньше числа людей, ежегодно переезжающих в Канаду.

Так или иначе, но каждый из современных народов в конечном счете смешанного происхождения, если заглянуть достаточно далеко. Человечество, как известно, существует не менее четырехсот веков, а ни об одном из современных народов нельзя утверждать, что он прожил хотя бы восьмую долю этого времени. У каждого народа, как у каждого отдельного человека, есть «родители», «отцы-основатели», только их очень много. И уже после того как народ возник, сформировался, он принимает в свой состав все новые и новые группы пришельцев.

Еще в конце XIX века передовой французский историк Фино, борясь против тогдашних расистов, гордо заявлял, что французы — результат смешения шестидесяти народов. В числе их он называл и кельтов: аквитанцев, белгов, галлов; и германцев: франков, аллеманнов, саксов, вандалов; и греков; и финикийцев, чьи колонии лежали на нынешнем Лазурном берегу; и гуннов, и аваров, и норманнов, и венгров, вторгавшихся на территорию Франции и селившихся здесь, и многие другие племена и народы, как знаменитые, так и безвестные ныне.

Знаменитый французский географ Э. Реклю отмечал: «Рожденные от бесконечного смешения рас, в десять раз большего, чем предполагают, имея белых, черных и желтых предков, французы совсем непохожи между собой».

Может быть, в то время в борьбе с расизмом иные прогрессивные ученые даже несколько преувеличивали, как Фино, роль множественности волн пришельцев в истории каждой страны. И можно эти преувеличения, не слишком большие, понять. Потому что задолго до первой мировой войны расисты «ученые» уже говорили о вещах, которые стали практикой при Гитлере. Некий Реймер требует обречь на бесплодие всех негерманцев — в конечном счете во всем мире. (Правда, он «заботлив» и предлагает из жалости обеспечить этим лишенным наследников плебейм приличную жизнь до той поры, пока они сами не вымрут.)

Расистская пропаганда — одна из форм борьбы эксплуататоров против трудящихся, один из способов, к которым прибегают, чтобы разбить их классовое единство, поднять друг против друга.

И предшественникам Гитлера, и его сподвижникам, и тем, кто поставил Гитлера во главе Германии, лозунг о сверхчистой расе сверхлюдей, арийцев, понадобился для противопоставления лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

«Теоретическая» сторона фашизма была целиком подчинена политике его заправил.

Фашисты замышляли уничтожение всех евреев, поляков, большей части русских, намеревались темноволосяных чехов истребить, а белокурых онемечить. Между тем венгров, румын, итальянцев, японцев фашистские лжеученые готовы были причислить к арийцам — хотя с антропологической точки зрения те же венгры или итальянцы, не говоря уже о японцах, по внешности куда дальше от «среднего немца», чем «средний» поляк или «средний» русский. Причина? Правители стран, где

жили новоявленные «арийцы», пошли за фашистской Германией.

Впрочем, чему тут удивляться? Владимир Ильич Ленин справедливо указывал: «При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям».

Немецкие фашисты выступали прежде всего как враги собственного народа. Не будем даже говорить о несчастьях, которыми затеянная война обернулась для Германии. Вспомним, что первый опыт массового уничтожения людей был произведен в Германии над немцами, тяжело больными немцами. И именно с немцами собирались «фюреры» всех рангов обращаться, как с породистым скотом, создавая фермы, на которых «чистокровные» немки должны были рожать детей от «чистокровных» арийцев.

Расовая и национальная рознь выгодна тем, кто угнетает людей, независимо от национальности угнетателей и угнетенных. Любые потуги разделить народы на более «чистые» и менее «чистые», «извечно талантливые» и «бездарные», «коварные» и «прямодушные», на рожденные «для власти» и «для рабства» — любые такие потуги служат в конечном счете интересам эксплуататорских классов. А все попытки найти для такого деления научную основу в виде каких-то фактов терпят полный провал.

Антропологи, например, четко видят в представителях немецкого народа массу признаков, свидетельствующих о древних смешениях и со славянами, и с мадьярами, и с кельтами, и т. п. Разумеется, все это, естественно, и может «порочить» немецкий народ только с расистской точки зрения.

Национализм, по определению Большой Советской Энциклопедии, — «буржуазная и мелкобуржуазная идеология и политика, а также психология в национальном вопросе». «Теоретики» национализма в своих построениях пытаются подменить подлинную движущую

силу истории — классовую борьбу — борьбой наций или даже «борьбой национализмов».

Внешне национализмы разных видов выглядят чрезвычайно разными. Еще бы! Германские националисты объявляют все важнейшие положительные с их точки зрения события прошлого делом рук их «арийских предков» и причисляли к древним германцам всех нравившихся им деятелей далекого прошлого. Агамемнону и Менелая, двум братьям, вождям греков в Троянской войне, приписывалось германское происхождение на том основании, что Менелай был рыжим.

Великая китайская культура, кажется, не нуждается в приукрашиваниях. Но смешно было бы приписывать ей все открытия и весь конгресс мира.

Сегодняшние националисты активно используют оставшиеся от далекого прошлого религиозные легенды, которые провозглашают тот или иной народ избранником богов. Японские реваншистские организации часто «вспоминают» об особой любви к японцам великой богини Аматерасу, чем и обосновывают «право» Японии властвовать в Азии. Еврейские буржуазные националисты пытаются возродить ветхую библейскую легенду об «избранном народе божьем».

История показывает, что сионизм — еврейский буржуазный национализм, — с его претензией на исключительность евреев является одной из многих разновидностей буржуазного национализма — орудия, с помощью которого эксплуататорские классы того или иного народа пытаются продлить свою власть. В принятой в ноябре 1975 года резолюции Генеральной Ассамблеи ООН сионизм квалифицируется как форма расизма и расовой дискриминации.

Англосаксонский национализм — тот издавна старается подчеркивать свою «гуманность», англосаксы якобы рождены руководить остальными народами мягко и терпимо, для их же блага. Певцом этого национа-

лизма был Р. Киплинг... Южноафриканские расисты не входят в «тонкости», провозглашая мнимое превосходство «белой расы», то есть европейцев, над людьми другого цвета кожи. Но на деле отнюдь не борьба наций и национализмов составляет содержание истории.

Границы главных враждующих лагерей в современном мире проходят не по национальным границам.

Вот как писал об этом Владимир Ильич Ленин в 1913 году:

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм — вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того, два мирозозерцания) в национальном вопросе».

И дальше:

«Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах...»

Интернационализм — закон для коммунистов. В докладе Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» говорилось:

«Советским людям чужда и отвратительна кичливая мысль о превосходстве одних народов над другими — и тем более бредовые идеи национальной или расовой исключительности. Советские люди — интернационалисты. Так воспитала их партия, так воспитала их вся наша действительность».

СТРАНСТВУЮЩИЕ ФАМИЛИИ ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ ИМЕНА

Когда-то в интересах аристократов была разработана особая отрасль — генеалогия. Она занимается сбором сведений по истории знатных семей и родов. Позво-

лю себе небольшой экскурс в историю самой генеалогии. Ее зачатки появляются в самом что ни на есть первобытном обществе.

На десятки поколений назад могут перечислить полинезийцы предков своих вождей. Да и самые рядовые члены племени тоже помнят, как звали их прапрапра — и еще пятнадцать или двадцать, а то и тридцать раз прадедушку.

В маленьком индийском племени тогда каждый ребенок точно знает имена ближайших семи предков. Как рассказывает советская исследовательница Л. В. Шапошникова, тогда удивлялись тому, что она не может заглянуть в свое прошлое так далеко, и очень жалели ее, «безродную» бедняжку.

В классовом обществе происхождение постепенно становится предметом забот главным образом высшего класса. Легко понять, почему Юлий Цезарь точно знал, что происходит от богини Венеры и ее сына Энея. Такое высокое происхождение давало особые права.

Происходить от богов вообще было модно в самых разных странах. Норманнские конунги возводили свой род к асам — древним богам Скандинавии и даже после принятия христианства не желали отречься от ставшего неприличным родства. Впрочем, заявляли же в православной России бояре Римские-Корсаковы, отстаивая свою знатность, что происходят от богов римских, Геркулеса и Юпитера. (Как не вспомнить помещика из чеховских миниатюр, повесившего у себя фамильные портреты с надписями: Адам Рубец-Откачалов, Ева Рубец-Откачалова.)

Среди знатнейших французских аристократов числилась в средние века семья, утверждавшая, что происходит от Марии-богоматери. Династия Багратидов, правившая ряд веков в Грузии и Армении, тоже полагала себя родственной матери Иисуса Христа и, следовательно, ему самому.

Таких более или менее курьезных примеров можно

привести много. С другой стороны, многие знатные роды, впав в королевскую немилость или просто обеднев, начинали забывать о своем происхождении. Бедный крестьянин Дарбейфилд в одном из романов Томаса Гарди на самом деле законный наследник грозного рода д'Эрбервиллей, и священник, занимающийся историческими изысканиями, говорит ему:

«Приподнимите-ка голову, чтобы я мог лучше разглядеть ваш профиль. Да, это нос и подбородок д'Эрбервилля, слегка огрубевшие. Предок ваш был одним из тех двенадцати рыцарей, которые помогали лорду Эстремавиллю из Нормандии при завоевании Глеморганшира. Ветви вашего рода владели поместьями в этой части Англии... При короле Иоанне один из них был настолько богат, что мог подарить поместье рыцарям-госпитальерам, а при Эдуарде Втором ваш предок Брайан был вызван в Вестминстер для участия в Великом совете». И так далее, и так далее.

Джонатан Свифт, правда, категорически отрицал, по существу, генетическую ценность этого эксперимента истории, ссылаясь на то, что генеалогию у людей и лошадей точно установить невозможно.

Алексей Николаевич Толстой в пьесе-памфлете «Фюрер» вложил в уста одного из героев великолепную сатирическую фразу:

«Королевский дом принца Рупрехта известен тем, что вот уже семь столетий мужчины этой фамилии неспособны к исполнению супружеских обязанностей. Их род поддерживается исключительно через героическое самоотвержение жен этих принцев. Их арийская кровь, увы, неполноценна. Там есть все, что угодно, — румыны, французы, болгарские славяне, турки, левантийские греки и даже...»

Священник Томаса Гарди, рассуждавший о внешнем сходстве крестьянина Дарбейфилда с д'Эрбервиллями, имел для этого основания. Во множестве книг упоми-

наются передававшиеся по наследству выпяченная нижняя губа Габсбургов — австрийских герцогов, германских императоров и испанских королей, крупный нос французских Бурбонов, сросшиеся фаланги пальцев на руке у нескольких поколений знатной английской семьи Тальботов.

А одна из первых серьезных работ о том, от каких обстоятельств зависит пол ребенка, трактовала проблему влияния на него относительного возраста супругов и опиралась на материалы британской «Книги пэров» — справочника по аристократическим родословным.

История древних родов позволяет установить примерно и истинное число предков каждого человека. Теоретически в четырнадцатом, например, поколении каждый из нас должен иметь $10^{14} = 16\,384$ предка. И в сороковом — значительно больше триллиона. Немало. А на самом деле? Практически многие из наших прапрапрадедушек окажутся нашими предками сразу по нескольким линиям. Снова и снова роднились между собой — в пределах, разрешаемых соответствующей церковью, — у простолюдинов — соседи, у знати — семьи, чувствовавшие себя равными по положению.

Соответствующий подсчет проделали, в частности, для австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда (это его убил в 1914 году сербский гимназист с поразительной фамилией Принцип. Убийство послужило поводом для начала первой мировой войны).

Так вот, у Франца-Фердинанда Габсбурга «совместительство» предков началось уже в четвертом поколении. Там оказалось двенадцать предков вместо шестнадцати. В четырнадцатом поколении их было почти в одиннадцать раз меньше, чем «следовало». У германского кайзера Вильгельма II в десятом поколении предков было 256 вместо 1024. В среднем же, судя по родословным, в десятом поколении дворянин имел 261 предка.

Благодаря родословным удалось узнать и среднюю

продолжительность жизни людей во многих странах и многое другое.

Материалы генеалогии, история самих аристократических фамилий служат свидетельством давних контактов.

Достаточно известна печальная история Романовых, от поколения к поколению терявших после Петра I свою русскую кровь, витесняемую немецкой. Но в любой европейской монархической стране в свое время король был по крови чужеземцем. Его предки были слишком горды, чтобы жениться на собственных подданных, они заключали династические браки с принцессами соседних земель. Людовик XIV, кажущийся типичным французом, был внуком итальянки и сыном испанки. Впрочем, итальянки ли и испанки ли? Его мать, героиня «Трех мушкетеров», была испанской принцессой, но прозывалась Анной Австрийской, так как происходила из семьи Габсбургов, австрийцев по происхождению — разумеется, австрийцев все с теми же поправками.

В Англии в XI веке сел на престол нормандский герцог, в XII веке новую династию там основал французский граф Плантагенет, в XVII веке на престоле Британии оказался шотландец Стюарт, а сейчас тот же трон занимает династия немецких князей, бывших правителей Ганновера.

В итальянской Сицилии в средние века сидели королями то норманны, то французы, то испанцы, то венгры, то немцы.

С династиями рангом пониже, не королевскими, а княжескими, герцогскими и прочими та же история.

Русская дворянская фамилия Хомутовых — потомки шотландских герцогов Гамильтонов. В Козодавлевых был превращен русским народом датский баронский род Кос фон Даленов. А вот какую историю приводит Юрий Тынянов в материалах к роману «Ганнибалы», который он собирался написать. Некий знатный татарин по имени Баран еще со времен Ивана IV пошел на

службу к московским князьям и стал здесь Барановым. Потом он перебрался в Прибалтику, стал одним из тамошних баронов под звучным именем фон Баранбург. Уже в XVIII веке его потомки снова оказались в России и вернулись к фамилии Барановых.

Гербовники всех стран переполнены сообщениями о «въехавших» из такой-то земли предках дворянских родов. Разумеется, часто эти родоначальники просто выдуманы, аристократы были заинтересованы в «иноземности» своих предков, это позволяло, в частности, удлинить возраст рода. Но немало и случаев, когда эти сведения вполне реальны.

Имена, которые мы носим, тоже часто подтверждают прошлые и нынешние связи народов между собой.

Имя Елена напоминает о Древней Греции, Лидией девочку называют, даже не подозревая об этом, по названию древнего царства в Малой Азии, имена Виктор и Николай одинаково значат «победитель», только первое — по-латыни, второе — на древнегреческом языке и так далее. Славянские, в том числе русские, имена тоже отправились в дальние пути. Одним из первых — замечательное имя Владимир. Вы найдете Вальдемаров в числе датских королей и французских герцогов. Это связано с важной политической ролью домонгольской Руси, ее родственными связями с Западной Европой и, конечно, со всеевропейской славой двух великих Владимиров русского прошлого: Владимира Красное Солнышко и Владимира Мономаха. Датский король Вальдемар I даже в титуловании своем подчеркивал, что он правнук Мономаха. Новый толчок распространению этого имени за рубежом, в том числе теперь и в Азии и в Африке, дало то обстоятельство, что его носил Ленин.

Великая русская литература XIX века сделала чрезвычайно популярными на Западе имена Наташа и Соня. Их часто дают именно в такой, чисто русской, сокращенной форме.

Появлялись сообщения и о норвежской девочке по имени Ваня — так называли ее люди, чтившие память отдавших жизни за освобождение соседней страны. Не смешным, а трогательным кажется такое женское имя.

ВЕТВИ ОДНОГО ДЕРЕВА

Что остается нам от предков? На поверхности земли — города, и каналы, и сады, и поля. Остаются от предков книги и купчие, договоры и письма — на бумаге, папирусе, глине, камне. Одни в библиотеках, другие в земле. Остаются вещи в той же земле, вещи — поздняя добыча археологов. И еще остается нам от тех, кто жил до нас, живая речь, слова, перебрасывающиеся из эпохи в эпоху, пронизывающие время и с помощью и без помощи письменности переходящие от народа к народу...

Грамматические правила — эти докучные правила, которые так надоедают нам в школе, умеют бороться со временем лучше, чем каменные дворцы и статуи. Пушкин и Шекспир, Гораций и неведомый поэт Древнего Египта не зря говорили, что их стихи прочнее камня. Они ведь были подмастерьями у народа-языкотворца, а народы умеют оберегать свою речь.

В «Войне с саламандрами» Карела Чапека есть такой эпизод.

Разумное морское земноводное, саламандра, прочитавшая учебник грамматики чешского языка, разговаривает с чехами-туристами.

«До чего грустно, что столько известнейших памятников погибло во время Тридцатилетней войны... Счастье еще, что не погиб тогда родительный падеж при отрицаниях. В этой книжке говорится, что он отмирает. Я был бы этим очень огорчен».

Да, действительно, вот уж, подумаешь, историческое событие... Но если вспомнить, что в языке одна из самых прочных частей — грамматика, то ирония Чапека

может показаться обращенной и в адрес читателя, который просто посмеется над этой сценой.

Смешно? Конечно, смешно, что разумная амфибия, жительница моря, интересуется историей языка, на котором говорит народ, живущий далеко от моря.

Но история падежей и звуков в не меньшей степени захватывает порой, чем приключения живых героев. Вспомните, кстати, бурный взрыв протеста, которым встретили лет двенадцать-пятнадцать назад проект реформы русского правописания.

С другой стороны, противники Октябрьской революции когда-то сделали отмененные в 1918 году «ять» и твердый знак на конце слова чуть ли не знаменем своего сопротивления большевикам. А ведь правописание, в конце концов, только отражает часть характерных черт языка...

Язык — наше великое богатство, а с точки зрения историка — это ключ к прошлому. «Бродом через реку времени» назвал язык недавно умерший советский лингвист В. Иллич-Свитыч, о работах которого речь впереди. А Якоб Гримм, немецкий историк и фольклорист, один из знаменитых братьев Гримм, собирателей народных сказок, сформулировал еще сильнее: «Наш язык — это также наша история». А кроме того, у каждого языка, естественно, есть своя собственная история. И она часто включает в себя главы, посвященные движению языка не только во времени, но и в пространстве.

О путешествиях языков, собственно говоря, знает каждый, даже если и не отдает в этом сам себе отчета. Кому не известно, что в Северной Америке говорят по-английски, а в Сибири по-русски? А ведь каких-нибудь четыреста лет назад в Америке еще не успел поселиться ни один англичанин, а русские только приглядывались к Зауралью.

Русский язык пришел в Сибирь с Ермаком и продолжателями его дела, русскими землепроходцами.

Английский принесли в Америку переселенцы из Британии, начиная с появившихся здесь в 1607 году помещиков с челядью, а главное — с сектантов-пуритан, высаженных в 1620 году на берег с корабля «Мэйфлауэр» — «Майский цветок».

Но и русский и английский языки принадлежат вообще к чрезвычайно подвижному и склонному к странствиям языковому семейству — индоевропейскому. XX век застал эти языки почти на всей территории Европы, в значительной части Азии, почти во всей Америке, всей Австралии, даже кое-где в Африке.

И это в огромной степени дело последних пяти веков, когда в силу определенных исторических условий европейцы стали проникать в другие части света.

Но за двадцать веков до нашего времени индоевропейские языки уже занимали саму Европу (почти всю), значительную часть юга, центра и запада Азии. Ведь такие азиатские народы, как персы, армяне и большая часть индийцев, — по языку индоевропейцы.

Знавала индоевропейская семья не только территориальные приобретения, но и потери. Как, вероятно, всякая семья, а не только языковая. Двадцать веков назад люди, говорившие на языках этой семьи, занимали и многие из земель, где сейчас живут тюркские народы, — солидную долю Средней и Центральной Азии, теперешнюю Турцию...

В прошлом у каждой семьи можно найти некоего родоначальника, основателя. У языковой как будто тоже. «Как будто» потому, что, по мнению многих ученых, любая такая семья происходит от группы близких, но все-таки различных племенных говоров, и родоначальник, выходит, должен быть обязательно коллективным. Но, поскольку говоры-родоначальники все равно должны быть достаточно близки друг к другу, попробуем сейчас обойтись без теоретических тонкостей.

Итак, семью языков можно обычно привести к ее

историческому корню, к языку-основе. Индоевропейскую тоже.

У лингвистов, исследующих эту проблему, получилось, что единый индоевропейский язык скорее всего существовал еще каких-нибудь четыре с половиной — семь тысяч лет назад. А если он существовал, то говорившие на нем люди не могли занимать слишком уж большую территорию — иначе язык бы раздробился раньше, дело-то ведь происходило в каменном веке, связь между отдельными племенами была слабовата, а с удалением их друг от друга обычно быстро прерывалась. Историки, лингвисты и географы научились примерно высчитывать, на какую максимальную территорию мог в ту или иную эпоху распространиться без особых изменений один язык — это, конечно, очень зависит от самих географических условий жизни народа и от его хозяйственного уровня.

Небольшим этот кусок земли был, впрочем, только если сравнить его с территориями, которые семейство индоевропейцев заняло позже, «размножившись».

...Примерно пять-семь тысяч лет назад начали индоевропейцы покидать свою прародину ради новых земель. То есть, конечно, уходила каждый раз только часть племен — остальные оставались, чтобы затем снова отправиться в путешествие еще, еще и еще волну. Этот прибой доплеснул до Темзы и Ганга, до Скандинавии и Крита.

Но где лежала прародина, откуда именно индоевропейцы взяли старт? Индоевропейцы составляют сейчас около половины населения планеты (кстати, в нашей стране примерно шесть седьмых населения говорит на языках этой семьи), и всем интересно знать, где же жили люди, передавшие стольким народам свою речь.

Прародина индоевропейцев проявляет, если судить по трудам историков и лингвистов, не меньшую подвижность, чем сами индоевропейцы. Множество областей может претендовать на право быть этой прародиной. Прибалтика — и нынешние Таджикистан и Афганистан,

Северное Причерноморье — и Иран, Центральная Европа — и запад Средней Азии, Северная Индия — и Балканы, Малая Азия и... так далее. И почти за каждым предположением стоят серьезные и солидные аргументы.

Сейчас особенно много историков высказывается за южные степи Восточной Европы. Однако и у других вариантов немало сторонников. А археологи, ведя раскопки в Средней Азии, находят там все более и более древние цивилизации, некоторые из которых так и просятся, чтобы их связали с индоевропейцами. Если не в качестве прародины, то хотя бы как привалы в пути.

Важны для решения этой проблемы археологические раскопки, но еще важнее «раскопки» в самих языках. Так вот, индоевропейские языки часть своих слов, пусть в измененном виде, принесли в XX век из той бездны времен, где единый праиндоевропейский язык (или группа близких друг к другу праиндоевропейских диалектов) был их общим предком.

Какие это слова, установить можно. А затем надо посмотреть, какие предметы данными словами обозначаются и где именно с «такowymi предметами» мог иметь дело праиндоевропеец.

Лингвистические «раскопки» дали прекрасные результаты. Правда, нередко эти результаты противоречат друг другу.

Слова «береза» и «лев» вошли в число серьезных аргументов для тех дискуссий, которые идут сейчас вокруг индоевропейской проблемы. Названия белоствольного дерева и царя зверей похожи во многих языках нашей семьи, эти названия существовали, значит, и в едином языке на единой земле тогдашних индоевропейцев. Где же эта земля была?

Береза — за индоевропейскую прародину, лежащую в Европе. Древность ее имени свидетельствует: на прародине росли березы! И, по мнению некоторых ученых, не просто росли, но были так же характерны и типич-

ны для ландшафта, как сегодня они характерны и типичны для большей части Восточной Европы.

Словом, береза — за Европу! Восточную или Центральную, где берез тоже немало, за долину Дуная или за лесостепь, но равно за Европу.

Но со словом «береза» как бы спорит слово «лев».

А в Европе ведь львов нет. Правда, древнегреческие мифы говорят о львах в Греции, не исключено, что львы водились и в Северном Причерноморье.

Однако Греция ведь не входит в число претендентов на звание прародины; львы же русских летописей скорее всего барсы, правда, при раскопках в Северном Причерноморье находят порой львиные кости. Изображение льва в древности было типично для Ирана. Но в Иране нет берез...

Разумеется, и береза не единственный «защитник Европы», и лев только один из «сторонников Ирана». Их тьма, слов-бойцов, слов-спорщиков. В союзе со львом выступает до некоторой степени... овца.

Латинское «овис», литовское «авис», испанское «ове-ха» — все это названия домашней овцы. Значит, на прародине ее знали и использовали в хозяйстве. Общих для многих индоевропейцев названий скота немало. Значит, пранарод активно занимался скотоводством. По мнению Ф. П. Филина, директора Института русского языка АН СССР, это ясно говорит против лесистой Центральной Европы, где скотоводство в ту эпоху развить было бы трудно.

А может быть, решение загадок в том, что праиндоевропейцы были довольно подвижны и еще до своего разделения не раз передвигались по Европе, появляясь, наверное, и в ближних азиатских районах. Если учесть, что праиндоевропейские племена до своего распада на отдельные народы прожили вместе, единым массивом, несколько тысяч лет, то такие передвижения становятся более чем вероятными. Мы же знаем, например, как

путешествовали, скажем, англы из Ютландии (нынешней Южной Дании) в Британию. Можно вспомнить и то, что предки этрусков, возможно, пришли в Италию из Малой Азии. Словом, примеров переселений народов в истории достаточно. Но даже на этом фоне картина распространения индоевропейских языков поражает. Из одного, пусть большого района — и на добрую половину планеты.

Расистам, особенно теоретикам немецкого фашизма, это обстоятельство послужило поводом для утверждений, что тут налицо победа высшей расы над низшими.

Но наука история знает другой ответ на этот вопрос. Вспомним, как индоевропейские языки утвердились в Америке. Их принесли туда завоеватели, использовавшие свои военные преимущества.

А за чисто военными успехами стояли преимущества более высокой стадии общественного развития — представители феодальных и капиталистических государств громили рабовладельческие государства и охотничьи племена.

Классики марксизма говорили о неравномерности экономического развития в разных частях мира как об одной из закономерностей исторического процесса. Если одна страна в данный момент вырвалась вперед, а другая отстает, то это не имеет никакого отношения к цвету кожи, волос и глаз живущих в этих странах народов. В древности, например, Египет далеко опережал в своем развитии Западную Европу, а в позднее средневековье положение изменилось, хотя тип населения и там и здесь остался прежним. Дело в конкретных исторических обстоятельствах.

Итак, в конечном счете хозяйственно-экономические преимущества позволили испанцам победить ацтеков и инков в Америке.

И когда заходит речь о первом великом распространении индоевропейских языков — от Англии до границ

Китай, то этому тоже надо искать в основном хозяйственно-экономические причины. Носители индоевропейских языков прошли многие тысячи километров. Наверное, были по пути битвы и победы, но случалось и мирное расселение среди людей другого языка. Во всяком случае, я уже говорил о прямой неизбежности этого факта, индоевропейцы всюду, куда приходили, смешивались с местным населением. Нередко его черты подавляли в потомстве внешние детали облика пришельцев. Мы же видим в Индии коричневокожих, а во многих местах Кавказа кудрявых, резко горбоносых индоевропейцев.

Зато язык побеждал! Но вслед за чем? Вслед за военной победой праиндоевропейцев? Вслед за победой их культуры, воспринятой аборигенами? Очень сложный вопрос. Язык победителей, мы знаем, побеждает не всегда.

Объяснений, конечно, предложено несколько; одно из них отводит главную роль в успехе праиндоевропейцев тому же животному, которое принесло испанцам победу в Мексике. Лошадь была «коньком» выходцев из Восточной Европы (или Центральной Европы, или Малой Азии...). Лошадь давала огромное военное преимущество, но не только. Лошадь давала возможность (далеко не сразу реализованную) по-настоящему освоить степи, малопригодные для земледелия, — до сих пор ведь лошадь служит и молочным и мясным животным. Лошадь годилась и для пахоты...

Несколькими волнами распространялись по Европе и Азии племена, передавшие свои языки стольким потомкам. Сначала ушли на юг, на Балканы и в Малую Азию, прагреки, праармяне и прахетты. (О хеттской державе, боровшейся с Египтом за власть в Восточном Средиземноморье, историки знали давно, но только в последнее столетие выяснилось при расшифровке тамошней письменности, что хетты были индоевропейцами.)

Оставшиеся еще на родине праиндоевропейцы разделились на группы племен, в том числе и индоиранскую. Да, начало развитию языков Индии и Ирана было положено еще тогда, когда предки индийцев и иранцев жили далеко на запад от этих стран. А другая группа племен объединяла, между прочим, будущих славян и германцев, балтов, кельтов и италиков...

В первой половине II тысячелетия до нашей эры праиндийцы выходят наконец из Европы (Малой Азии, Ирана?..), старой своей родины. Они пошли в основном через Волгу, Урал, Среднюю Азию (видимо, проникая и в Малую Азию, Месопотамию, Южный Иран) в Индию, оставляя позади себя вещи в земле и слова в чужих языках.

Праиранцы тоже начинают путь на восток. При этом они распадаются на две группы. Одна из них — скифокиммерийцы — занимает юг Восточной Европы и идет в Среднюю Азию, через нее проникает далеко на восток, до Алтая включительно.

Другая — предки персов — проходит через Кавказ на Иранское плато и заселяет его, опять-таки смешиваясь с аборигенами. Вот такая получается картина. В Европе прагерманцы занимают север, пракельты осваивают запад, а потом и центр, часть кельтов даже «выбрасывает» в Малую Азию, где у них появляется царство Галатия.

Прабалты, предки латышей и литовцев, живут на северо-востоке Европы, праиталикам, занявшим Апеннинский полуостров, предстоит еще произвести на свет римлян, и где-то между Балтикой, Дунаем, Днепром и Карпатами живут племена, говорящие на праславянском языке...

Я лишь коснулся здесь одной из крупнейших современных дискуссий по проблемам истории и языкознания. Но эта дискуссия, идущая вокруг конкретных языковых маршрутов, никак не затрагивает и не отрицает реальности путешествия этого самого беспокойного из языковых семейств.

Впрочем, языки других семейств тоже склонны путешествовать как вместе с народами, так и от одного народа к другому.

Еще задолго до нашей эры, как я уже говорил, на Алтае поселились индоевропейцы. Сейчас там на индоевропейских языках говорят только русские, украинские да белорусские поселенцы, прибывшие исторически в самое последнее время. Индоевропейцы давным-давно растворились среди народов, пришедших на Алтай позже их, приняли их язык или языки. Наоборот, алтайская семья языков, включающая в себя и тюркские языки, предприняла за минувшие тысячелетия мощное наступление на запад. Тюркские языки возникли на Алтае в I тысячелетии до нашей эры, а сегодня на них говорят и на западе — во всех республиках Средней Азии, кроме одного Таджикистана, в Азербайджане, в Турции.

Тюркские языки в Средней Азии стали языком большинства населения; обойдя с севера таджиков, они через Северный Иран проникли в Азербайджан, оттуда прорвались в Малую Азию и после многовековой борьбы тюрков с Византией одолели здесь греческий язык.

Движение языков, их распространение на все новые и новые земли так часто встречается в истории, что его можно считать не столько исключением, сколько правилом. И дело не в одних военных походах и мирных переселениях народов; язык нередко распространяется благодаря необходимости общения с более развитыми в хозяйственном отношении соседями. Так эвенки, по видимому, приняли у соседей вместе с оленеводством наречие, которое легло в основу их нынешнего языка.

Семья афразийских языков начинала свое распространение тоже из небольшого района, ныне же занимает многие районы Северной, Западной и Восточной Африки и часть Западной Азии (арабский язык, эфиопский, иврит в Израиле, берберские языки, язык сомали, язык галла в Кении и др.). А когда-то на языках этой

семьи говорили древние египтяне, вавилоняне, финикийцы и древние ассирийцы...

Если прародина тюрков и их ближайших родственников как будто установлена настолько точно, что саму семью назвали по ней алтайской, то с афразийцами те же сложности, что с индоевропейцами. У их прародины тоже несколько адресов. И дело, увы, немногим облегчается тем, что к этой семье принадлежал язык, на котором возникла одна из самых первых письменностей, — древнеегипетская. Семья образовалась раньше, чем самые развитые ее члены научились писать.

Очень популярный адрес афразийской прародины — Южная Месопотамия, неподалеку от стыка Азии и Африки. Другой адрес — пустыня Сахара. Было же время, когда большей части этой пустыни не было и в помине. Наступление пустыни заставило, возможно, древних афразийцев разойтись в разные стороны: на юг, на запад, на восток.

А в последнее время все весомее доказательства того, что многие языки Европы, Африки и Азии — родня друг другу.

Собственно говоря, ученые-лингвисты очень давно замечали слова, сходные с древними индоевропейскими, в угро-финских языках, сходные с афразийскими — в индоевропейских, сходные с кавказскими — в афразийских языках, сходные с афразийскими — в дравидийских языках Индии. И так далее. Можете сочетать названия семейств как хотите, и все окажется правильно, связь между этими пятью семействами давно бросилась в глаза, затем к ним подключили еще алтайскую семью и объединили все эти родственные группы под общим именем ностратических языков. Имя предложил для надсемьи датский лингвист Х. Педерсен. «Ностратических» значит по-латыни «наших». Не мудрено, что надсемья получила такое «собственническое» имя — в развитии этой теории родства главную роль сыграли европейские, в том числе финские, лингвисты.

А большой свод доказательств родства представил на суд лингвистов советский ученый Владислав Маркович Иллич-Свитыч. Иллич-Свитыч умер в тридцать два года — умер, уже успев стать большим ученым.

За задачу величайшей трудности взялся он, решив сопоставить между собой языки, давно потерявшие внешние связи друг с другом. Он извлек из небытия язык, по крайней мере, десяти тысячелетней давности. Его труд, изданный в 1971 году, называется «Опыт сравнения ностратических языков».

Молодой ученый сравнивал языки всех шести семейств, разделенные многими тысячелетиями самостоятельного развития. Их родство было настолько дальним, что внешнее сходство казалось начисто утерянным. Деревья выглядели слишком различными, чтобы у них могла быть общая «корневая система». Но она была, и Иллич-Свитыч разглядел ее, очистил от наслоений и положил перед лингвистами мира словарь праностратического языка.

Язык как язык, с сорока двумя согласными и семью гласными. Грамматические формы здесь, судя по выводам продолживших работу Иллич-Свитыча ученых, передавались не окончаниями слов, а порядком слов в предложении и специальными служебными словами.

Словарь праностратического языка оказался поистине кладом не только для лингвистов, но и для историков. Ведь если в этом языке были слова, обозначающие те или иные явления, значит, люди, говорившие на этом языке, сталкивались с ними. И наоборот.

Словарь включил в себя термины, касающиеся взаимоотношений родов, которые берут жен друг у друга, причем внутри родов браки запрещены. Такой союз родов или групп в родах хорошо изучен этнографами на примере американских индейцев, аборигенов Австралии, некоторых малых народов нашей страны. В свое время характерные черты аналогичных союзов глубоко

проанализировал Фридрих Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

А вот терминов, обозначающих раба и рабовладельца или как-нибудь иначе отражающих классовое расщепление, в праностратическом языке не оказалось. Это лишний раз подтверждает известное положение марксизма о том, что классовое общество не извечно, что оно возникло на определенном этапе истории. Этот этап в пору существования праностратического языка еще не был достигнут — и не мудрено, потому что в материалах словаря отсутствуют и термины, касающиеся земледелия или скотоводства, эти слова появились позже, вместе с самими земледелием и скотоводством, в языках — потомках праностратического, а не в нем самом.

А вот строительные термины в праностратическом языке были — сооружать себе жилища начали еще охотники и собиратели. Были и слова, которые в дальнейшем стали гончарными терминами.

Этот язык никак не моложе десяти тысяч лет. И никак не старше... двадцати-тридцати? Неизвестно. Ясно только одно. Если теория Иллич-Свитыча верна, то «праностратики» жили когда-то на небольшой территории, откуда разнесли свой язык по трем частям света.

Итак, перед нами снова великие путешествия языков-ветвей по мере их отделения от общего ствола.

Да, большею частью язык путешествует вместе с народом, как его верный спутник. Но на новом месте язык можно и «потерять», а точнее, «променять» на другой. Язык можно было передать завоеванным племенам, но иногда он передавался и просто соседям, подвергавшимся культурно-хозяйственному влиянию пришельцев (вспомните пример с эвенками!).

Иллюстрирует это замечание и судьба так называемых международных языков.

Тот факт, что в Римской империи латынь приняла на себя и функцию языка-посредника, сохранив ее затем в средневековье, понятен и объясним. Вот что писал об этом Фридрих Энгельс:

«По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все стали римлянами».

Язык завоевателей поневоле приняли как общий язык жители севера, юга и запада Средиземноморья, на его основе развивались затем языки Южной Европы, на нем же писали богослужебные книги католики. Другого претендента на звание языка-посредника в это время и в этой части мира просто не было.

Но вот в Месопотамии и на большей части Ближнего и Среднего Востока международным языком на какую-то часть I тысячелетия до нашей эры и I тысячелетия нашей эры стал арамейский. А арамеи отнюдь не были ни самым многочисленным, ни самым победоносным народом Передней Азии. Они не смогли даже создать на сколько-нибудь продолжительное время собственного сильного государства. И тем не менее их язык стал языком дипломатов и купцов.

Перед арамейским языком отступили и некоторые коренные языки стран между Средиземным морем и Персидским заливом. А все дело в том, что много арамеев занималось торговлей, в понимании их языка оказались заинтересованы покупатели и продавцы, с этим языком оказался в значительной степени связан обмен культурными ценностями.

Важно и то, что в великой державе древних персов VI—IV веков до нашей эры именно арамейский, а не персидский, как, казалось бы, следовало ожидать, язык

стал официальным государственным языком, на нем писали и налоговые квитанции (говоря современными терминами), и судебные постановления, все канцелярское делопроизводство от Западной Индии до Малой Азии велось на том же арамейском языке. Видимо, хозяева Персидской империи слишком быстро ее создали, их язык еще не был готов принять на себя связанные с новым положением народа обязанности и права. А может быть, персы меньше ценили свою родную речь, чем римляне латынь. Но, для того чтобы арамейский язык оказался годен для роли официального языка империи, его уже должны были знать многие люди во многих частях державы.

ВСТРЕЧА И БОРЬБА

Когда встречаются народы, говорящие на разных языках, языки тоже контактируют между собой. И вот тут законы встречи изучены лингвистикой довольно хорошо. Настолько хорошо, что в книгах по языковедению в соответствующих разделах появляются почти математически короткие и точные формулы.

Например, соприкосновение языков неизбежно влечет за собой взаимопроникновение. Или вот другое: язык легче уничтожить, чем сверх определенной степени изменить.

Случалось, что ту или иную страну завоевывали враги и утверждались в ней.

Исход войны между двумя народами уже решен, победа занесена в хроники, страна меняет порою даже название, послушно или в борьбе принимая имя своих покорителей. Но язык-домосед сопротивляется. Дома и стены помогают!

Бывает, что победители насаждают свой язык насильно. Меч против слова. Бывает, что язык бывших хозяев страны просто объявлен низким и презренным,

считается присущим лишь низшим. Бывает, что за принятие нового языка следует ждать награды от победителей. По-всякому бывает в истории.

Есть в прошлом Англии дата, которую знают все британцы. Это 1066 год — дата битвы при Гастингсе, где войска нормандского герцога Вильгельма разбили армию англосаксонского короля Гаральда. Вильгельм имел некоторые права на английский престол и в первое время после победы пытался даже изобразить, что произошла лишь смена династии, что он истинный король англосаксов. Сейчас трудно судить, насколько долговременной, по планам Вильгельма, должна была быть такая политика, направленная на примирение с местным населением. Она, во всяком случае, не удалась, потому что народ и уцелевшие саксонские феодалы продолжали бороться с новой властью. И тогда Вильгельм стал вести себя как правитель завоеванной земли.

Язык англичан тоже был для него теперь врагом. Этого врага оказалось труднее победить, чем Гаральда.

Но завоеватели и тут стремились к победе. И в стране надолго сложилась такая ситуация: знать говорила по-французски, простонародье — по-английски.

В вальтер-скоттовском «Айвенго», действие которого происходит в XII веке, шут Вамба говорит пастуху Гурту:

«— К утру свињи все равно превратятся в норманнов, и притом к твоему же собственному удовольствию и облегчению.

— Как же так — свињи, к моему удовольствию и облегчению, превратятся в норманнов? — спросил Гурт. — Ну-ка объясни.

— Ну как называются эти хрюкающие твари на четырех ногах? — спросил Вамба.

— Свињи, дурак, свињи, — отвечал пастух, — это всякому дураку известно.

— Правильно, «суайн» — саксонское слово. А вот как ты назовешь свињу, когда она зарезана, ободрана,

рассечена на части и подвешена за ноги, как изменник?

— Порк, — отвечал свинопас.

— ...А «порк», кажется, норманно-французское слово. Значит, пока свинья жива и за ней смотрит саксонский раб, то зовут ее по-саксонски; но она становится норманном, и ее называют «порк», как только она попадает в господский замок и является на пир знатных господ... Вот, например, старый наш олдермен бык: покуда его пасут такие рабы, как ты, он носит свою саксонскую кличку «окс», когда же он оказывается перед знатным господином, чтобы тот его отведал, бык становится пылким и любезным французским рыцарем Биф».

Проходит два века со времени вторжения нормандского герцога в Британию, но высокомерно удивляется некий благородный рыцарь пристрастием черни к английскому языку. Ведь язык этот — явное свидетельство низшего общественного положения.

Всякий, кто хочет подняться повыше, переходит на язык господ, только тогда открывается путь к карьере и общественному уважению, если считать обществом лишь аристократию. Но народ хранит верность родной речи, находя в ней опору своему духу. Это было единственно возможной в тогдашних условиях формой сопротивления угнетателям. Потерпело поражение войско со своими мечами и копьями. Но язык захватчиков был побежден языком завоеванного народа.

Триста лет продолжалось языковое разделение страны, постепенно сходя на нет. 1362 год — дата победы, которая была важнее победы Вильгельма при Гастингсе. Знать потерпела поражение в войне языков. Судопроизводство согласно королевскому указу следует теперь вести на английском языке, а не на французском, поскольку тот мало кому понятен. Тогда же было решено, что и в парламенте следует говорить по-английски. Вот когда Гаральд одержал победу над Вильгельмом,

а Робин Гуд — над Ричардом Львиное Сердце и Джоном Безземельным, страна осталась верна языку Гаральда и Робина Гуда.

И вот один современный ученый составил любопытную таблицу. Он взял ровно тысячу наиболее популярных в английском языке слов французского происхождения и проверил, когда они пришли к англичанам.

Триста лет два языка звучали в одной стране рядом, причем французский пользовался еще и покровительством короля, считался благородным и изысканным, и все прочее. И за все это время, вплоть до 1350 года, его английский сосед принял из французского языка в свой состав только триста с небольшим слов, треть из тысячи. Остальные две трети пришли после «эмансипации» и полного восстановления репутации английской речи.

За триста лет прямой борьбы французский язык передал в состав «первой тысячи» 329 слов; за следующие триста лет равноправного соседства — с Ла-Маншем в качестве границы — проникли через эту границу 570 слов. Вот так! Английский язык продемонстрировал, что добром от него можно добиться куда больше, чем насилем.

В том же XI веке, когда в Англии высадился Вильгельм, отряды тюрков-сельджуков появились в Закавказье и на востоке Малой Азии. В ближайшее столетие они дошли на юге до Африки, подчинив по дороге Месопотамию. Их полководцы отняли у халифов Египет и соседние земли, жестоко воевали с крестоносцами за земли Сирии и Палестины. Тюрки начали с Византией многовековую борьбу, кончившуюся в XV веке превращением Константинополя в Стамбул, а величайшей тогда церкви христианского мира, святой Софии — в мечеть Айя-Софию.

В числе тюркских вождей был Салах ад-Дин, ставший героем романов В. Скотта, мусульманин, которого хри-

стианская знать признала истинным идеалом благородного рыцаря, и он этого заслуживал, особенно на фоне, создаваемом свирепыми крестоносцами. Те часто уничтожали беззащитных пленников, нарушали слово, данное другу и врагу, грабили и насиловали. Салах ад-Дин был лишен всех этих «добродетелей». Хотя, между прочим, не отличался особой древностью рода и стал султаном Египта, Сирии и иных земель, не будучи наследным принцем, а всего лишь полководцем. Но европейцы всегда сильнее придирались к «благородству» собственных аристократических родов, чем чужих.

Так вот, с XI века по XV тюркские войска, которые возглавил род сельджуков, вели борьбу против Византийской империи. Шаг за шагом, километр за километром сокращали они ее малоазиатские владения. При этом крестьянам завоеванных земель предлагали выбор: верность христианству влекла за собой рабство. Переход в ислам означал свободу при существенном послаблении налогов.

Были мученики. Были и борцы. Были люди, которые хотели выждать. И было время, которое работало на тюрков. Внуки мусульманина-лицемера могли уже быть мусульманами-фанатиками. Обычная история распространения религий.

Победе ислама способствовало и другое. Население Византийской империи было разнородно. Единый византийский народ так и не сложился даже на азиатской части ее территории. А когда тюрки, ставшие уже турками, взяли Константинополь, то их сыновья, родившиеся в нем, по утверждению историков, должны были знать сразу четыре или пять языков. По-тюркски юноша говорил с отцом, по-гречески — с матерью, на рынке в ходу был армянский язык, в большом почете у тюрков была персидская литература, а священной книгой служил арабский коран.

Главным противником тюркского языка пришельцев был, конечно, греческий, но тюркский победил. Тюрков

на территории бывшей Византии было намного больше, чем офранцузенных норманнов в населении Англии.

«Языковое сопротивление» здесь, насколько можно судить, не имело для местного населения Малой Азии того социального смысла, что для англосаксов.

А бывают между языками и битвы с неопределенным исходом.

На огромных пространствах Центральной и Западной Азии разыгралось в средние века сражение трех больших языков.

Арабский был силен не только тем, что на нем был написан коран, но также мощью халифов и эмиров. Он стал в более спокойные времена языком науки, а с доисламских еще времен на нем слагали прекрасные стихи. Арабский язык прошел по Северной Африке, побеждая местные наречия, и оставил неизгладимые следы в испанской и португальской речи.

Ему противостояли языки иранцев и тюрок. Культура иранцев была древнейшей из трех. За ней стояли традиции великой державы и могучего народа, создавшего замечательные системы земледелия и скотоводства. Именно иранская знать посадила в VIII веке на трон багдадских халифов династию Аббасидов — потомков Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. Иран был опорой Аббасидов. А позже, в борьбе за независимость, он вообще откололся от правоверного ислама, создав секту, главный смысл существования которой был, по-видимому, в том, что она стала своего рода национальной религией. Ирану, оказавшемуся между тюрками и арабами, а потом между тюрками, арабами и монголами, нужна была религия для защиты своей самостоятельности, как Армении нужен был для того же собственный алфавит.

Тюрки были народом помоложе, в их составе были особо подвижные и воинственные кочевые группы. Тюрки создали свои государства и в Средней Азии, и в Закавказье, и в Индии. Конечно, повторяю, военная побе-

да не ведет непременно к победе языка, но может способствовать ей.

Каждый их трех языков был могуч, каждый оказался в силах отстоять себя. Борьба кончилась вничью. Остались и арабский, и иранский, и тюркские языки. Но «война» не прошла для них бесследно. Только здесь каждый язык должен был прежде всего учесть свои «трофеи», результаты своих и чужих путешествий — новые слова, новые правила грамматики, новые особенности произношения... И, например, студент, который изучает персидский язык, обязан сегодня знать арабскую грамматику.

Вообще, если языки долго живут бок о бок, их грамматика начинает сближаться. На Балканском полуострове соседствуют достаточно далекие друг от друга албанский, новогреческий, румынский и болгарский языки. Не родственники они, во всяком случае не близкие. Их четыре, и принадлежат они к четырем языковым ветвям. Но вот в албанском и новогреческом языках, например, слились родительный и дательный падежи. В непохожих языках идут похожие процессы. Аналогично повторяющие друг друга явления происходят в румынском и болгарском языках. Соседи начинают вести себя как родственники.

Есть одно странное правило для результатов такого долгого соседства языков. В научной книге профессор В. Звегинцев формулирует его так: «Твоя-моя не понимай». Пожив рядом, языки-«шабры» становятся попроще. Исчезают сложные правила грамматики.

Каждый, кто изучал английский язык, знает, как трудно там научиться правильному произношению. Зато у преподавателей есть все основания утешать учеников тем, что английская грамматика гораздо легче русской. А все дело в том, что тысячу с лишним лет назад Англия была поделена почти точно пополам между англосаксами, хозяйничавшими к тому времени в ней уже несколько веков, и новыми пришельцами, прибыв-

шими из Дании, — данами. Англосаксы и даны народы родственные, но языки их уже не были взаимопонятны. Даны старались, чтобы их поняли англосаксы, англосаксы хотели быть понятными данам. Результат? В английском языке практически нет падежей, то есть почти не склоняются существительные и прилагательные. За это английские школьники должны быть «благодарны» данам. Для данов старались предки англичан обходиться без «лишних тонкостей» и привыкли к этому.

Крайний случай упрощения — языки, которые появились на островах Индийского и Тихого океанов как средство общения между колонизаторами и аборигенами. Языки, возникшие как прямое следствие эпохи Великих географических открытий и колониальных захватов. Иногда о них говорят как о языках смешанных, с английской грамматикой и словами (пиджин-инглиш) английскими и туземными. И все-таки это не смешанный, но упрощенный английский язык. Доля в пиджин-инглише «чужих слов» не больше их нормы для обычного языка. Зато правила грамматики упрощены. Этот язык отверг не только падежи, но даже любые формы множественного числа. Оно передается просто прибавлением к форме единственного числа словечка «all» — «все». Значит, они = все + он.

Число правил невелико, число слов в языке тоже. Их легко запомнить. Но из-за отказа от многих грамматических правил такие языки становятся чрезвычайно громоздкими, фразы там переполнены словами. Особенно трудно передавать сложные и новые понятия. Поскольку в языке нет слова «рояль», то на свет появляется определение: большой ящик, ты бьешь по нему, он кричит. (Звегинцев тут же вспоминает стихи Тредиаковского:

Стоит древесно
К стене приткнуто,
Звучит чудесно
Быв пальцем ткнуто.)

И что очень любопытно; в этом языке, составленном по английским правилам с множеством туземных слов, есть много слов неизвестного происхождения. Местные жители думают, что они английские, англичане считают их местными.

ПОЛНОМОЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Каждый день каждый из нас собственной властью вызывает к себе на службу по меньшей мере десятки слов-пришельцев из дальних мест. Да не простых пришельцев, а полномочных представителей народов чуть ли не со всех сторон света. Стоит сказать: хозяин взвалил на спину чемодан с пижамами — и вы сразу оказались в обществе трех персов и одного римлянина. Слово «хозяин» пришло к нам из иранского языка, и не случайно оно напоминает то слово «ходжа», которое на Востоке иногда обозначает паломника в Мекку, а иногда становится просто почтительным обращением. Слово «пижама» тоже иранское, как и «чемодан», впрочем, оба они особо близкая родня, потому что «чемодан» был на родине «пиджамаданом» — вместилищем пижам.

Слово «спина» кажется настолько своим, что дальше некуда, а вот оно латинское... Ученые говорят, что меньше тысячи лет прошло с тех пор, как вошло это слово в русский язык. До этого его роль играло слово «горб».

Хотите порассуждать о рыбной ловле? И сразу появятся «финны» — камбала и таймень, семга и сиг.

С островов далеких южных морей примчалось «табу», из Африки — «кофе», из Америки — «шоколад», индейцы Центральной Америки, даже тибетцы, скрытые за своими горами, сделали пусть совсем маленькие, но собственные вклады в наш привычный лексикон. Даже... Да называйте кого хотите. Вавилоняне?.. Мы получили

от них слово «топор», на который, правда, «претендуют» еще и скифы. Впрочем, возможно, что скифы тоже правы, поскольку выступали здесь как посредники между Вавилоном и Русью, разделенными не только расстоянием, но и многими веками.

Т. А. Шумовский пишет в книге «Арабы и море»: «Арабская струя в море русского языка шире, чем принято думать, и нередко именно обитателям далекого полуострова мы обязаны даже, казалось бы, исконными русскими словами. ...Неожиданностью бывает установить арабский источник в таких словах, как «зипун» (из санскрита) или «котомка».

Как видно из цитаты, для слова «зипун» арабы, с нашей точки зрения, сделали то же, что скифы для «топора», — передали его русским. Вот вам и индийский гость. Должен, однако, добавить, что иногда «зипун» объявляют гостем из венецианского диалекта итальянского языка, причем передали нам «зипун» в этом случае греки.

Впрочем, всегда надо иметь в виду, что о происхождении одного и того же слова ученые могут быть разных мнений, и, по заключению известного этимолога Макса Фасмера, «баржа» попала к нам не от арабов, как считает Шумовский, а по цепочке, в число звеньев которой входят Рим, Греция и Древний Египет.

Акула — «древний исландец», серьга — «древняя чувашка», флаг — «голландец». Рыбка анчоус приплыла в русский язык из голландского (или немецкого), в голландский из французского, во французский из баскского.

Но хоть все эти слова и иностранцы, а без анкеты с вопросом о далеких предках этого никак не поймешь. Ходят между нами как свои, да и вправду свои — никуда не денешься. Хоть и всего десятую долю русского лексикона составляют, но так же привычны, как остальные девяносто процентов. Одни слова живут с нами тысячи и больше лет, другие века, третьи всего

лишь десятилетия, но ни в слове «кино», ни в слове «метр» чужого ведь не чувствуешь?

Молдаване и румыны, умелые скотоводы, передали восточнославянским народам «брынзу» и «цигейку» и некоторые другие слова, относящиеся к той же области хозяйства.

В свою очередь, почти треть лексикона румынского языка составляют славянские по происхождению слова.

В словаре современного албанского языка из 5140 наиболее употребительных слов только 430 «собственных» албанских по происхождению, остальные заимствованные (из романских, славянских, новогреческого и турецкого языков).

Кстати, и русский, и другие славянские языки щедро делились с соседями сокровищами своего словарного запаса. Немало русских и славянских слов не только в румынском, но и в литовском, в венгерском языках. Русские слова заняли важное место в языках всех народов СССР, связанных с русскими общей историей.

Еще интереснее и может даже служить предметом гордости то обстоятельство, что образованное на латинской основе слово «интеллигенция» родилось в своем нынешнем смысле в России и отсюда совершило путешествие в другие страны мира.

Мощный поток русских слов устремился в языки других стран после Великой Октябрьской революции — от «Совета» 1917 года до «спутника» 1957 и так далее.

Слова путешествуют по земле, хотя, конечно, не все заимствования необходимы. Недаром против чрезмерного увлечения иностранными терминами боролись Ленин, Горький, Маяковский.

Любопытно, что исландцы никогда не принимают в свой язык чужих слов в первоизданном виде, а занимаются их переводом.

«Телефон» в Исландии стал суммой двух чисто исландских слов: сложили вместе «говор» и «веревку». В пе-

реводе слова «телеграф» «веревка» осталась, на место «говора» встало «письмо». «Парикмахер» — волосорез, «пессимизм» — дурной взгляд, «театр» — дом игр, и так далее. Исландский язык пускает к себе знатных иностранцев, но заставляет их менять свои имена на местные.

Конечно, жители маленькой страны прочно защищены от «чужесловия». Но такое ли уж это преимущество? И разве плохо, что, приняв в язык слова «социализм», «коммунизм» и «партия», мы послали дальним и близким соседям свои «Совет», «спутник», «лунник».

БУКВЫ В ДОРОГЕ

Человек научился говорить уже сотни тысяч лет назад. И все еще продолжает удивляться этому своему умению.

То начнет священную книгу с сообщения, что в начале было слово, то припомнит в стихах, как «солнце останавливали словом, словом сокрушали города».

Бывает, конечно, и другое, каждому приходилось сокрушенно думать о том, что «мысль изреченная есть ложь». Но снова и снова воспевали поэты родной язык, и в нем все языки и все слова мира.

А вот к письму, открытому куда позже, чем речь, мы почему-то привыкли прочнее. Как будто всегда люди умели читать и писать.

А между тем среди прочих разделений прошлого людей на периоды есть и такое: история бесписьменная и история письменная.

Необозримые выгоды, которые давала письменность, человек почувствовал немедленно. Хорошей иллюстрацией служат тут события, разыгравшиеся в одном из районов Африки в начале XIX века. Здесь была изобретена письменность! В племени вай нашли люди, составившие систему знаков, каждый из которых пере-

давал слог. «Азбука» пользовалась успехом. Очень быстро почти все племя научилось письму. Казалось бы, этому можно только радоваться. Но соседние племена увидели в письме лишь чрезвычайно опасное колдовство. Сначала они просто перепугались, и это резко подняло престиж грамотного племени, принесло ему немало выгод. Соседи задабривали колдунов всеми доступными им способами. А люди племени вай были весьма не прочь выгодно использовать свое новое положение. Грамота стала — не в первый раз в истории — орудием угнетения. Но кончилось торжество изобретателей печально: страх в конце концов толкнул окрестных жителей на войну, кончившуюся разгромом вай. Тоже не впервые в истории грамотные были побеждены неграмотными.

Но обычно в таких случаях победители брали у побежденных в числе иной добычи и письменность, приспособляя ее к своему языку. А если «письменный» народ одерживал победу над бесписьменным, он все-таки передавал свою тайну побежденным. Впрочем, чаще всего письменность путешествовала из страны в страну, не выбирая себе в спутники меч. И конечно, людям тех земель, где она бывала новоселом, совсем не обязательно было перенимать чужой язык, чтобы освоить письменность. В принципе не обязательно было даже брать за основу своей грамоты чужие знаки и буквы. Здесь мы снова сталкиваемся с принципом, о котором говорили в главе о путешествиях домашних животных. Там конкретные приемы приручения, кормления, строительства изгородей можно было разработать и заново, гораздо важнее оказывалось знать, что все это в конечном счете дает определенные результаты.

Вот и с письменностью так же. Знаки для звуков своего языка не так уж трудно придумать, если известно, что это возможно в принципе.

Ведь боливийский индеец в XIX веке изобрел соб-

ственное иероглифическое письмо, преподал его родственникам и соседям — и чуть было действительно не создал новую письменность.

Другой индеец, по имени Секвойя, из США создал для своего племени чероки слоговую письменность, причем она вошла в такое употребление, что некоторое время выходила газета, напечатанная новым письмом. (Кстати, по имени этого индейца и была названа американская секвойя — великан растительного царства.)

В XX веке у нас в стране чукча разработал систему письменных знаков, чтобы общаться со своим немым сыном. В Африке, в Азии, в Америке люди первобытных племен, знающие об умении европейцев закреплять слова на бумаге, создают собственные способы такого закрепления.

И крупные специалисты находят, что среди этих полустихийно возникающих новых письменностей есть весьма перспективные. Если их доработать, они вполне могли бы посоперничать с исторически сложившимися системами письменных знаков. Но все-таки проще и удобнее пользоваться уже давно разработанными алфавитами. И изобретения наших дней в этой области, как правило, пропадают втуне.

Удивительнее, что так же исчезли и многие древние азбуки, уступив место другим. А азбуки-победительницы почти все в родстве между собой, восходят к одному корню, и их утверждение на новых и новых землях бывало каждый раз итогом путешествий — ну и превращений, конечно, мы ведь знаем, что одного без другого почти не бывает. Но давайте по порядку.

Сейчас существуют сотни разных письменностей, среди них преобладают алфавитные, а иероглифическое и слоговое письмо в явном меньшинстве. Правда, такие многонаселенные страны, как Китай и Япония, пользуются иероглифами.

Зато почти весь остальной мир пользуется алфавитным письмом, в котором знаки передают элементарные

звуки, фонемы. Многие индийские языки, впрочем, используют слоговое письмо. Современные звуко-буквенные системы письма используют в основном латинский, славяно-кирилловский и арабский алфавиты.

Все это прекрасно иллюстрирует связи, существовавшие и существующие между такими многочисленными и такими разными культурами и народами Земли.

А самый восточный алфавит Евразии был создан пятьсот лет назад в Корее на основе упрощенных китайских иероглифов, которые стали здесь обозначать звуки. Замечательный шаг сделал тогдашний правитель Кореи, приказавший создать этот алфавит, замечательную работу проделали корейские ученые, сумевшие такой приказ выполнить.

Когда-то древние египтяне, кроме иероглифов, передававших слова, изобрели и иероглифы, обозначающие отдельные звуки, но те играли в их письменности второстепенную роль. Однако этот опыт был использован другими народами. Насколько могут судить ученые, первыми хорошо отработанными алфавитами, где каждая буква обозначала звук, были финикийский и угаритский. Свой вклад в развитие финикийской алфавитной системы сделали, по-видимому, и жители соседней Месопотамии, и выходцы с Крита.

Советский ученый Г. Ф. Турчанинов отстаивает гипотезу об участии в создании финикийского письма людей, прибывших в Финикию в начале II тысячелетия до нашей эры с Кавказа. Они, по его мнению, пользовались сначала собственным, древнеабхазским письмом, ставшим одной из тех составных частей, из которых возник финикийский алфавит. И дальше алфавиту суждено было развиваться во времени и пространстве, переходя от народа к народу.

При этом каждый из них щедро делился с другими народами своими усовершенствованиями азбуки. Грекам очень понравился новый алфавит, но для их богатого гласными языка он не подходил. Зато согласных

было явно в избытке. Тогда чужие буквы, для которых в греческом языке не находилось соответствующих согласных звуков, были «переведены на другую работу» — стали обозначать гласные. От греков алфавит пошел на запад, в гордый Рим.

История возникновения каждого алфавита новых письменностей — это история народов и людей, научных открытий и подвигов. Сколько алфавитов, столько можно написать повестей об их создании, совершенствовании, распространении.

Вот в V веке нашей эры возникает армянский алфавит.

«Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины — был создан однажды и навсегда, — он совершенен. Тот человек был подобен богу в дни творения... Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись переходит в книгу, почти не претерпевая графических «метаморфоз».

Так пишет советский писатель Андрей Битов в книге «Уроки Армении».

А гениального человека, создавшего армянский алфавит, звали Месроп Маштоц. В пору, когда он жил, за власть над Арменией боролись между собой — и с армянами — Восточная Римская империя и Иран. Создание собственной письменности было необходимо народу, чтобы сберечь свой язык.

«В армянской букве, — говорит Андрей Битов, — величие момента и нежность жизни, библейская древность очертаний лаваша и острота зеленой запятой перца, кудрявость и прозрачность винограда и стойкость и строгость бутылки, мягкий завиток овечьей шерсти и прочность пастушьего посоха...»

Все это можно увидеть глазами поэта, и ученый ни

с чем здесь, наверное, не стал бы спорить, но добавил бы, что армянский алфавит создан на основе греческого и арамейского.

А кроме того, как пишет В. Истрин в книге «Возникновение письма»: «Буквенно-звуковой состав армянского алфавита был построен Маштоцем на базе глубокого научного анализа фонетики армянского языка... Графика созданных Маштоцем букв тоже лишь отдаленно напоминает графику греческого и сирийско-арамейского письма, но зато находится в тесной органической связи с народной армянской орнаментикой». (И еще добавляют историки письменности, что несколько букв вошло в армянский алфавит уже после Месропа Маштоца.)

А пятью веками позже армянского появился на свет славянский алфавит — два выходца из болгаро-греческого города Солунь (ныне Салоники) Кирилл и Мефодий, сами, по-видимому, славяне по происхождению, пошли миссионерами к славянам, еще не знавшим христианства. И для того чтобы могли те читать священные книги на своем языке, придумали для него письменность. И стали святыми. Впрочем, что нам за дело до того, как почтили их труд византийский патриарх и его советники? Память о Кирилле и Мефодии воистину свята для нас, мы обязаны им знаками, которыми написаны летописи и «Евгений Онегин», «Слово о полку Игореве» и поэма «Владимир Ильич Ленин».

Перед двумя учеными прошлого встала задача: создать алфавит, которым можно было бы пользоваться при передаче звуков славянского языка, ведь для них явно не хватало двадцати двух букв греческого алфавита. Впоследствии средневековый монах Черноризец Храбр писал, разъясняя эту задачу для своих славянских читателей:

«Како может ся писати добре греческими письмены: бог, или живот, или зело, или церковь, или широта, или ядь, или уду, или юность, или языки и иная подобная сить?» Каждое из приведенных Храбром слов начи-

нается со звука, для которого не было подходящей буквы у греков. А разве наш язык может обойтись без Б и Ж, З и Ц, Ч, Ш, Щ, У, Ю, Я?

Видимо, у Кирилла и Мефодия уже были на Руси предшественники, которые до них создавали варианты такого алфавита. И возможно, что Кирилл и Мефодий довели до конца дело, начатое кем-то другим.

Конечно, по пути от IX века к XX алфавит становился строже, исчезли буквы, нужные греку, но не требовавшиеся русскому, менялись звуки самой славянской речи, и алфавит шел за нею. «Ять» исчез ведь не из-за того, что такое постановление приняло молодое Советское правительство, но потому, что веками раньше исчез в русском языке звук, соответствовавший этому самому «ятю». Что же, каждое изобретение с годами совершенствуется.

Уже в нашем веке русский алфавит проник в письменности Кавказа и Средней Азии. Иногда он при этом сменял своих троюродных братьев, потомков того же первого алфавита: арабские буквы. Иногда становился основой письменности, которой до того у народа просто не было.

Старая добрая азбука при каждом новом своем путешествии каждый раз переживает и новое рождение. В нее добавляются буквы, которых не хватает для незнакомых русской речи звуков; над старыми буквами порою появляются значки, указывающие на незнакомые нам правила фонетики и иные...

Общее происхождение почти всех азбук мира бесспорно. Пытались некоторые ученые искать единый центр и для главных иероглифических письменностей Старого Света. При этом одни ученые доказывали, что шумерское письмо происходит из египетского, а другие — обратное.

Опираются, строя такие гипотезы, и на сходство ряда знаков в разных странах, и, главное, на то, что уче-

ные довольно хорошо знают, как развивалась с начальных стадий шумерская письменность. О начале же письменности в Египте и особенно в Китае известно гораздо меньше. Первые иероглифические китайские надписи середины II тысячелетия до новой эры явно представляют вполне зрелую письменность, между тем ясно, что она не могла возникнуть в таком виде на голлом месте. А египетская письменность сформировалась поразительно быстро; путь к хорошо организованной системе знаков был ею пройден чересчур стремительно, что и заставляет некоторых историков думать о заимствовании Египтом основ письменности у Шумера.

Большинство специалистов, однако, настаивает на самостоятельном возникновении всех этих письменностей, а сходство отдельных знаков не так уж трудно объяснить тем, что они отражают сходные между собой объекты внешнего мира; недаром же похожи как раз знаки человека, воды, огня и др.

Далее, скорость развития письменности в разных условиях может быть различной; наконец, Шумер имел (с точки зрения археологов) перед Китаем и Египтом то преимущество, что его обитатели писали на твердых, почти не разрушаемых временем глиняных плитках, рядом с которыми проигрывают и «письменные» кости, и дерево Китая, и кожа, и папирус Египта.

Вывод: Египет, Шумер, Китай, как и мексиканский центр цивилизации, создали свои иероглифические системы самостоятельно. Могли путешествовать и путешествовали между Египтом, Шумером и Китаем лишь отдельные иероглифы.

КАМЕНЬ НА КАМЕНЬ

Искатели следов пришельцев из космоса ищут себе все новые «жертвы» среди древних строений, чтобы объявить их делом рук космических гостей. Читаю плоды их размышления и облегченно вздыхаю, дойдя до конца.

До мегалитов всерьез еще не добрались! А странно ведь. Так и просятся они в современную мифологию, эти грандиозные сооружения, воздвигнутые по велению мифологии древней.

Мегалиты. Гигантские камни в переводе. А точнее, сооружения из гигантских камней.

Конечно, как ни велики «камешки», из которых состоят мегалиты, а все-таки любой из них уступает плитам знаменитого Трилитона Баальбекской террасы, некоторые даже каменным блокам из египетских пирамид. Глыбы, составляющие мегалиты, весят обычно всего лишь тонны, а триста тонн для них уже максимум, своеобразный рекорд. Другое дело, что есть мегалитические сооружения из многих сотен таких «камешков».

Но если пирамиды сооружены на земле великой и могущественной цивилизации, занимающей почетнейшее место в истории, в стране, издавна заселенной более чем густо, и все пирамиды сконцентрированы, грубо говоря, на нескольких «пяточках» в долине Нила, то мегалиты разбросаны в полосе шириной в сотни, а то и тысячи километров. А длина этой полосы поражает воображение. Япония, Корея, Южный Китай, Индонезия, Лаос, Бирма, Индия, Восточная Африка, Северная Африка, Палестина, Малая Азия, Кавказ, Греция, Италия, Испания, Франция, Англия, Дания. Я назвал много стран, в которых находят мегалиты. Но далеко не все эти страны.

Сначала-то, естественно, считали, что мегалиты построили обыкновенные великаны. Существа, перекидывавшие многотонные камни с ладони на ладонь. Греки звали сооружения из больших камней циклопическими, потому что их, совершенно ясно, соорудили циклопы, одноглазые гиганты, один из которых позже был ослеплен Одиссеем. По другой древней гипотезе, эти камни могли двигаться сами — например под музыку Орфея. Но вариант с циклопами пользовался куда большей популярностью.

В XVIII веке «великанская» версия была решительно отвергнута. И вскоре взамен решили, что это пришельцы, привыкшие на родине хоронить своих мертвых в естественных пещерах, стали в новых землях ладить пещеры искусственные. Да вот беда — в Испании, например, обычных пещер хватает, но буквально рядом с ними появились дольмены.

Впрочем, давайте разберемся в именах, которые носят разные группы мегалитов.

Каменная плита может просто стоять вертикально, и тогда ее зовут словом «менгир», взятым из языка кельтов, древних обитателей Франции, Англии, Ирландии и некоторых других земель.

К этой вертикальной плите может быть прислонена другая, наклонная; или на вертикальной плите может лежать горизонтальная; так что выходит словно стол для какого-то гиганта.

Следующий шаг к услужению — пара камней, накрытых третьим, как крышей. Это уже простейший дольмен — словечко тоже кельтское. И сколько бы теперь камней ни было соединено в ящик или камеру с крышкой, все такие сооружения тоже называются дольменами. Часто в них ведут каменные галереи или коридоры.

Эти каменные ящики служили гробницами. Там, где не было больших камней, камеру могли сложить из камней поменьше. Иногда, по похожему плану, гробницы вырубали в скалах.

Многое тут зависело от условий местности, но не все. Меловые утесы Южной Англии словно созданы для того, чтобы вырубать в них искусственные пещеры, но там дольмены построены на поверхности. А в Южной Испании кое-где рядом расположены мегалитические гробницы разных типов, подземные и надземные. Почему одни из них построены, а другие высечены, неизвестно. Впрочем, когда речь идет о мегалитах, слово «неизвестно» у ученых в большом ходу. Даже относительно

того, что дольмены — погребальные сооружения, археологам не сразу удалось прийти к согласию. А уж относительно того, чьи это гробницы, споры продолжаются до сих пор.

Большинство дольменов было сооружено в конце III и начале II тысячелетия до нашей эры, то есть в конце неолита и в бронзовом веке. Были, впрочем, места, где дольмены продолжали строить и гораздо позже, а уже построенные использовались во многих странах как гробницы для представителей все новых и новых поколений. Может быть, это одна из главных причин, в силу которых у археологов так много неясностей с мегалитами, — внутри гробниц смешаны между собой вещи, оставленные разными эпохами.

А есть еще кромлехи — совсем уж диковинные создания, на взгляд нашего времени. Самый знаменитый из них — Стоунхендж. Представьте себе огромный круг, образованный поставленными «на попа» каменными столбами ростом в восемь с лишним метров. На каждом из столбов лежит плоский камень, соединяющийся с остальными такими же перекладинами в единое кольцо. На верхней плоскости столбов есть шипы, а в горизонтальных плитах гнезда для этих шипов; там же, где плита соединяется с соседней, камни снабжены язычками и соответственно канавками для них. Как в пластмассовом конструкторе, который я купил для маленького сына. Только вот столб в среднем весит 25 тонн, а плоский камень на нем «всего» 700 килограммов. Но это у нас шла речь о внешнем круге Стоунхенджа, о первом из четырех. Второй круг состоит из менгиров, одиночных камней, относительно некрупных. Зато третьи образуют группы, каждая из трех плит — двух вертикальных, накрытых одной горизонтальной: вес несущих камней здесь достигает 40 тонн.

Третий круг, как и последний, четвертый, тоже из трилитов, незамкнут, это скорее не круги, а подковы. Просветом они обращены к точке, в которой восходит

солнце во время летнего солнцестояния — 22 июня, если пользоваться нашим календарем.

Разумеется, время внесло свои «поправки» в это сооружение, но именно так оно выглядело три с лишним тысячи лет назад.

Что это? Храм? А может быть, обсерватория бронзового века? Или то и другое?

А здесь описан лишь самый знаменитый, но отнюдь не единственный кромлех. А кромлехи — только одна из разновидностей мегалитов.

Дж. Хокинс и Дж. Уайт, авторы книги «Разгадка тайны Стоунхенджа», пишут:

«Стоунхендж — это намного больше, чем просто установленные вертикально камни, и его истинная история гораздо интереснее, гораздо чудеснее, чем все легенды, окутавшие его словно туман».

Джеральд Хокинс — астроном, он четко показал астрономическое назначение основных частей этого сооружения. Гигантские арки, из трех камней каждая, фиксируют важнейшие, на взгляд астронома, точки восходов и заходов солнца. Отдельные детали позволяют считать, что создатели Стоунхенджа использовали его даже для предсказания солнечных и лунных затмений. Впрочем, обсерватория была и храмом, а возможно, служила еще каким-то целям.

«...памятник предательски убитым воинам... дворец северных владык... капище древних богов? Буддийское святилище... друидический алтарь... круг для поединков... замок королевы? Место, где встречались летающие блюдца? Сигнал с земли небесам? Кладбище... суд... больница... рынок... скотный двор? Ратуша... школа... колледж... собор? Хранилище неведомых тайн погибшей Атлантиды? Храм... место поклонения змеям или духам... вход в царство мертвых? Обсерватория?

Очень многим из этого он не был, но многим был. Чем же именно?

Много веков назад он, несомненно, был для людей

очень важен и нужен, а потом водоворот жизни унесся прочь, и его назначение, функции и возможности были забыты, как и его мертвецы... В последнее время... некоторые из его секретов были разгаданы. Как ни поразительно то, что уже удалось узнать, будущее может принести еще более поразительные открытия», — пишет Хокинс. Он продолжает:

«И я думал в шутку и все-таки всерьез: «Все книги о Стоунхендже или о других мегалитических сооружениях следовало бы снабжать посвящением: «Человеку каменного века — непонятому, оклеветанному и недооцененному».

Почти все, что здесь говорится о Стоунхендже, относится к огромному числу мегалитов, да и сам Хокинс вспоминает о них, когда заводит речь о посвящении, которым следовало бы снабжать книги такого рода.

Итак, мегалиты как будто бывают разными. Но вот один из крупнейших английских историков, Гордон Чайлд, утверждает, что, несмотря на все разнообразие мегалитов в этом своеобразном каменном поясе, соединяющем Англию с Японией, можно говорить об общем плане множества из них почти независимо от географического расположения.

Воображение ученых давно поразило это истинное или мнимое, но, во всяком случае, бросающееся в глаза сходство. В одно время (что там для бронзового века столетие-другое) по всей Земле, а точнее — по побережью Тихого, Индийского и Атлантического океанов и их морей, появляются гробницы сходного типа. И не успели мы перестать доверять легендам о построивших мегалиты великанах, как сразу появились новые легенды, еще более яркие и красивые (хотя до легенд о «пришельцах» было еще далеко — о темный XIX век!).

Прежде всего место великанов в качестве строителей мегалитов заняли люди какого-то неведомого, но гениального и могущественного племени. Естественно, казалось бы, предположить, что один и тот же народ

ставил по сходным планам камни на камни от Дальнего Востока до Шотландии. Не зря же почти все мегалиты так явно тяготеют к морю, так упорно размещаются в приморских странах. (У нас на Кавказе, например, дольмены, по существу, выстроились цепочкой вдоль берега Черного моря. Кое-где на Кавказе их строили и подальше от благодатного побережья, но эти «более континентальные» дольмены все мельчают по мере удаления от моря, пока окончательно не теряют права зваться мегалитами — огромными камнями.)

Впрочем, ни один серьезный ученый не настаивал на том, что народ мегалитов населял почти все побережье Старого Света одновременно. Казалось более реальным, что строители мегалитов — весь народ или все племя — двигались, оставляя гигантские сооружения позади себя, точно неизгладимую цепочку следов.

Естественно, опять-таки мнения о том, что это был за народ, откуда он вышел, куда направлялся, почему и как исчез, разошлись. Одни исследователи считали, что он шел с востока на запад. Другие настаивали на движении его с запада на восток. Третьи говорили о выходцах из Шумера, пошедших и на восток и на запад, но, поскольку как раз в Месопотамии мегалитов не было, такой вариант быстро отпал.

Четвертые полагали, что это Египет разослал по морям и землям своих разведчиков, это его торговые агенты, они же миссионеры, уговаривали жителей подведомственных им областей обзавестись грандиозными гробницами и сами подавали им пример. Странники такой версии вспоминали прежде всего о египетских пирамидах, тоже ведь гигантских гробницах. По мнению этих ученых, «сыны Солнца», выходцы из Египта, распространившись по всему миру, разнесли по нему семена, из которых взошли дольмены. Причем прежде всего эти путешественники селились в местах, где находились месторождения ценных для их родины минералов: в Испании, Сардинии, Ирландии — вблизи мед-

ных рудников; у залежей олова — на Западной Украине и в Англии; рядом с местами добычи золота — в Западной Франции и Ирландии; на Оркнейских островах близ Северной Шотландии, где добывался жемчуг; на восточном побережье Дании, служившем источником янтаря.

Гордон Чайлд отмечает, что действительно налицо общее сходство между распространением гробниц бронзового века и расположением важных в ту эпоху месторождений, но немалое число гробниц находится там, где никакие залежи не разрабатывались. И главное, по обычаям тех же египтян, в гробницах должны были бы лежать рядом с останками людей сокровища, ради которых эти люди сюда забрались, но в Дании в дольменах крайне редко попадал янтарь, в Ирландии там маловато находят золота и меди и так далее. И наконец, повсюду в дольменах мало или вовсе нет привозных вещей. Это уж совсем странно, если перед нами могилы владельцев «торговых факторий» или находившихся под их сильным влиянием людей. Мы ведь знаем, что, скажем, в бронзовом веке вместе с дорогим покойником закапывали обычно самые дорогие ему и наиболее ценившиеся обществом предметы или, реже, хотя бы нечто, олицетворявшее, представлявшее собой такие предметы (глиняного коня вместо настоящего и т. п.). Но в дольменах по большей части вообще нет ничего чужестранного. В этих сооружениях, которые так схожи внешне, в каждой стране лежат прежде всего вещи, созданные населявшими ее в ту пору племенами. Это резко противоречит идее об одном народе, который построил все мегалиты, где бы они ни стояли.

Надо сказать, впрочем, что отдельные энтузиасты предлагали в качестве строителей мегалитов даже атлантов. Но если уж поверить Платону и признать Атлантиду реальностью, то надо помнить, что построены были дольмены и проч. спустя тысячелетия после платоновской даты гибели Атлантиды.

Не менее фантастической была версия о дольменах как памятниках путешествия по миру людей «праарийской расы» — предков индоевропейских народов. Ведь, кроме всего прочего, дольмены стоят и там, где индоевропейцы никогда не были, — в Корее, в Восточной Африке...

Надо все-таки сказать, что иногда мегалиты определенно свидетельствуют о движениях племен. Мегалиты Южной Эфиопии в своем сходстве с мегалитами Ассама в Индии переходят обычные для мегалитов границы.

По обе стороны Индийского океана стоят цилиндрические столбы с округлой верхушкой, точно гвоздики со шляпкой, только высота самого «гвоздя» до четырех метров. Трудно не признать это доказательством путешествия жителей «одной из сторон» океана через этот самый океан. Конечно, его можно обойти и по суше — вокруг Персидского залива, через Аравию и узкий пролив, отделяющий Йемен от Восточной Африки. Но не исключены и дальние морские рейсы Васко да Гамы каменного или бронзового века.

Подтверждением такого переселения некоторое время считали общее название у двух племен: племя нага есть в Эфиопии, и племя нага есть в Индии. Потом между «однофамильцами» оказалось чрезвычайно мало общего, версию о едином происхождении отвергли, а заодно и идею о переселении из Индии в Африку людей, делавших огромные каменные «гвозди». Но отвергли не единогласно и не навсегда.

Так или иначе, но на вопрос: «Какой народ построил дольмены» — сегодня наиболее верный ответ не точен, зато краток: «Разные».

И все-таки сходство дольменов во всем мире поразительно, и еще поразительнее то обстоятельство, что в масштабах истории они появляются всюду почти одновременно, притом в странах, населенных народами с весьма отличными способами хозяйства, обычаями,

идеологическими представлениями, в странах, находившихся на разных уровнях исторического развития. Люди неолита, люди медного века и люди бронзового века жили тогда на земле одновременно (как сегодня с нашим железным веком соседствует каменный век где-нибудь на Новой Гвинее). И те, и другие, и третьи, хоть в разной степени и далеко не все, оказались причастны к мегалитам, обтесывали чудовищные плиты, громоздили их друг на друга, расставляли в порядке, общем для мест, разделенных многими тысячами километров.

Не о массовом передвижении того или иного народа, но о движении по земле совокупности представлений о мире здесь, очевидно, следует говорить.

Представлений, связанных с почитанием мертвых. А развившееся к этому времени хозяйство было уже способно прокормить множество работников, что не жнут и не сеют, а перетаскивают огромные камни.

Это значит, что во всех странах, где появились дольмены, уже полным ходом шло классовое расслоение — иначе кому бы ставили эти гробницы, ведь не простым же смертным? Уже появилась знать, эксплуататоры и рабовладельцы. Вожди становились царями, родовые старейшины превращались в аристократов. Все они нуждались в подчеркивании своей власти, в символическом утверждении ее вечности и незыблемости. Как в том же самом нуждались и египетские фараоны со своими жрецами, полководцами и чиновниками. И сходные причины вызвали появление сходных следствий. Так бывает. Мексиканцы, например, начали строить свои пирамиды через тысячу лет после того, как египтяне уже перестали строить свои. Временной разрыв здесь воспринимается вполне естественно — ведь майя или ацтеки отставали в развитии от Египта на несколько тысяч лет. И связей у них с Египтом, по-видимому, не было, уж во всяком случае, постоянных. А пирамиды были.

Но тут необходимо подчеркнуть разницу между пирамидой и мегалитом типа дольмена или кромлеха.

Форма пирамиды такова, что идеально подходит для символа вечности. Обычная груда неровных камней, стоит их обтесать и сложить «покрасивее», превращается в пирамиду. С древнейших времен именно с пирамидой сравнивали само классовое государство, потому что в каждом новом слое камней, если идти снизу вверх, камней все меньше — как людей в разных слоях классового общества, а наверху — один камень, символ правителя. Впрочем, боюсь, что это сравнение, несмотря на всю свою древность, все-таки появилось после того, как была построена самая первая пирамида. Ну а древние египтяне — те, по-видимому, материализовали в пирамиде сноп солнечных лучей, верхушка которого — солнце. Поскольку солнце часто отождествлялось с фараоном, пирамида была одновременно символом власти. Есть немало и других объяснений...

Но если теории, придуманные для объяснения формы пирамид и обращения людей в разных землях к этой именно форме, в основном дополняют друг друга и сами укладываются в такую аккуратненькую пирамиду, то гипотезы про мегалиты взаимно отталкиваются. Устройство мегалитов слишком сложно, чтобы совпадения в его плане на разных концах света могли получаться случайно.

Большинству историков кажется несомненным именно странствие мегалитов по миру, а не появление их в каждой стране или хотя бы части света самостоятельно, безо всякого влияния со стороны ближних или дальних соседей. В то же время, безусловно, верно, что построил мегалиты не один и тот же народ. Выход из этого внешнего противоречия, повторяю, как будто возможен только один: от народа к народу по Европе, Азии и Африке передавалась связанная с мегалитами сумма представлений — не простенькая мысль о важности огромного погребального сооружения, но именно сумма,

комплекс представлений, связанных с этой мыслью. Разумеется, воспринимался этот комплекс только там, где общество было уже достаточно развито, имело достаточно сил для грандиозных ритуальных работ.

Сама по себе возможность такого грандиозного путешествия целых систем взглядов — а она засвидетельствована, как видите, весьма весомо — очень много говорит о реально существовавших связях между народами далекого прошлого. Сделать из этого факта достаточно далеко идущие выводы многим историкам мешает обстоятельство, что мы все-таки слишком уж мало знаем о мегалитах и их строителях. Но даже то, что стало известно о тех и других, заставляет увидеть племена наших предков совсем не такими темными и оторванными друг от друга, как казалось. Заставляет, пользуясь терминами Хокинса, снять с человека каменного века пятно клеветы, лучше его понять и выше оценить его достижения.

Гордон Чайлд, перечислив и разгромив наиболее популярные предположения об общих строителях всех мегалитов, с явным облегчением и удовольствием переходит к людям, которые тоже часто хоронили своих мертвых в дольменах, но сами, видимо, жили уже спустя века после того, как дольмены были сооружены. Вот тут-то и можно было, казалось, найти следы какого-то одного народа, группы людей которого странствовали по значительной части Европы. Группы маленькие — погребения «странников» не образуют обширных кладбищ. И почти всегда и почти всюду (исключение — Центральная Испания) такие погребения находятся среди погребений людей других народов.

При раскопках следы этих странников узнают прежде всего по глиняным кубкам колоколообразной формы. И у археологов потому закрепилось за этим племенем имя народа колоколообразных кубков.

Чайлд видит в бродивших по Европе «странниках» кучки вооруженных купцов, торгующих золотом и

медью, янтарем и ямшой. С ними путешествовали мужчины-металлурги и женщины, занимавшиеся гончарным делом. Путешественницы-то и изготовляли кубки. Чайлд говорит о хозяевах кубков как проводниках при установлении торговых и иных отношений между народами Европы. Они же распространяли новые приемы обработки металла, словом, играли согласно Чайлду роль этаких «разносчиков культуры» по доисторической Европе! Впрочем, их возможную прогрессивную роль сильно компрометирует одно обстоятельство... В знаменитых колоколообразных кубках иногда находят зерна проса, а из проса тогда варили хмельное пиво. Мощь народа колоколообразных кубков, если он существовал, в наибольшей степени опиралась на его «монополию» на этот бодрящий напиток. «Кубковые люди» спаивали предков тех европейцев, что тысячелетия спустя пришли в Северную Америку не только с ружьями, но и с водкой.

Народ колоколообразных кубков жил несколько более тридцати веков назад — не такой уж длинный срок. В конце концов, письменность в Египте и Шумере к тому времени уже две тысячи лет как существовала. Мы знаем довольно много об отдельных культурах и народах того времени, но у «кубковых людей» не было письма, и у племен, среди которых они жили, тоже, и с этим народом пока связано гораздо больше загадок, чем ответов на них.

Народ колоколообразных кубков должен был оказать немалое влияние на культуру Европы. Есть ученые, которые считают, что названия серебра и свинца и в языках индоевропейских, и в баскском языке восходят к неведомому языку «кубковых» людей». Возможно, что следы их деятельности остались и в Африке. Центром, откуда шли носители этой культуры, был Пиренейский полуостров. В Центральной Европе они, вероятно, встретились с двинувшимися примерно в это время на запад индоевропейскими племенами.

В этом взаимодействии, возможно, выковалась культура европейцев преддверия античности.

Ну а собственно строители мегалитов, по крайней мере некоторые из них, поддерживали все-таки связи с мощными средиземноморскими цивилизациями. Одна из плит в гигантском кромлехе Стоунхенджа хранит два изображения: бронзового топора и бронзового кинжала. Топор местный, таких в Англии найдено немало, а вот кинжал наверняка привозной, и пункт, откуда он был экспортирован, точно известен: именно такие кинжалы во множестве находят на Крите. От Крита до Англии, от восточного Средиземноморья до северо-западного края Европы достаточно далеко. И возможно, и даже скорее всего, что в начале и середине II тысячелетия до нашей эры никакие критяне еще не добрались до Англии, а самим англичанам серьезные морские путешествия даже не снились. Слишком много морей и земель лежало на этом пути. Слишком много народов на нем жило — народов, не ведавших принципов международного права. От народа к народу, через посредников всех родов двигались бронзовые кинжалы в Англию. Впрочем, не только кинжалы и не только в Англию. Клады топоров и кинжалов, клады с балтийскими янтарными бусами и средиземноморскими бусами из пасты (непрозрачного стекла) отмечают торговые пути времен создателей мегалитов и наследников этих создателей.

Клады вообще вещь мудреная. Ну сами посудите. Находка клада — это же удача. Тома Сойера или археолога — кому повезет. Все поздравляют счастливец, его имя, если он историк, входит в науку, каждый клад добавляет новое важное слагаемое в общую сумму человеческого знания... Но ведь чаще всего это, в точном смысле слова, счастье, построенное на несчастье другого. Клады оказываются в земле потому, что хозяева вещей их спрятали. Почему спрятали? Причины бывают самыми разными. Знаменитые норманны Скандинавии, по мнению специалистов, зарывая клады, часто даже

не собирались их доставать из земли. Этим людям вполне удовлетворяло — по сложным идеологическим мотивам — сознание, что сокровища принадлежат им и никому другому их не достать.

У многих народов в разных странах земля была своего рода сейфом, который всегда под рукой. Не нужны драгоценности — закопай их до поры, пока понадобятся.

Но, бывало, прятали сокровища в минуту опасности, просто для того, чтобы их не могли отобрать — да и бежать без груза легче. А если такой клад остался в земле, это говорит о реальности угрозы, о том, что убежать не удалось, а ежели и удалось, то уж вернуться было вовсе невозможно. Были, наверно, и случаи, когда человек просто не мог найти места, где копал, но такое, конечно, случалось редко. И многие (хотя не все) клады на торговом пути можно рассматривать как своеобразные памятники, отмечавшие смерть человека или его разорение. А кладов от эпохи бронзы осталась тьма-тьмушая. Только в наше время в Европе их найдены сотни, а сколько было найдено за предыдущие тридцать-сорок веков, сколько, наконец, будет найдено в будущем или так и останется навсегда в глухих пещерах, под слоем торфа в болоте или на дне глубокого озера...

Да, опасной была профессия купца в то время. Странникам приходилось плохо. Путешественник по Центральной Европе подвергался тогда куда большим опасностям, чем путешественник по Центральной Африке в XIX веке.

И все-таки янтарные бусы попадают с Балтики в Италию, Грецию, золото из Ирландии прибывает на Крит, пастовые египетские бусы археологи находят в Венгрии, Голландии, Англии. Все это уже в первой половине II тысячелетия до нашей эры. В то время, когда строили последние европейские мегалиты. Раз путешествовали вещи, могли путешествовать и обряды. Мог-

ли путешествовать и представления, что покойникам надо строить гробницы из огромных камней.

Ну а сходство планов мегалитов в разных странах... Оно велико, но некоторые общие детали можно объяснить и без представления о том, что народ народу передает скрупулезно разработанные планы гробниц. Ленинградский археолог С. А. Семенов напоминает в своей книге «Техника каменного века», что, по сути, все мегалиты состоят из систем комбинаций трех простейших элементов: отдельной вертикально стоящей каменной плиты; двух плит, одна из которых вертикальная, а другая прислонена к ней, и, наконец, вертикальной плиты, накрытой горизонтальной. Закрытая погребальная камера — сочетание таких систем элементов. Ведущий к ней коридор тоже.

Читаешь об этом и думаешь: а может, с помощью такого малого количества основных деталей слишком большого разнообразия и не создашь, если специально стараться не будешь. И вообще, каменный ящик повторяет в увеличенном виде основные черты жилища. А это вполне естественно — всюду люди старались придавать своим погребальным сооружениям приметы обычных домов, и не зря же «гроб» по-украински называется «домовина».

Мудрено ли, что каменные ящики опоясали Евразию, пройдясь и по Северной Африке? И все-таки мудрено. Есть у некоторых далеких друг от друга мегалитов такие черты сходства, которые этим простым способом не объяснить.

Да, с разных сторон примеряются историки и археологи к мегалитам, на этих гигантских камнях разбились уже десятки теорий и сотни гипотез.

Своеобразно примыкают к дольменам курганы нашего юга. Та же идея борьбы со смертью и забвением, что вдохновляла древних египтян и европейских, азиатских и африканских строителей мегалитов, подвигла скифов и сарматов возвести искусственные холмы из

камней и земли. Курганы внешне непохожи на мегалиты, как и на пирамиды. Но многие историки считают тем не менее, что создатели курганов подражали строителям пирамид.

СТРАНСТВУЮЩИЕ БОГИ

Сначала боги были домоседами — племена индейцев или австралийцев поклонялись каждое своим тотемам (животным-предкам; богами в точном смысле слова их назвать нельзя). А раз тотем — предок, то в нем заинтересованы и рассчитывать на его помощь могут только потомки. Чужим, не родственникам, он не нужен. Языческие боги в какой-то степени, хотя и не все, унаследовали эту верность «своим». Города и села, области и страны имели собственных богов-покровителей, и чужеземец мог принести им жертву, разве что приехав на «родину» бога, да и то не всегда: бывали и такие боги, которые не принимали от чужих ничего. Разумеется, за них это решали жрецы. Случалось ведь, что враги, чтобы одержать победу, задаривали богов противника... Так же, как они подкупили бы при случае враждебного полководца.

Фридрих Энгельс констатировал:

«Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе... Боги, созданные таким образом у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила за границы охраняемой ими национальной области, по ту сторону которых безраздельно правили другие боги».

Но время шло, люди все больше общались друг с другом, распространялись культура, сведения о соседях и мире, а вместе и сведения о богах соседей. Победы войска объясняли силой его богов — и побежденные нередко принимали меры, чтобы перейти под их защи-

ту. Случалось и так, что победители заставляли покоренные племена признавать новых богов.

Наконец, вера более культурных соседей часто манила к себе не менее сильные, но менее просвещенные племена.

Римские боги постепенно принимали многие черты греческих, и мы сейчас ничтоже сумняшеся отождествляем Марса и Ареса, Венеру и Афродиту, Вулкана и Гефеста.

Мы вообще за двадцать веков новой эры привыкли к порядку и систематизации. И нам уже трудно разобраться, когда у греков в роли бога Солнца выступает Аполлон, а когда — Гелиос. В прошлом они служили богами Солнца разным племенам. Когда племена соединились, богов Солнца — общих для народа — стало два, но это в ту пору никого не смущало.

У русских в пору язычества тоже было два бога Солнца: Дажбог и Хорс. Хорс, по-видимому, пришел (а точнее, остался) от скифов, смешавшихся на своих древних землях со славянами, Дажбог был собственно славянским богом Солнца. «Пришелец» и «хозяин» прекрасно уживались друг с другом.

Римская империя была единой. Для поддержания единства требовалась общая религия. Правители, по-видимому, поставили цель: все римляне должны были поклоняться всем богам империи сразу. А сколько вошло в империю стран, районов, городов... И всюду были свои боги...

И тогда в Рим стали свозить идолов наиболее почитаемых богов всех областей империи в качестве представителей «своих» религий.

Спустя многие сотни лет после римских владык «коалицию» местных богов Руси создает киевский князь Владимир — всего за несколько лет до того, как он устроил крещение Руси и стал решать задачу создания единой религии другим способом. На другом краю света, в южноамериканской Инкской империи, ее прави-

тели приказали доставить в храм Солнца в Куско главных местных идолов со всех завоеванных территорий.

Эти попытки объединить пестрое божье воинство были отнюдь не случайными. Единой власти на земле должна была соответствовать единая власть и на небе. И если общество еще не пришло к единобожию, то нуждается хотя бы в систематизации и объединении в иерархию многих богов.

Почти за тысячелетие до римлян аналогичную попытку предпринял вавилонский царь Набонид, тоже собравший у себя в столице идолов из разных городов своей державы.

Надо сказать, что почти все такие «механистические» попытки объединения местных религий были не очень удачны. Одно из немногих, если не единственное исключение — опыт Индии. В какой-то мере «объединить богов» удалось индийскому брахманизму. Бесчисленные тысячи богов его ничуть не мешают друг другу.

Мало того. Вот уже двенадцать веков, как фанатичный ислам принес в Индию своего аллаха, ни с кем не расположенного делить небо и храмы. Первая заповедь ислама гласит непререкаемо: нет бога, кроме бога. Но в Индии случается невероятное: мечеть «по совместительству» служит порою и индуистским храмом.

Это уже удивительная особенность древней индийской культуры.

Но боги, а точнее, связанные с ними представления, могли путешествовать и от народа к народу.

Тут сразу вспоминается христианство. Если в Америке и кое-где в Азии и Европе его насаждали силой пришельцы из других мест, то на большей части территории Старого Света оно победило изнутри, поскольку больше отвечало новому уровню развития общества.

Победители насаждали мусульманство в Северной Африке, но во многих районах Центральной и Запад-

ной части Черного материка оно победило без военной помощи арабских полководцев.

А если заглянуть в историю поглубже?

У нас нет никаких оснований считать, что хоть один египтянин когда-нибудь побывал в Восточной Сибири или в Заонежье. Но на скалах в Забайкалье не раз был выбит в незапамятные времена четкий рисунок солнечной ладьи. Лодка с высоко поднятым носом и кормой, в ней гребцы, а на носу — солнце, круг с исходящими из него лучами. Рисунок, который мы назвали бы сегодня детским. Но не дети били камнем о камень, проводя эти четкие линии.

Солнечная ладья «плавает» на скалах в Карелии и Азербайджане, на Скандинавском полуострове и в Англии. И она же любимое изображение древних египтян.

Древний Египет переправил к нам через тысячелетия свои молитвенные гимны. Благодаря этому мы знаем ежедневное расписание бога Ра, который каждые сутки совершал кругосветное путешествие. Днем он плывет по небесному Нилу к западным горам, где находится вход в подземный мир. Там со своей дневной ладьи Ра пересаживается в новую, ночную, и плывет в ней уже по подземному Нилу. Ровно в полночь схватывается здесь бог Ра с олицетворением тьмы — змеем Апопом. Тот пытается остановить ладью Ра, выпив всю воду подземного Нила. Побежденный, Апоп изрыгает воду обратно.

В следующие сутки все повторяется. Нелегкое это дело — быть у древних египтян богом Солнца. Но надо же им было как-то объяснить себе смену дня и ночи. А если вспомнить, что Египет, по старому определению не более чем «дитя Нила», что страна всем обязана этой реке и даже создана ею, ее наносами — мудроно ли, что вверху и внизу, на небе и под землей, эта великая река тоже течет.

А по реке, естественно, плывут на ладье.

Но древние египтяне не могли заставить Нил течь в

Тихий океан. А солнечные ладьи есть ведь даже на берегах Амура и Уссури. Ладья — и змеи рядом — в пещере в горах Тянь-Шаня.

Впрочем, солнечная ладья путешествует не только в пространстве, но и во времени.

Русский праздник масленицы привязан к определенному дню христианского календаря, но на самом деле у него куда более древнее языческое происхождение. И связан этот праздник с солнцем, недаром он приходится на дату, близкую к весеннему равноденствию. И не случайно на народных гуляньях в день масленицы русские северяне нередко устраивали катания в лодках, поставленных на полозья. В лодках же полагается путешествовать и дневному светилу.

Словом, солнце для множества народов плыло по небу не в переносном, а в самом прямом смысле. Изредка оно пересаживалось в колесницу — так было у греков гомеровских времен и индийцев, да и в латышских народных песнях солнце ездит в колеснице.

Иногда миф объединял ладью и колесницу. Слова, из которых, по мнению многих лингвистов, получилось наше «карнавал», значат «морская колесница». И в праздниках карнавала у некоторых народов важное место занимают бутафорские корабли, снабженные колесами.

Все эти сведения позволяют понять смысл солнечных ладей, изображенных на скалах. Но, в конце концов, может быть, каждый народ самостоятельно пришел к идее о плавании солнца?

В принципе, вероятно, в этом не было бы ничего невозможного. (Хотя далеко не во всех странах мира водный путь играл ту же роль, что в Египте.)

Но почему-то солнечные ладьи никогда не находили в Америке. А вот на Амуре и в Швеции они появляются примерно в одно время — три-четыре тысячи лет назад. Иначе говоря, во II тысячелетии до нашей эры. Схожие представления обычно рождаются одновременно и неза-

висимо у народов, живущих примерно в одинаковых условиях. Но в Египте в это время уже существовало государство, и жили египтяне в бронзовом веке, а древние амурцы, тьяншанцы, скандинавы были еще людьми каменного века.

И сейчас большинство историков убеждено, что солнечные ладьи расселились по Старому Свету из Египта, и мало кто с ними не согласен.

Кто не знает, как широко распространилось когда-то по земному шару христианство! Исторически раньше христианства отправилась в путешествие по Европе и Азии другая быстро распространившаяся религия. Ее название — митраизм, а путь ее начался в Иране.

В Иране тогда царило многобожие. Но оно довольно сильно отличалось от многобожия греков. Об этом можно судить по священной книге древних иранцев — Авесте.

Греки не знали дьявола. Плутон, владыка Ада, был братом и помощником Зевса. Мелкие злые боги были слишком мелки, чтобы хоть как-то сталкиваться с царем богов. А вот у персов мир живет благодаря вечной борьбе Ормузда и Аримана — бога света и бога тьмы. Но были в иранском пантеоне и еще боги, кроме двух основных, и среди них постепенно «выдвинулся» на первый план Митра.

Обязанности Митры были разнообразны и менялись на разных этапах его карьеры. Сначала он, по мнению некоторых ученых, олицетворял общину, воплощал в себе силу союза между людьми, связанными общим местом жительства и родством. Ведь само имя Митра означало на языке священных книг слово «друг». Другие ученые полагали, что Митра, наоборот, отображает идею верховной власти, воплощенной в царе. Возможно, верны обе точки зрения — с течением времени изменялось общество, почитавшее Митру, и при этом «пересоздавало» бога на новый лад.

Советский исследователь Г. А. Кошеленко предпо-

ложил, что развитие общества привело к превращению Митры из безличной силы в конкретное божество.

Каждый из богов проходит в своей жизни через множество перипетий. И Митра, побыв воплощением идей общественного порядка вообще, постепенно стал их хранителем (недаром же в Индии он числился согласно Махабхарате в касте кшатриев — воинов). Среди его обязанностей вскоре выступает на видное место одна чрезвычайно важная и характерная: Митра становится покровителем и защитником договоров между странами. Это, наверное, и возможно стало прежде всего потому, что его чтили уже представители разных народов. С другой стороны, такие международные функции способствовали авторитету Митры у соседей, которым остальные боги иранского и индийского пантеонов могли казаться чужими.

Митра всевидящ и правдолюбив, он бог солнечного света, как Аполлон у греков. А боги, ведавшие солнечным светом, далеко не во всех странах оказывались верховными богами, но почти всегда пользовались особой любовью народа. (Недаром согласно некоторым греческим мифам отцом бога, который сменит у власти Зевса, должен был оказаться Аполлон.) Словом, по «личным качествам» Митра оказался удачным претендентом на пост единого бога новой религии. В самих Иране и Индии это облегчалось тем обстоятельством, что языческая религия там не возбраняла выбор человеком для себя из бесчисленного сонма богов одного как главного. И не требовала, чтобы этим главным богом был непременно официальный верховный бог.

А в Европе и на Ближнем Востоке назрела уже к началу нашей эры потребность в новой религии. В ней неосознанно нуждалась новая государственная организация, объединившая огромную территорию, — Римская империя.

Новые формы эксплуатации создавали потребность в новых формах религии у господствующего класса. Ста-

рые уже не могли в нужной эксплуататорам степени подчинять народные массы.

В Индии к тому времени такая новая религия уже победила. Ею стал буддизм. В III веке до нашей эры император Ашока принял эту веру и занялся ее распространением. Из Индии буддизм, меняясь и развиваясь, продвинулся в Китай, в Центральную Азию, в Японию.

Но буддизм, по-видимому, благодаря каким-то своим чертам не подходил ни персам, ни грекам, ни римлянам. Им нужна была религия... более деятельная, что ли. И претендентом на трон единого бога Запада выступил сначала Митра. Этому опять-таки способствовали его «обязанности» по налаживанию контактов между народами — не зря же он был ко всему прочему богом — покровителем политических союзов.

Есть у Киплинга роман «Меч Виланда», составленный из серии то ли новелл, то ли повестей, рассказывающий о событиях разных эпох английской истории. В одной из этих новелл римский офицер Парнезий, охраняющий от жителей нынешней Шотландии великую стену между нею и Англией, спасает воина из какого-то германского племени, воюющего против римлян в Британии.

«Я наклонился и увидел на его шее вот такую медаль, — Парнезий поднес руку к своему горлу. — Поэтому, когда он был в состоянии заговорить, я задал ему один вопрос, на который можно ответить только известным образом. Он выговорил нужное слово — священное слово поклонников Митры, моего божества; пока он поднимался на ноги, я прикрывал его своим щитом... Он сказал: «Что же дальше?» Я ответил: «Как желаешь, брат мой, оставайся или уходи...» Я знал... что почитателей Митры много в различных племенах, а потому не стал раздумывать об этом случае».

Киплинг не придумал ничего невозможного. Митраитов становилось все больше не только в Иране и Рим-

ской империи, но и за ее пределами. Следы митраитских храмов находят и в Англии, и во Франции, и в Германии. Мало того, один такой храм нашли в районе Упсалы, древней столицы шведских королей!

Но и среди богов налицо конкуренция. Молодое христианство одолело старого бога индоевропейцев. Почему?

Сложный вопрос. Одной из составных причин могла быть как раз меньшая «оппозиционность» Митры по отношению к язычеству. Он сам был «из язычников», поклонение ему не было, как поклонение Христу, осознанным или неосознанным актом протеста против римской власти. А христианство, прежде чем стать государственной религией, в какой-то степени объединяло вокруг себя силы, враждебные существовавшему общественному устройству, хотя и не собиравшиеся большей частью активно бороться против него.

Когда-то английский историк Карлейль удивлялся, почему говорят о стремлении людей к благополучию и покою. Судя по истории, говорил он, главные приманки для человека — мученичество, самопожертвование. Да, бывают моменты, когда эти слова оправдываются. Митра был «легальным» богом, Иисус — «нелегальным». Разумеется, тут лишь одна из причин, другие могли быть и поважнее, но и эту не стоит скидывать со счетов.

Играло роль и то, что христианство было более синтетической, если можно так выразиться, религией. Оно сумело включить в свою мифологию философию и мораль, многие важные детали из систем мировоззрения, выработанных египетской, иудейской, греческой, индийской и другими культурами. Вошли в него как составная часть и некоторые элементы митраизма. Вошли до такой степени наглядно, что дата «рождества Христова» — 25 декабря, как и у Митры. И отчетливые черты Митры приобрел архангел Михаил, тоже главнокомандующий небесных воинов. Но главный, может быть,

вклад митраизма в христианство — идея сатаны, олицетворяющего силы зла. Ведь именно таков Ариман у древних персов.

Правда, Эрнест Ренан, видный французский историк, говорил, что, если бы в свое время «христианство» поразило какой-нибудь смертельный недуг, мир стал бы митраитским.

Кончились путешествия Митры, начались — Христа. Только в конце X века состоялось крещение Руси, еще позже — крещение Норвегии, причем здесь король — «апостол» Олаф, в конце концов, погиб в сражении с язычниками. Очень любопытным образом произошло введение новой религии в Исландии, самом северном из населенных островов Европы. Борьба с язычеством кончилась соглашением на народном собрании, и по этому соглашению языческие жрецы просто-напросто стали христианскими священниками.

Стоит напоследок упомянуть еще об одной религии — возможной конкурентке христианства. Если в I веке новой эры римляне начали гонения на христиан, то в первом веке до нашей эры они примерно теми же методами боролись с поклонниками египетской богини Изиды. Это кажется странным. Официальный Рим, позже вообще стремившийся ввести в свой пантеон богов всех областей, включенных или готовых к включению в империю, в этот момент считал «изидизм» опасным конкурентом для культа исконных римских богов. Против поклонения Изиде боролись, ее храмы разрушались. Но, может быть, сам размах этой борьбы был вызван именно очень большой популярностью Изиды в самом Риме. Когда Сенат в 50-м году до новой эры постановил уничтожить храм Изиды в Риме, в городе не нашлось ни одного ремесленника, готового за любую плату начать разрушение. Страх перед богиней или ее почитателями был слишком силен. Рушить храм начал консул, дабы было выполнено государственное решение.

Гонения вели к волнениям и даже мятежам. В кон-

це концов, прямое преследование верных Изида пришлось прекратить.

Изида стала на несколько веков предметом почитания не только в Египте и многих областях Римской империи, но и в Парфии, отзвуки ее культа доходили до Средней Азии и Индии. Изида приобрела к этому времени международное значение, о чем свидетельствует такой гимн I века до новой эры.

«Дарительница богатств, царица богов, всемогущая, счастливая судьбой, Изида... создавшая все сущее... Ты установила законы, чтобы царил порядок, изобрела искусство, чтобы жизнь была хороша... Все народы, которые живут на бескрайней земле, — эллины, финикийцы, варвары — все прославляют твое прекрасное благое имя, хотя на родном языке каждый зовет тебя по-своему... Все, ожидающие смерти в тюрьме, жестоко без сна страждущие, плывущие по морю во время страшной бури... — все обретут спасение, моля тебя, чтобы ты пришла на помощь...»

Но этот же гимн заставляет вспомнить и о культе богоматери, особенно развитом ныне в Испании и Италии. Изида оказалась одним из прообразов для создания святой Марии-богоматери. Мы ведь уже видели, что боги умеют меняться, перебираясь из страны в страну, из века в век. Богам это делать легко, ведь они выдуманы.

АЛЕКСАНДР И АЛЕКСАНДРИИ

Простое путешествие древнего грека через всю Малую Азию, Персию, Вавилонию, путешествие, во время которого он пересек Среднюю Азию, побывал в Переполе и Тире, в Египте и в Индии, — повторяю, простое путешествие такого рода во времена, предшествующие Александру, сделало бы неутомимого путника знаменитым.

...Это до сих пор, спустя двадцать три века, кажет-

ся поразительным. Двадцатилетний юноша отправляется покорять мир... и покоряет весьма солидную его часть. Его чисто военные достижения, прямые открытия в военном деле высоко оценивал Фридрих Энгельс. Непревзойденный воин, укротитель необъезженных коней, Александр к тому же знаток поэзии и ученик Аристотеля — главы тогдашней мировой науки. Вот кому довелось стать во главе греков, объединенных мощью его отца. Вот кто совершил «невозможное»: сокрушил Персидскую империю, превосходившую маленькую Грецию во многие десятки раз и по населению и по площади.

Сколько лет, как этому походу не перестают удивляться!

Но современники, боюсь, все-таки меньше удивлялись победам Александра, чем потомки. Исторические неожиданности кажутся неожиданностями, как правило, потому, что мы слишком мало знаем о причинах и предыстории определенных событий.

Даже самые поразительные исторические события происходят в силу законов истории, а не вопреки им. И завоевания Александра в глазах советских ученых выглядят на общем фоне эпохи как следствие вполне объективных причин, результат конкретной исторической обстановки.

По-видимому, соотношение сил между Грецией и Персидской державой задолго до Александра стало складываться не в пользу Персии. Греческие города ушли далеко вперед в своем социально-экономическом развитии. Греция была на подъеме, и недаром до сих пор человечество помнит имена ее поэтов, ученых, политических деятелей и полководцев. Греческие солдаты и моряки славились тогда по всей Ойкумене.

Карл Маркс писал: «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра».

Греки и македонцы сделали несколько значительных чисто военных изобретений и открытий, разработали новые правила стратегии и тактики.

Задолго до начала македонских завоеваний греки выиграли несколько войн с Персией, пытавшейся покорить Элладу.

За полсотни лет до Александра спартанский царь Агесилай уже вторгся в глубь Персидской державы, разгромил правителей нескольких областей, привлек на свою сторону иных вражеских наместников и «сильных людей» разных городов и вообще поставил врага на край гибели.

Уже планировался поход на Эктабаны, тогдашнее местопребывание персидского владыки, и, может быть, великую державу спасло лишь то, что усиления Спарты боялись другие эллинские государства.

Афины и Фивы послали против своей грозной соперницы сильные армии. Царь Агесилай с войсками был срочно отозван на родину и подчинился приказу. Не забудьте, царь в Спарте отнюдь не был владыкой страны или хотя бы правителем ее, царей было двое, да и на их общую долю падала только часть государственной власти. (Кстати, Агесилаю, как позже Александру, были предложены божеские почести — это сделали жители острова Фасос в Эгейском море. Агесилай ответил: пусть сперва они обратят в богов себя самих, тогда я поверю, что и меня они в состоянии сделать богом.)

Несколько позже философ Исократ призывал греков к объединению ради мира в стране и завоеваний вне ее, причем опять-таки считал вполне реальным захват всей Персидской державы. И, насколько мы можем судить, никто не обвинял его за этот план покорения Персии в бессмысленном прожектерстве; увы, куда более пессимистически смотрели политики тех времен на возможность объединения Греции, разорванной на многие десятки государств.

Наконец, сам Аристотель, объявивший, вообще говоря, идеальным государством такое, в котором было бы не более десяти тысяч граждан, иначе как же им обсуждать государственные дела, — сам Аристотель, повторяю, считал, что греки достаточно сильны для покорения мира. Объединившись, они могли бы его покорить, но тогда, меланхолически замечал великий философ, это были бы уже не те греки...

Можно считать это точным политическим предсказанием. Объединенных сил греков хватило для разгрома и покорения не только персов, но и многих народов восточнее, севернее и южнее Персидской державы.

Благодаря Александру Македонскому европейцы лучше познакомились с Индией и Средней Азией, и в этом смысле весь поход его был путешествием, причем не одного, а многих тысяч людей. Но гораздо важнее для истории оказалась вызванная им встреча двух миров.

В «Краткой всемирной истории», изданной Институтом истории Академии наук СССР, подчеркиваются глубокие исторические последствия восточного похода Александра.

Там говорится, в частности: «Период от смерти Александра до завоевания Римом Греции и Ближнего Востока принято называть периодом эллинизма. Под эллинизмом понимается установление греческого господства на Ближнем Востоке и взаимовлияние двух цивилизаций: греческой и восточной — их экономики, политических форм, культуры. Эллинизм, несомненно, сыграл исторически прогрессивную роль... Особенно плодотворным оказалось взаимовлияние двух культур».

Для «отца истории» — Геродота, жившего за. век полтора до македонских завоевателей, мир резко и отчетливо делился на две основные части: Эллада и земли варваров. Эти две части прямо противостояли друг другу. Свою «Историю» Геродот начинает с выяснения,

кто именно был виновником раздоров между эллинами и варварами. При этом варвары для него нечто единое, живут они в Колхиде или Финикии, Персии или Египте.

После походов Македонца эллины оказались разбросаны по всей огромной территории империи в качестве чиновников и солдат.

Культуры Востока и Запада неизбежно должны были не просто соприкоснуться между собой и воздействовать друг на друга, но смешиваться, как смешались в молодой и недолговечной Македонской державе разные народы и разные политические системы.

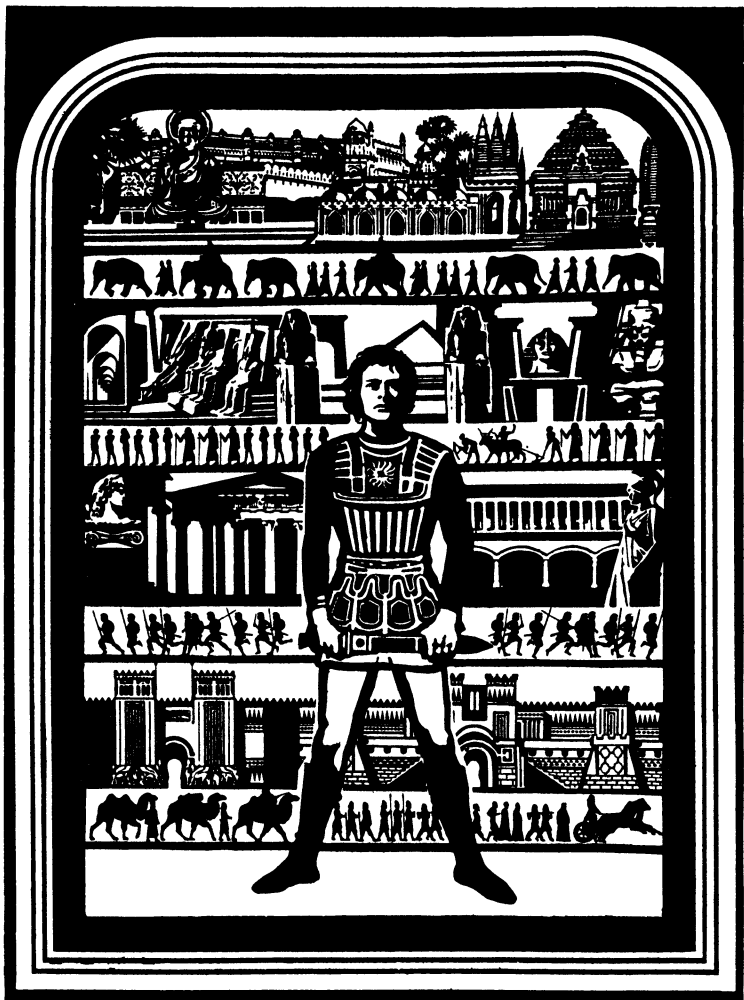
Впрочем, на самом деле здесь встретились не две культуры, а гораздо большее их число. В состав империи Македонца вошла ведь и часть Индии, в ту пору, как и ныне, отличавшейся яркой и своеобразной цивилизацией, поражавшей воображение людей Запада сильнее, чем любая другая страна.

Египет, вот уже почти два века подчинявшийся персам, добивался независимости. Здесь все время вспыхивали восстания. Персидское влияние на египетскую культуру оказалось ничтожно, и египетская цивилизация была до тех пор вполне самостоятельной.

Да и огромное наследие Вавилона, лежавшего в самом центре Персидской империи, осваивалось громоздкой державой далеко не в достаточной мере. Персидское государство делилось на области, между которыми не было почти ничего общего.

Александр же якобы повелел, чтобы все считали своим «родным городом — мир», его «акрополем — лагерь», чтобы родственниками считали всех доблестных, а чужестранцами дурных людей. Конечно, под миром тут понималась его собственная мировая держава.

В I веке до нашей эры историк Диодор Сицилийский в своей книге процитировал одно из программных заявлений Александра. Из него следует, что Македонец за-

думал построить город с заведомо смешанным населением. Мало того. Целые народы должны быть перемещены из Азии в Европу и наоборот, причем без вреда для этих народов; словом, Александр задумал, если верить Диодору, целую систему мероприятий по превращению гигантского конгломерата племен и народов в единый народ. Такая задача не под силу одному человеку, какую бы властью он ни обладал. Но поражает уже самый замысел. (Если, конечно, он существовал. В истории не раз случалось, что позднейшие писатели, осмысляя дела политиков, вкладывали в их уста собственные суждения.)

В Греции жило в это время немало больших ученых. Но почти все они ставили эллинов несравненно выше «варваров». Никому из них в голову не могла прийти идея о растворении греков в «варварском» море.

А для Александра эта идея стала, по-видимому, любимым детищем.

И начала в какой-то степени осуществляться.

Основой для такой попытки послужила, конечно, не сама по себе «воля завоевателя», а исторически сложившееся положение вещей, подготовившее возможность резкого сближения культур многих стран Запада и Востока.

Торжество эллинистической культуры на развалинах Македонской державы вопреки расколу империи на множество государств опять-таки подтверждает историческую обусловленность похода Александра. Культуры разных народов смогли в определенной мере объединиться прежде всего потому, что созрели для такого объединения. Иначе монархия Александра оставила бы совсем иной след в истории.

Александр придавал большое значение тому, чтобы выглядеть в глазах своих новых подданных не завоевателем, а законным государем. Он всячески напоминал, что разгромленный Дарий перед смертью сам объявил его своим наследником. Он женился на дочери Дария,

чтобы закрепить свои «наследственные права». А еще раньше взял в жены дочь побежденного князя Бактрии. (Бактрия лежала в основном на территории Афганистана и на юге нашей Средней Азии.) Но если в первом случае Александр никого не призывал следовать своему примеру, то, женись на персиянке, он в этот же день пережил тысячи своих воинов на бактрийках, индианках, персиянках...

Всякая встреча народов оборачивается, в частности, смешением их крови, но Александр первым, вероятно, сделал смешанные браки поощряемыми в государственном масштабе.

«Международная свадьба» была закреплением новых хозяйственных и культурных контактов, волей-неволей возникавших в великой державе.

Но и это было только небольшой, хотя и многозначительной деталью общей картины событий.

В 1972 году издательство «Наука» выпустило книгу английского археолога Мортимера Уилера, посвященную наследству, оставленному временем Александра.

У книги есть подзаголовок: «Поворотный пункт истории». Ответственное заявление! Но случилось, что ученые решались на еще более категорические характеристики, когда речь шла об эпохе македонских завоеваний. Русский академик В. Бартольд утверждал, что образование империи Александра самое важное событие в мировой истории. С этим, конечно, нельзя согласиться, и все-таки о масштабе факта такие определения говорят достаточно хорошо.

Культуры Востока и Запада, Азии, Европы и Африки, конечно, вступали в контакт и до этого.

Жил, например, в Греции скульптор Мирон, имя которого до сих пор вспоминают с благоговением художники всего мира. Многие, наверное, видели статуи его работы, в копии, разумеется. Но современники считали не менее талантливым скульптором и грека Телефана, который работал, по сообщению Плиния, «исключитель-

но в царских мастерских Ксеркса и Дария» — персидских владык. Впрочем, вся эта книга говорит о движении людей, вещей, и, кажется, из нее видно, что все эти движения достаточно интенсивно происходили и до Александра. Но тот буквально «впрессовывает» разные культуры друг в друга. Так бруски свинца и меди, мощно придавленные друг к другу, образуют диффузионный слой, в котором смешаны молекулы обоих металлов. А на перекрестке Египта, Греции, Вавилона, Индии и еще доброго десятка стран возник тот сплав культур, который мы называем эллинизмом.

Сразу надо оговориться, что термин «культура» в устах ученых обозначает гораздо более широкое понятие, чем в нашей разговорной речи. Хозяйство оказывается тут только частью культуры в этом смысле слова. И взаимовлияние различавшихся друг от друга хозяйственных укладов часто весьма полезно в самом что ни на есть практическом смысле. Греки ввели в сельское хозяйство Египта, например, такие важные культурные растения, как виноград и оливки, завезли новые породы скота. Советский историк А. Павловская пишет: «Соединение технических достижений и трудовых навыков местного и пришлого населения, греческой предприимчивости и египетского трудолюбия привело к повышению производительности всех отраслей сельского хозяйства и ремесла». Видный советский ученый В. Сергеев говорит об эллинизме как о прогрессивном этапе в развитии рабовладельческого общества, подчеркивает роль эллинизма для роста производительных сил в этом обществе.

«...Вследствие греко-македонских войн сама Греция как бы переместилась на Восток. Все устремились туда: воины, торговцы, промышленники, художники, ученые, простолюдины. В результате постоянного оттока населения с Запада на Восток Греция потеряла свое былое значение, уступив во многих областях первен-

ство эллинистическому Востоку» — так пишет советский историк и философ В. Чалоян.

Простейший, пожалуй, пример. Все мы знаем имя Евклида. А где жил этот великий греческий геометр? Да в египетской Александрии! И там же цветник других греческих имен, в числе которых имена самих царей и членов царской семьи — Птолемея, потомков македонского полководца Птолемея Лага. Один из них оказался великим астрономом, другой — замечательным историком. В Александрии жил грек Эратосфен, первым измеривший земной шар. Здесь же учился и долго работал великий Архимед.

Происходит чудо: египетский город, основанный Александром, одна из семидесяти его Александрий, сменяет Афины в качестве столицы греческой культуры.

Птолемеи именовали себя фараонами и поклонялись египетским богам, но их двор, армия и чиновники говорили по-гречески. Первый Птолемей создал александрийские Музей и Библиотеку. Это были не музей и не библиотека в современном смысле. Музей скорее соответствовал Афинской академии, точнее, был первым университетом мира, огромным высшим учебным заведением, просуществовавшим несколько столетий. Герон, изобретатель паровой машины, как и Евклид, был одним из профессоров этого университета, Архимед — одним из студентов. Библиотека же была местом не только хранения книг, но и размножения их; она же занималась и книжной торговлей.

Тут стоит процитировать Герберта Джорджа Уэллса. Он писал не только фантастику. Ему принадлежит еще, в частности, книга под названием «Краткая история человечества (от возникновения жизни на Земле до Октябрьской революции и начала возрождения России)».

Вот что пишет Уэллс в этой книге об эллинистическом Египте:

«...Здесь мы ясно видим первые зачатки того умственного процесса, который продолжается в наше вре-

мя. Мы видим здесь систематическое собирание и распространение знаний. Основание этого Музея и Библиотеки отмечает одну из величайших исторических эпох в жизни человечества. Это истинное начало Новой истории».

Как видите, для Уэллса гораздо важнее сравнительно далекие последствия Александровых походов, чем они сами. И тут он, возможно, прав, хотя с тем, как он делит историю на периоды, согласиться трудновато.

Но эта африканская Александрия не исключение.

В Сирии процветают города с греко-сирийской культурой, в Индии пышным цветом распускается греко-индийская культура. Цари с греческими именами правят на юге Средней Азии и на севере Индии. В Ираке, Средней Азии, Афганистане и Индии находят сделанные на месте, но очень похожие на греческие, изображения людей и богов.

Правивший Индией в III веке до нашей эры император Ашока, сделавший буддизм государственной религией, выбивал на скалах, статуях и стенах домов надписи не только на санскрите, но и по-гречески (впрочем, также и на арамейском языке — для своих подданных на бывших персидских территориях).

Цепочки городов, где вместе с коренным населением страны жили греки, потянулись в центр Азии, захлестнув долины меж отрогов Памира и Гималаев.

А греческий город на чужбине представлял собой тогда не просто город, заселенный греками. Город, полис, в представлении эллинов был настоящим организмом, целым и прекрасным живым существом, и счастлив мог быть человек только в своем полисе, где он принимал участие в общественной жизни (не зря же Аристотель определил человека как политическое животное. А слово «политика» — оно и происходит от гордого имени «полис»).

Этими своими правами, правами свободных людей, греки так дорожили, что иные основанные Александром города тут же начинают восставать против него, борясь

за политические права. И в этой борьбе, конечно, принимают участие не одни лишь греки.

Греческая культура дала свежие ростки на чужой земле, потому что стала для этой земли своей. Историки говорят о греко-бактрийских и индо-греческих царствах и городах. Потому что греки не только насаждают свою культуру, но принимают и чужую. Выходцы из Малой Азии, из Сирии и Армении приезжают в Афины и Александрию, чтобы стать здесь видными учеными. Просто принять греческую культуру — на это народы новой империи не пошли бы. Она была привита как яблоневая ветка к яблоне другого сорта, произошло соединение.

Эллинизм, общая культура Греции и Востока, стал затем основой и римской культуры. Крупнейший римский прозаик, великий Лукиан, живший через целых пять столетий после Македонца, был по происхождению сирийским греком, представителем не только римской, но и эллинистической культуры.

Юлий Цезарь, полководец и писатель, торжественно объявил когда-то о даровании римского гражданства представителям эллинистической философии. Это были широкий жест и щедрая награда. Среди философов, которые ее получили, были люди, родившиеся свободными, но были и бывшие рабы, отпущенные на волю, — весьма ограниченная в своих правах группа населения. Между тем само римское гражданство, пожалуй, представляло собой в ту пору не менее редкую и не менее ценимую награду для иноземца, чем в царской России дворянство. Юридический акт был признанием роли, которую играла эллинистическая философия для Рима. В то время как римляне покоряли Грецию и Восток силой оружия, та и другой брали реванш, влияя на их культуру.

Через восемь с лишним веков после походов Македонца византийские императоры закрыли Афинскую академию, запретили языческие философские школы.

Та самая деятельность, за которую Юлий Цезарь давал римское гражданство, оказалась в Новом Риме почти вне закона. Но к тому времени эллинизм как культура вошел в кровь и плоть византийцев, на его основе развивалась их цивилизация. Они не могли отказаться от наследия эллинизма, как не могли начать ходить на четвереньках.

И когда в VII веке нашей эры арабы заняли в числе прочих земель часть бывшей империи Александра, они получили в наследство эллинизм, учение Аристотеля и Пифагора.

Сила эллинизма была в соединении разнородных элементов, в том, что он умел и учил принимать дары разных культур, способствуя взаимообогащению народов. Страны и народы, попавшие в сферу его влияния, не чувствовали себя вынужденными отказаться ни от богов своих, ни от обычаев. Александр был завоевателем, но культура, которую несли греки, вступала с местной культурой в мирное и плодотворное взаимодействие.

Эллинизм же сделал возможным появление христианства, потому что сам по себе представлял контакт культур, давших христианству и форму его, и содержание. Характерная для Египта идея смерти и воскрешения бога; мораль, разработанная представителями греческой философии, прежде всего школой стоиков; иудейское учение о едином боге и о спасении человечества его посланцем, мессией; индо-иранское представление о боге, покровительствующем всему человечеству, — все эти разнородные элементы вместе с другими, тоже разнородными, объединившись, образовали основные элементы нового религиозного учения.

И их синтезу предшествовал синтез, пусть далеко не полный, самих культур, породивших эти элементы.

Александр Македонский был великим полководцем, государственным деятелем, но, кроме этого, начатому им делу еще и удивительно везло. Посудите сами.

Он в конце-то концов был завоевателем, он пролил крови и сжег городов, наверное, немногим меньше, чем другие «покорители мира», хотя те и не ходили в учениках у Аристотеля. Вызванные им потрясения дорого обошлись и завоеванным народам, и самим македонцам, и грекам. Но возникшая на землях недолговечной империи эллинистическая культура оказалась одним из ценнейших достижений человечества. На многих странах, оставленных Македонцем в покое, тоже сказались последствия его походов. Персидские мастера, например, бежали в оставшиеся свободными районы Индии, и там по-новому расцвело все живое в старой культуре Среднего Востока.

Думая о судьбе Александра, я каждый раз вспоминаю диалог из пьесы Хенрика Ибсена «Борьба за престол», пьесы, посвященной отнюдь не греческой, но норвежской истории, пьесы, рассказывающей, в частности, о том, как утвердилась в средневековой Норвегии власть короля Хокона. Но этот диалог кое в чем, по-моему, отражает и жребий Александра:

«Епископ Николас. Кто совершает величайшие дела в мире?

Ярл Скуле. Величайший из мужей.

Епископ Николас. А кто величайший?

Ярл Скуле. Самый отважный.

Епископ Николас. Так говорит вождь. Священник сказал бы — самый благочестивый, ученый сказал бы — самый мудрый. Но это ни тот, ни другой, ни третий, ярл. Счастливейший — вот величайший. Величайшие дела совершает счастливейший, тот, на кого требования времени нисходят сами собой... родят мысли, которых он сам не понимает, но которые указывают ему пути...»

И, пожалуй, Александр действительно был счастливейшим в том смысле, какой придал этому слову норвежский драматург.

Повторяю, Александр жил в очень удачное время,

когда культура Запада и Востока созрела для встречи. Недаром же, я говорил уже об этом, Персию могли бы завоевать и до Александра.

Итак, логика истории дала Македонцу победу. А что же сам Александр? На первый взгляд, как говорилось, в роли завоевателя мира оказался человек, развитый и физически и духовно.

И в русской дореволюционной и в западноевропейской буржуазной историографии оказалась очень сильна тенденция идеализировать Александра. Начало ей было положено еще некоторыми античными историками, но на духовном облике Александра резко сказались противоречия эпохи; более того, душа человека, пытавшегося объединить Запад и Восток, стала ареной битвы между Западом и Востоком. Милый юноша проявил, став неограниченным владыкой, множество весьма отрицательных черт характера; мало того, он даже позволил египетским жрецам провозгласить себя сыном бога Аммона и богом.

Личные мотивы, руководившие царем Александром, когда он дал себя обожествить, далеко не так важны, как подлинные социальные причины, вызвавшие это обожествление. Оно стало свидетельством того, насколько быстро греки воспринимали отдельные черты восточной культуры.

Историки считают, что обожествление Александра было реваншем Востока в борьбе с победившей его Элладой; оно знаменовало поражение эллинских политических идеалов при столкновении с привычным для Востока возвеличиванием царской власти.

Еще отец Александра на предложение провозгласить его богом ответил полупристойной насмешкой. Презрительно встретил попытку своего обожествления уже упоминавшийся спартанский царь Агесилай. А лаконичные сограждане Агесилая, узнав о провозглашении Александра богом, сурово произнесли: «Если Александр хочет быть богом — пусть он будет им».

Согласно Плутарху после первых же побед у Александра начались конфликты с друзьями, добывавшими ему эти победы, не раз спасавшими полководцу жизнь. Новые друзья, «варвары», пошедшие на службу к победителю, не только дрались за него, но и охотно падали перед ним ниц — по первому намеку и без такового. Грекам же и македонцам претило хотя бы встать перед кем-нибудь на колени. Александру не нравилась эта гордость. Впрочем, подробный разбор достоинств и недостатков «Сына Аммона» был бы в этой книге не к месту.

Но, так или иначе, в глазах потомков Македонец оказался тоже «счастливейшим», стал олицетворением своей эпохи. Сама популярность его имени до наших дней свидетельствует об этом. Имя Александр давно вошло в число наиболее употребительных европейских и азиатских имен. В Средней Азии очень распространено имя Искандер — это все тот же Александр. Нетрудно узнать его же в имени албанского национального героя Скандербега. Мало того, оказалось увековеченным и имя прекрасной бактрийки Роксаны, ставшей женой завоевателя. Оно тоже живет уже третье тысячелетие, причем остается чрезвычайно популярным на Востоке. Равшан, Раушан, Рушан — так зовут многих узбечек и таджичек, а это и есть имя, в устах греков принявшее форму «Роксана».

Кстати, помните ли вы пьесу французского писателя Ростана «Сирано де Бержерак»? Имя Роксаны носит ее героиня.

Об Александре и сейчас рассказывают бедуины на привалах и курды в горных поселениях.

Но если поразительны походы Александра, то еще поразительнее, как бы это точнее сказать, посмертные приключения и путешествия Македонца.

Давайте проследим за движением во времени и пространстве сказания об Александре.

Первый его вариант — «Роман об Александре», ко-

торый приписывали Каллисфену, племяннику Аристотеля. Тому самому Каллисфену, которого по приказу царя то ли казнили, то ли просто уморили в темнице. Поскольку роман описывает и смерть самого Александра, то о ложности этого «авторства» спорить не приходится.

Никто не знает, кто сочинил этот роман, мало того, Е. А. Костюхин, автор книги «Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции», настаивает: «Нет смысла и в споре об авторе романа: над созданием его работал не один человек».

Судьба романа интересна как всякое долгое и богатое приключениями путешествие, но, что еще важнее, в сказании отразился международный характер деятельности Александра, и наиболее явное признание этого — те изменения, которые вносятся разными вариантами сказания в родословную его героя.

Роман в своей древнейшей редакции появился в Александрии, в Египте. Естественно, что Александр оказывается сыном египетского царя. Тот был изгнан с родины, бежал в Македонию и обманул там царицу, выдав себя за бога Аммона.

Роман прославляет Александра буквально до небес, выделяя и гиперболизируя часто в его образе те же черты, которые дороги нам и сегодня: черты искателя и первопроходца, человека величайшей творческой дерзости. Биография Александра давала фантазии писателей разных эпох благодатную основу — и фантазия строила на ней свои причудливые сооружения.

«Роман об Александре» прибавляет Македонцу завоеваний. Он только готовился к походу на Италию — его «двойник» в романе совершает такой поход. Мало того, Александр идет еще в страну мрака за живой водой. А потом он доходил и до края земли, ему вещали будущее волшебные деревья, и птицы с человеческими лицами запрещали ему вход в «страну блаженных».

«Роман об Александре» продвигается со временем

на запад, на север, на юг и на восток, далеко за пределы давно исчезнувшей Македонской империи. Все сильнее становятся в нем фольклорные мотивы, и по праву сотворцов люди разных народов продолжают работу над образом героя и его приключениями. В эфиопской версии романа Александр оказывается... христианином. Он беседует со святыми Ильей и Енохом, а умирая, оставляет свое состояние христианским храмам.

Пророк Мухаммед тоже хотел числить Александра в единоверцах. Имя его под «псевдонимом» Зу-л-Карнайн, что значит Двурогий, вошло в коран, где он назван пророком Аллаха, одним из предшественников Мухаммеда.

Любопытно преломилась биография Александра у персидских историков и поэтов.

Представления персов о царской власти не допускали, чтобы на трон державы мог сесть человек, не имеющий на него прав: корона была признаком божественной благодати, ни больше ни меньше.

Александр с этой точки зрения не мог завоевать персидскую монархию, он мог только ее унаследовать. На персидских землях Александр превратился в племянника Дария (а иногда и в сына его), принадлежащего к той же династии Ахеменидов. Имя Македонца в своем восточном варианте — Искандер — расшифровывалось иногда как Искан-Дарий. Филипп Македонский вместо отца оказывался дедом завоевателя — матерью Александра становилась его дочь. Греция выступала как вассальное царство Персии.

Казалось бы, просто исторический курьез, но не проглядывает ли здесь отсвет действительного стремления Александра быть своим на Востоке и Западе? Не свидетельство ли это удачи такой попытки? Своим становится Александр после смерти и далеко на Востоке. Там он «меняет» не только предков, но и потомков. Александр объявляется основателем нескольких династий

малайских султанов. При этом Аристотель тоже оказывается их предком — в родословную султанов он внесен в качестве сына своего ученика!

Пожалуй, вершина всех превращений Александра Искандера, даже считая превращения в бога, достигнута в яванской исторической поэме XVII века. В ней Серат, барон Секендер (искаженное Искандер), воюет с демонами и титанами, женится на испанской принцессе и создает Ост-Индскую компанию — самую грозную империю из известных яванцу XVII века.

В своих посмертных походах Александр покорил даже море, пригрозив морскому царю, что его воины вычерпают всю воду своими шлемами. Причем, для того чтобы можно было потребовать дань с морского царя, Александр приказал выловить морского человека, женил его на земной девушке и ультиматум морскому владыке предъявлял с помощью их сына, знающего оба языка. Как причудливо преломилась в этой фантастической истории страсть Александра к «организации» смешанных браков!

Александр глубоко проник в святая святых культуры любого народа, в фундамент любого искусства — фольклор. И в грузинской сказке Александр строит лестницу, чтобы забраться на небо и завоевать его, а потом роет путь в подземное царство — опять же для завоеваний.

Посмертные путешествия Александра по Европе (и Руси в том числе) носили менее экзотический характер.

В литературе Западной Европы в средние века Александр — обыкновенный герой рыцарского романа, одержимый страстью к единоборству. Побежденные цари и князья становятся его вассалами.

В средневековой Руси Александр Великий оказывается идеалом государя и полководца, его историю знают летописцы и проповедники, русские князья рассматривают Александра как образец для подражания. Внимание же русских мастеров привлекает сообщение «Сказания об Александре» о полете царя на небо —

белокаменная резьба одного из владимирских храмов изображает Македонца в корзине, которую несут птицы.

И все истории о его замогильных странствиях стоило рассказать вот еще по какой причине. Они очень хорошо показывают, что, с одной стороны, у легенд часто бывает весьма реальная основа, но, с другой стороны, легенда от этой основы может уйти чрезвычайно далеко. Представьте, что мы бы ничего не знали об Александре, кроме эфиопской версии, где он христианин? Или черпали сведения о нем только из замечательной «Шахнаме» персидского поэта Фирдоуси, где Македонец всего-навсего очередной иранский шах-завоеватель.

Но для этой книги главный смысл посмертного путешествия Македонца в интересе, который равно проявляли к его личности, пусть идеализируя ее, народы Востока и Запада, Русь и Индонезия, Рим и Эфиопия... Сказания об Александре, переосмысленные в соответствии с конкретными историческими, литературными и иными традициями, стали частью национальной культуры многих народов. Точно так же, как неотъемлемой частью многих национальных культур и мировой культуры в целом стали творческие достижения эллинизма.

А вот другая история «посмертных странствий» реальной исторической личности, но личности гораздо менее примечательной.

СУДЬБА ДРАКУЛЫ

Вы слышали про Дракулу? Нет? Вам повезло. И за это надо благодарить наш кинопрокат, слава богу, не покупающий за рубежом фильмы о вампирах. Дракула — это вампир, и самый знаменитый из всех киновампиров. Мало того что о нем самом создано немалое число кинокартин, но Дракула дал еще свое имя целому киножанру, пускай и низкопробному. Жанр этот возник в Америке. Но Дракула отнюдь не коренной американец. Он герой страшного романа «Вампир» англичанина

Брэма Стоукера. Однако Дракула и не англичанин. По роману это карпатский граф, проклятый за ужасные преступления то ли собственные, то ли его предков. Дракула в романе сначала бесчинствует в Карпатах, потом перебирается в Лондон.

Но на самом деле первое свое путешествие это имя совершило задолго до рождения Стоукера. Прозвище Дракула — дракон, змей — получил от «благодарных» подданных валашский господарь Влад Цепеш, живший в XV веке. Цепеша отличало пристрастие к простым решениям сложных проблем.

Нищенство он искоренял, сжигая нищих после заданного специально для них большого пира. С женской ленью тоже все решалось просто: жена крестьянина, ходившего в рваной одежде, подлежала казни — зачем-де не зашила. Турецкие послы сняли перед Цепешем шляпы, оставив у себя на макушке крошечные шапочки. Они говорили, что не снимают их и перед своим владыкой, и Цепеш велел прибить шапочки к головам послов железными гвоздями.

Неудивительно, что, несмотря на малые размеры своего княжества, господарь успел перебить, пока сам не погиб на войне, больше ста тысяч людей.

Имя Цепеша знают только историки. А прозвище Дракулы сохранили посвященные ему рассказы, в том числе русская повесть, созданная в том же XV веке. Вся средневековая Европа приходила в ужас от описанных в повести злодеяний.

В XIX веке имя Дракулы и связанный с ним эмоциональный заряд, заряд ненависти и страха, продолжали жить, Стоукер подобрал имя и придал ему новое значение, оставив при нем и страх и ненависть. Писатель хотел, чтобы действие романа происходило в настоящем, и правитель государства стал графом.

Так с Дуная на Карпаты, с Карпат в Англию, из Англии в Америку, а уж оттуда вместе с голливудской продукцией в разные уголки большого мира проделал

свое путешествие Дракула. Как видите, отрицательные герои тоже умеют странствовать. А рассказал я эту историю, чтобы подготовить вас к рассказу о еще более поразительном движении по лицу Земли.

СКИТАЛЕЦ РУСТАМ

До сих пор поют о нем песни в долинах Таджикистана, Афганистана и Ирана — песни о железнотелом и подобном по силе слону богатыре Рустаме.

В споре с зазнавшимся шахом гордо и гневно говорит Рустам о себе, по словам великого персидско-таджикского поэта Фирдоуси:

Мой трон — седло, моя на поле слава,
Венец мой — шлем, весь мир моя держава.

Много он одержал побед, много совершил славных дел, но в старости постигло Рустама страшное несчастье. Прибыл к границам Ирана с великим войском исполин юноша по имени Зураб (Сухроб). Ни один персидский богатырь не мог устоять против этого воина, дерзко вызывавшего на поединок вражеских витязей. И выступил против него Рустам, скрыв свое имя, дабы юный витязь не возгордился чрезмерно.

После долгой битвы пересилил Рустама Зураб, вскочил ему на грудь и хотел снести голову сопернику. И тогда обманул Рустам врага, сказал ему, что есть обычай в Иране: мало повалить противника в рукопашном бою один раз, чтобы иметь право убить его. Нужно свалить борца дважды. Отпустил наивный юноша старого богатыря. Тем более что чувствовал себя сильнее и недавно даже насмеялся над старостью противника. А Рустам попросил дэва вернуть ему ту часть силы, что отдал он в молодости, когда тяготила его собственная слишком великая мощь.

Теперь уже он поборол насмешливого юнца — и тут

же пронзил его кинжалом. И услышал от умирающего, что обманщику отомстит отец Зураба — богатырь Рустам.

Увы, не зажглась в них любовь ни на миг,
И правды из них ни один не постиг.
От буйвола до обитателя вод,
Зверь всякий потомство свое узнает;
Корыстью томим, человек лишь один
Не видит, где враг, где родной его сын.

Пятнадцать лет назад Рустам тайно женился в чужой стране. Он уехал оттуда, а жена его родила сына. Тот вырос и пришел в Иран искать отца, а нашел смерть.

Национальный былинный герой трех народов десятки лет, если верить сказаниям, бился с врагами древних иранцев на севере, востоке, западе и юге, за что и вошел в легенды и великую книгу Фирдоуси «Шахнаме» — «Жизнь царей». Но все странствия Рустама, описанные в «Шахнаме», меркнут рядом с его посмертными путешествиями. Меняя имя и род свой, титулы и биографию, скитался Рустам по планете.

Наш Руслан, знакомый всем благодаря Пушкину, в старинных русских книгах наделен отчеством. Его именуют Ерусланом Лазаревичем. И если учесть, что отца Рустама зовут у иранцев Залем, то нетрудно понять, как стал Рустам Залевич Ерусланом Лазаревичем. Возможно, что имя Руслан происходит от персидского «арслан» — «лев». Уподобления богатыря Рустама льву — постоянный рефрен сказания о нем. Но путешествия имен далеко не самое интересное и важное.

Оплакивая сына, Рустам говорил:

Кто из отцов когда-либо свершал
Подобное?

Но как раз отцов, совершавших подобное, мировой фольклор и мировая литература насчитывают великое множество. У кавказских народов, у грузин и сванов, у пшавов и осетин до сих пор бьются в песнях и легендах отец с сыном, и гибнет обманутый сын, и имена у них

часто прежние, хотя нередко певец или рассказчик называет здесь своих героев не персами, а кавказцами.

Но это вблизи Ирана. А вот эстонская легенда. Живет на берегу моря богатырь Кивви-аль. Так он могуч, что гнетет его (как Рустам!) собственная сила, и прячет он избыток ее под камень, чтобы не мешала. (А Рустам, как было сказано, отдал часть своей силы на сохранение дэву.) Собственно говоря, само имя эстонского витязя значит — тот, чья сила под камнем. Женится Кивви-аль, а потом покидает родную семью и землю, перебирается за Финский залив к родственным, но враждебным в это время финнам. Вместе с новыми земляками, как враг и завоеватель, возвращается Кивви-аль много лет спустя в родную страну и схватывается в смертном бою с неузнанным сыном, добрым молодец, презирающим воинственного и бессильного старика. И снова хитрость отца, спасающая его от верной смерти, возвращение им себе припрятанной силушки, гибель юноши и позднее отчаянное прозрение сыноубийцы.

Кем приходится Кивви-аль Рустаму? Только ли товарищем по несчастью? Слишком много, кажется, в двух историях общих деталей, чтобы не увидеть здесь черты Рустама, только под другим именем.

Итак, перед нами как будто четкая параллель: Иран и Эстония. Неужели от центра Азии до Восточной Балтики добрался Рустам, сменив по дороге имя?

Но если так, это не первое и не последнее его «путешествие под псевдонимом».

У древних германцев могучий Гильдебранд бьется со своим сыном Алибратом.

Герой ирландского эпоса Кухулин — со своим сыном, юношей по имени Коклаох. Отважен Коклаох и могуч, и свято выполняет переданный ему когда-то завет отца: не называть никому своего имени и никому не отказывать в бое. Бежит от него Кухулин, но бежит за волшебным копьём, которое и приносит смерть младшему богатырю.

Порою сражаются отец с сыном и на русской земле — на поединок с Ильей Муромцем приезжает из чужой земли витязь Сокольник. Впрочем, сказители то и дело заменяют это имя характеристикой «Нахвальщик», и в некоторых вариантах былины кличка, данная певцом, становится именем юноши. Недаром.

Едва появившись под Киевом, обещает Сокольник князю Владимиру:

Если нет у тя упоры крепкой, богатырской-то...
А побью от старого до малого,
А от малого до старого,
А тебя-то, князя-то Владимира,
Со княгиней-то со Апраксией,
Верно, в плен возьму,
А Киев-град да ведь огнем пожгу,
Я богатырей копьем-мечом побью!

И Илью Муромца наглец встречает вопросом:

— Ах ты, старая базыга, ты седатый пес!
Ты куда идешь на дело ратное?
Ты куда идешь на побоище на смертное?
А тебе ли, седатому седине,
А сидеть на добром коне,
На добром коне, как на лютном звере,
На лютном звере съезжаться с богатырем!

Ну а дальше варианты былины начинают неистово спорить друг с другом. Бывает, что лежит поверженный Илья и дивится этому обстоятельству, поскольку «у святых отцов написано, что «не быть ему побежденному». Прихлынула к Илье новая сила, как к Рустаму, и сбрасывает он с себя Нахвальщика и поражает его, а затем узнает в нем сына по перстню, когда-то оставленному его матери. В другом случае на обман идет сам Сокольник — побежденный и оставленный в живых признавшим его отцом, он хитростью пытается убить Илью, и тот произносит древний вариант горьких слов Тараса Бульбы:

Кем ты, дитяtko, заведено,
Тем, дитяtko, будешь прикончено!

Но даже в этой истории мы видим в какой-то момент Илью-неудачника, Илью, который, на волосок от гибели, прячется от врага за лошадиную гриву, сжимая в руке остаток разлетевшейся от удара палицы.

А есть версии, в которых сам Илья — обманщик. Как Рустам. И есть другие, в которых все кончается хорошо, и богатыри вместе служат Руси.

Впрочем, хорошо, миром и ладом, кончаются обычно также и французские и византийские повести о борьбе отца с сыном.

А в некоторых европейских сказаниях сын побеждает. В Древней Греции Эдип, решивший загадку Сфинкса, убил своего отца, фиванского царя Лая, в случайном дорожном поединке.

И великий Одиссей погибает от руки своего сына Телегона. Телегон отправился искать отца по просьбе своей матери, волшебницы Цирцеи — той самой, что когда-то обратила в свиней спутников Одиссея.

Но погодите-ка! Неужели и Одиссей в этой легенде только одно из имен Рустама?

Конечно, нет. В этой главе мы подошли к чрезвычайно сложной проблеме о странствиях сюжетов — сказочных, легендарных, поэтических. Во многих легендах о боях отцов с сыновьями немало общего, причем часто в довольно мелких деталях. Некоторые ученые видели в этом ясное доказательство того, что сюжет возникает в одном месте — например, в древнейшем Иране, — а потом, переходя от одного народа к другому, обрастает новыми бытовыми деталями, бредет по миру, пока не доберется до океанских рубежей. И сколько бы одежд этот сюжет ни переменял по дороге, под ними он все тот же... Так полагал знаменитый русский литературовед, фольклорист и лингвист XIX века А. Н. Веселовский, из большой работы которого я взял несколько примеров для этой главы. Прав ли он?

А автору книги о странствующих и путешествующих положено искать примеры странствий и путешествий. Но

тут все далеко не так просто. И когда позже многие специалисты боролись против идеи бродячих сюжетов, это было не только отражением очередной «научной моды». Разве конфликт между отцом и сыном в новорожденном классовом обществе был так уж редок? Неужели только в Древнем Иране случалось сыну идти против отца?

Для того чтобы привиться в новой стране, сюжет нуждался в подходящей почве. Но если почва уже была готова, тот же сюжет мог ведь возникнуть и самостоятельно.

Увы, в ранних государствах и «предгосударствах» дряхлеющий царь и его юный нетерпеливый наследник часто оказывались врагами. А само образование государств было делом сложным и бурным, во время этого процесса гибли устаревшие моральные нормы и вместе с тем, как ни грустно, расшатывались моральные нормы, далеко не устаревшие. Человек переставал в прежней степени быть клеточкой своего племени, на первый план выходили часто его личные черты, и не всегда лучшие.

Все мы знаем, что человек творил богов по своему образу и подобию. Так вспомните судьбу греческих «миродержцев». Уран свергнут и искалечен Кроном, Крон свергнут и искалечен Зевсом. Боги-отцы так сравнительно легко отделались лишь потому, что они бессмертны. В реальной жизни отцам или сыновьям приходилось умирать.

В XIX веке трагедия становления молодого государства разыгралась в Южной Африке. Вождь одной из ветвей племени зулусов, Чака, прозванный европейцами Черным Наполеоном, объединил вокруг себя сотни тысяч и миллионы африканцев. Казалось бы, он должен стремиться к тому, чтобы трон унаследовали его сыновья. Но в отличие от подлинного Наполеона он боится рождения престолонаследника и тщательно следит, чтобы ни одна из его жен не стала матерью. Сын для владыки — естественный враг. Осторожность, проявленная Чакой

в этом отношении, не помогла грозному владыке. Его убили заговорщики, которых возглавил... брат Чаки.

Разумеется, в такой вражде отцов и сыновей не было ничего от врожденной якобы ненависти сына к отцу, которой пытались объяснить аналогичные события некоторые психологи. В семьях владык в определенных социальных условиях брат подымался на брата, внуки свергали дедов и бабок и так далее.

Прошли свертревожные времена образования классового общества. Государства укрепились, и, хотя порою царевичи устраивали еще заговоры против царей, правилом это уже перестало быть.

Но древняя трагедия борьбы отцов с сыновьями глубоко затрагивала чувства людей, будоражила их воображение. Мотив ошибки, незнания как причина борьбы еще сильнее обострял поэтическую ситуацию, тем более что народу, видимо, естественнее всегда казалась любовь родных, а не их ненависть.

А материал для самой возможности того, чтобы отец не узнал сына, а сын отца, для возникновения тайны давало недавнее прошлое. Эпосы рождались в эпоху, когда во многих странах на смену матриархату только еще приходил патриархат. Дети были более связаны с матерью, чем с отцом, но уже знали, что они — его наследники.

На общей почве из одинаковых семян вырастали одни и те же ростки — вот какой вывод напрашивается. И выходит, не Рустам скитается из страны в страну, а у каждого народа собственный Рустам. Если этот народ живет неподалеку от иранцев, он может взять у них для своего богатыря то же имя. Но тут переходит границу только имя героя.

...Я изложил теперь вторую из двух крайних точек зрения на путешествие сюжетов. Если согласно первой из них на любой земле почти каждая легенда — гостья, надевшая местный народный наряд, то согласно второй никакая молва не в силах одолеть государственных

(или, до возникновения государства, племенных) границ, все сказки и легенды — домоседки, а границы между народами и племенами представляют собой невидимые глазу, но непреодолимые для слова стены.

Сейчас, после многолетних работ ученых, достаточно ясно, что истина не может оказаться до такой степени односторонней, как любая из этих двух точек зрения.

Может быть, я поспешил, назвав Кивви-аля, вслед за А. Н. Веселовским, эстонским Рустамом. Дело обстоит гораздо сложнее.

Эстонский Кивви-аль не потому убивает сына, что это до него сделал Рустам; но очень возможно, что часть силы Кивви-аля потому хранится под камнем, что Рустам долю своей силы отдал дэву. Это ведь очень важный для развития сюжета ход. Даже если у эстонцев сказание о Кивви-але возникло независимо от эпоса о Рустаме, эту-то деталь они скорее всего переняли у далеких иранцев. В общении между собой народы делились, как делятся сегодня, не только техническими, но и поэтическими находками.

И здесь оказывается верным то же правило, которое действует в истории распространения сугубо практических вещей. Зерно, повторяю, всходит только на уже возделанной почве. Сюжет приживается там, где, пожалуй, его могли бы уже и сами придумать, где есть те же страсти и ситуации, о которых говорит пришедшая в гости сказка или легенда.

И само по себе сходство одного сюжета с другим нельзя считать основой для суждения о его заимствовании. Глубокий исследователь фольклора, крупный советский ученый В. Я. Пропп, отнюдь не отрицал способности сказок к путешествиям. Но он напоминал слишком пылким сторонникам «сказочного туризма», что разные варианты того, например, сюжета, который мы с вами знаем как сказку о царевне-лягушке, живут среди русских и полинезийцев, среди индейцев Америки и корен-

ных жителей Африки. Значит, эта сказка родилась по меньшей мере дважды — в Старом и Новом Свете.

Хорошо сказал о совсем разных причинах, по которым могут напоминать друг друга сказки, мифы и легенды, французский лингвист и историк А. Мейе:

«Сказки о животных встречаются повсюду, сходство некоторых животных с человеком так очевидно, что вполне закономерно приписывать животным поступки, присущие людям, и тем самым выражать то, что не так просто высказать прямо. Эти сказки можно сравнивать между собой, чтобы определить их формы, характер, сферы применения и создать таким образом общую теорию сказок о животных. Соответствия, которые устанавливаются при этом, проистекают из общечеловеческих свойств, а различия — из разнообразия типов и различия в уровне цивилизации. Таким путем можно узнать кое-что о характерных, общих для человечества чертах, но ничего нельзя узнать о его истории. Если же рассматривать... индоевропейские мифы о напитке бессмертия, то получатся иные результаты. Мысль о напитке, который может давать бессмертие, слишком естественна, чтобы принадлежать лишь одному народу. Но когда у различных народов, говорящих на индоевропейских языках, обнаруживается в более или менее полных версиях миф о напитке бессмертия, сваренном в огромном чане, причем к нему присоединяются история невесты-изменницы и легенда о борьбе между богами и демоническими существами, то такая совокупность отдельных мотивов, внутренне никак не связанных, не может появиться случайно».

А. Мейе полагает, что разные индоевропейские народы унаследовали эту легенду от своих общих предков.

Да, со сказками, и народными, и созданными писателями, бывает по-всякому. Вот пример.

Американский писатель XIX века Вашингтон Ирвинг много путешествовал по Европе. В Испании его очень

занимало наследство, оставленное маврами, много сот лет хозяйничавшими на большей части Пиренейского полуострова.

Вашингтон Ирвинг написал потом прекрасную книгу «Альгамбра». Открывает книгу «Легенда об арабском астрологе». Вот как она начинается:

«Давным-давно, много столетий назад, жил-был мавританский султан по имени Абен Абус, повелитель Гранады. Это был завоеватель в отставке, то есть такой, который когда-то, в дни своей молодости, проводил жизнь в непрерывных набегах и грабежах, а теперь, состарившись и одряхлев, «жаждал покоя» и мечтал лишь о том, чтобы жить в ладу со всем миром, почи-вать на лаврах и безмятежно править владениями, некогда отнятыми им у соседей».

Даже если вы не читали Ирвинга, эти строки должны вам напомнить что-то очень знакомое... Ну конечно!

...Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел...

Сходство не случайно. Видимо, Пушкин взял основу сюжета из сказки Ирвинга, правда, несколько более жестоко поступив со своими героями. У Ирвинга и султан и мудрец остались живы...

Может быть, и выбор для сказки этого сюжета, и суровое обращение с персонажами объясняются тем, что как раз перед созданием «Сказки о золотом петушке» у Пушкина произошла очередная ссора с Николаем I (когда-то такую фразу о ссоре сочли бы оскорбительной для царя; сегодня она просто кажется очень странной — действительно, какая может быть ссора между столь неравными людьми, как великий поэт и царь!).

Вот откуда строчка: «Но с царями плохо вздорить».

Для литературоведов вся эта история не была сек-

ретом, а Пушкин отнюдь не скрывал своего первоисточника. И тем не менее сказка-то получалась совершенно русская. Где здесь мавры и испанцы, где, наконец, хоть какой-то след американского писателя? А прекрасная колдунья-христианка стала у Пушкина Шемаханской царицей — по азербайджанскому городу Шемаха.

Так путешествует сюжет литературного произведения.

А в индонезийской сказке, очень похожей на сказку о царе Салтане, сюжет с мальчиком в бочке приобретает чисто восточную гиперболичность. Царица рождает не одного Гвидона, а сразу сто детей — девяносто девять мальчиков и одну девочку с семью золотыми волосами на темени. Преследуют их не сестры их матери, а две старшие жены отца. Но говорят вздорные бабы царю о том, что у младшей царицы родился невиданный урод. Говорят почти теми же словами, что Пушкин...

А три тысячи лет назад греческий миф рассказывал о царской дочери Данае, которую вместе с новорожденным сыном Персеем швырнули в заколоченном ящике в море.

Что же, кто здесь хозяин, а кто гость, кто передал, а кто получил?

Замечательный турецкий писатель Назым Хикмет писал в предисловии к сборнику «Влюбленное облако», составленному из переработанных писателем турецких народных сказок:

«Сказки сплачивают человечество. В конечном счете все народы в своем общественном развитии, быстрее или медленнее, идут одним и тем же путем: от первобытного коммунизма к великой цели — международному коммунистическому обществу. Поэтому и сказки при всем их национальном своеобразии, в конце концов, ходят друг на друга. Ученые спорят, почему это произошло... Но меня интересуют не причины этого сходства, а то, что сходство сказок сближает народы».

Во многом схожие мысли высказывал Карел Чапек

«Сказки выражают определенные факты реального человеческого опыта, с которыми мы сталкивались и сталкиваемся точно так же, как эскимосы, кабилы или малайцы. Из всего этого, помимо литературно-исторического удовлетворения, рождается еще и особая радость, вызванная душевной красотой и общностью всех племен человечества».

В 30-е годы этот большой чешский писатель создал свои блестящие заметки по поводу научных теорий происхождения сказки и ее структуры. Он большей частью не оспаривает всерьез положения теоретиков о переходе сказочных сюжетов от одного народа к другому, о следах, оставленных в сказке минувшими тысячелетиями. Чапека гораздо сильнее интересуют выраженные в сказках черты, которые принадлежат настоящему:

«...немалое количество сказочных мотивов вполне может происходить не из Индии, а из куда более близкого источника: я имею в виду общечеловеческий опыт.

...В великом множестве, пожалуй, даже в большинстве сказок вы обнаружите ядрышко сказочного жизненного опыта. Более того, опыта почти одинакового у всех народов мира... Сказочное счастье может одинаково улыбнуться и бушменскому охотнику на антилоп, и герою чешской сказки, разница только в том, что наш сказочный герой удовольствуется принцессой и тронem, тогда как Harry end представителя африканского племени немыслим без сказочного изобилия мяса...»

«...Поддай милостыню сгорбленной старушке, убери с дороги камень, помоги в опасности муравью или птенчику — за любой добрый поступок ты будешь сторицей чуддейственно вознагражден в момент крайней нужды. Но ведь и мы стремимся снискать благосклонность судьбы своими добрыми поступками, какой-то голос нашептывает нам, что при случае это зачтется, что, возможно, мы вызовем какую-то благоприятную перемену во вселенной или хотя бы в своей собственной жизни. Это вовсе не расчетливость, а чуть слышный голос че-

ловеческого доверия, одно из истинно сказочных ощущений, которые нам дано испытать в нашем трезвом мире».

Чапек, вероятно, поменял местами причину и следствие. «Общечеловеческие чувства» воспитаны историей, а в том числе и сказками. Но перед человеческой теплотой и нравственной глубиной его суждений должна сложить оружие логика.

МИРЫ СОЕДИНЯЯ

Свои открытия знает долгая история искусства; есть среди этих открытий режиссерские, есть операторские, есть и чисто технические. Кино стало звуковым, цветным, стереоскопическим...

Но хотя техническая основа более всего бросается в глаза в киноискусстве, она важна и для других искусств. Мы смотрим в музеях на холсты Рубенса и Васнецова, Дюрера и Врубеля. Но ведь не всегда же картины писали на холстах и масляными красками. Только в начале XV века голландец Ян Ван Эйк усовершенствовал известную уже с полтысячелетия, но почти не применявшуюся технику живописи маслом. Ван Эйк открыл новые составы красок, возможно, сам способ, как правильно «накладывать» краски на холст. А уже после этого было сделано открытие, тоже касавшееся техники живописи, но совсем в другом смысле слова. Были открыты новые приемы изображения светотени, давшие художникам неизвестные до того возможности.

Гравюры всех разновидностей смогли появиться только после изобретения самого принципа гравирования. А без новых изобретений в этой области мы не узнали бы ни офортов того же Рембрандта и Гойи, ни литографий великих художников XX века.

Когда-то был открыт впервые и тот способ изображения пространства, который мы называем перспективой. Дальние предметы стали изображать в другом масшта-

бе, меньшими, чем более близкие, или (говоря условно, поскольку железных дорог в то далекое время не было) рельсы в изображении с прямой перспективой должны постепенно сходиться. Это кажется настолько естественным, что и открывать тут как будто нечего. Ведь глаз видит именно так: чем дальше предмет, тем меньше он ему кажется.

Однако не все, что сегодня само собой разумеется, на самом деле само собой и приходит. Старая русская икона, а до того византийское искусство соблюдали как раз принцип обратной перспективы. И «рельсы» на такой иконе, если бы кому-нибудь, соблюдая стиль, вздумалось их нарисовать, должны были бы расходиться. Далекое словно бы казалось больше близкого. Впрочем, в свое время появление обратной перспективы тоже было художественным открытием, тоже распространившимся из одной страны в другие. Ведь такая перспектива все же давала художнику возможность передать объем, была шагом вперед.

В XIX веке произошло замечательное событие. Европейские художники открыли для себя Японию. Целое направление искусства живописи, импрессионизм, сформировалось под сильным влиянием этого открытия. Японские художники знали такие приемы передачи увиденного, которые покорили многих французов, русских, англичан.

Японское классическое искусство ставило своей целью не добиваться сходства, а передавать «дух» предмета, заботилось не о соответствии изображения изображаемому, но лишь о впечатлении, которое это изображение должно произвести. Недаром импрессионисты, самое название школы которых происходит от слова *impression* — «впечатление», увидели в японской живописи черты того подхода к действительности, который они искали.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что западные художники встретились при этом не с само-

бытным восточным искусством, как сами они, по-видимому, думали. Импрессионисты любовались картинами художников, воспитывавшихся под сильным влиянием европейских форм искусства. Японская живопись XIX века и вершина ее — картины великого Хокусаи родились на скрещении японских и китайских традиций, с одной стороны, и воздействия европейской живописи — с другой.

Только в XIX веке японское правительство отказалось от политики изоляции, открыло порты для торговли, подписало первые торговые соглашения. Но сами японцы начали открывать для себя Европу задолго до того.

Впечатление, произведенное на передовых японских людей европейской (в том числе и русской) наукой и культурой XVII—XVIII столетий, было прямо-таки ошеломляющим.

В китайской живописи, принципам которой в основном следовали до того японцы, художник обязан рисовать, пользуясь определенными, строго регламентированными приемами. Было задано, как надо рисовать горы, и при этом получались горы вообще, а не конкретная Фудзияма, и не конкретный дом, а «какой полагается», и не конкретный цветок, а такой, какой принято изображать. Точное воспроизведение реальных предметов признавалось поделкой ремесленника; задачей художника классической школы было передать дух предмета. Оно бы и хорошо... Но, как сформулировал Сатакэ Ёсиацу, один из первых японских художников, работавших в западном стиле: «Чтобы живопись была хоть сколько-нибудь полезной, она должна правдиво передавать то, что изображает. Если нарисовать тигра похожим на собаку, отсутствие сходства становится смешным. Возвышенные умы, провозглашающие, что художник должен изображать идеи, а не просто внешнюю форму, упускают из виду практическую пользу живописи».

А вот что писал, например, один из культурных деятелей Японии того времени: «Один человек спросил меня: «Почему европейская живопись отличается от китайской или японской?» Я ответил: «Европейская живопись воспроизводит объект в мельчайших подробностях, так, чтобы картина точно походила на объект, который изображает, и служила каким-нибудь практическим целям. У европейцев существуют правила живописи, которые помогают художнику в достижении этой цели. Они различают деление солнечного освещения на свет и тень, а также соблюдают то, что именуется у них законами перспективы. Например, если бы кто-нибудь задумал нарисовать en face нос человека, он не нашел бы в японской живописи способа передать высоту переносицы. Европейская же живописная техника требует, чтобы по обе стороны носа были положены тени, благодаря которым можно судить о высоте переносицы».

Можно, пожалуй, упрекнуть автора этого высказывания (кстати, взятого из книги Д. Кина «Японцы открывают Европу») в излишнем практицизме, но то была реакция на слишком оторванное от жизни искусство.

Зато именно декоративность китайской классической живописи в том же XVIII веке, за столетие до импрессионистов, вызвала интерес во Франции. При дворе очередного Людовика вошло в моду все китайское (за которое, кстати, иногда по незнанию принимали и иранское). Возник стиль шинуазери (от Шин — Китай), который наложил определенный отпечаток на европейское искусство.

Конечно, восточная живопись этого времени была гораздо более ограничена в своих возможностях, чем европейская. Ее условность сужала область воздействия на человека. Но ведь существует же во всем мире и не собирается умирать такая переполненная условностями разновидность искусства, как опера.

Искусство, в частности, способ для общества узнать чувства и мысли личности, особенно тонко и глубоко

воспринимающей действительность. Мало того, способ передать чувства и мысли одного человека всем остальным.

И каждое из искусств позволяет по-новому увидеть какие-то черты привычного мира. Это наглядно заметно на примере народов, в силу исторических обстоятельств не знавших долгое время того или иного из искусств. Часть австралийских племен к XIX веку не имела представления о многокрасочной живописи.

Человек из такого племени, впервые увидев австралийские пейзажи, написанные европейцем, долго смотрел на них и сказал: «Я узнал, как красива моя страна».

Сейчас, когда в любом концертном зале звучит музыка разных стран и народов, полезно вспомнить, что и в Австралии песни и целые своеобразные «оперы», сложные представления с музыкой и текстом, путешествовали с одного края материка на другой, от племени к племени, раз по десять и более меняя «труппы исполнителей». При этом полагалось испрашивать у авторов представления согласия на его повторение своими силами, да еще и оплачивать это согласие.

Большой соблазн сказать, что и в первобытном обществе искусство не знало границ, но это было бы явным преувеличением, другое дело, что искусство умело (хоть и не всегда) преодолевать границы.

В книге «Олень Золотые Рога» академик А. П. Окладников, открывший и исследовавший, в частности, многие сибирские наскальные изображения, пишет:

«Нелегко было поверить, что на Лене оказались не только хвостатые человечки с воздетыми кверху руками, ближайšie родичи которых находятся на скалах Богуслена в далекой Скандинавии, но и солнечная ладья Осириса. Еще удивительнее было, что рядом с ними, всего лишь в нескольких метрах, стояло, разинув пасть, жадное легендарное чудовище мифологии Центральной Азии. Древний Египет и Западная Европа воочию столкнулись в сибирской тайге! Все это контрастно

противостояло знаменитой формуле Киплинга, который утверждал когда-то, что Запад всегда был Западом и Восток — Востоком и они никогда не сойдутся вместе. «Восток» и «Запад» сошлись перед нашими глазами на берегах великой сибирской реки, в самой середине Азиатского материка!»

Да и Скандинавия, пишет Окладников далее, «как показали работы скандинавских ученых, издавна, еще с неолита и бронзового века, как и вся Западная Европа, испытывала влияние древневосточных культур... Выходит, таким образом, что мир был тесен и узок для идей и образов искусства уже в эти далекие времена. Выходит, что идеи и художественные образы, возникшие в одном конце света, в странах древнейших цивилизаций, у первых земледельцев Переднего Востока и Запада, свободно пересекали леса и горные цепи, великие реки и степи Европы и Азии, достигая тех далеких северных областей, о которых не имели никакого понятия ни древние египтяне, ни древние греки».

Снова и снова возвращается в этой книге ученый к теме взаимодействия художественного творчества разных народов, давая почти афористической краткости и силы формулировки. Вот послушайте:

«Художественные стили, мифы и живые образы искусства причудливо сталкивались, смешивались и переслаивались друг с другом. Мир тех отдаленных времен, когда еще не было ни радио, ни кино, оказывается, был почти столь же тесен для художественных идей и образов, как и наш современный!»

Родившись в каком-то одном месте, в причерноморской степи или таежной глуши, такой художественный образ через некоторое время оказывался где-нибудь еще за сотни и тысячи километров, но уже не в прежнем виде, а в новом качестве, существенно видоизмененным и обогащенным. Он рождался заново и к новой жизни».

В тропическую Африку глубоко проникала еще

в средние века арабская культура. В Кении и Танзании, Эфиопии и Судане на разных языках рассказывают анекдоты из жизни иракского поэта раннего средневековья Абу-Нуваса. Вместе с малайскими переселенцами древности пришли на Мадагаскар и проникли затем в Восточную Африку сказки, впервые записанные древними индийцами.

Но эксплуататорские классы заинтересованы в насаждении расистских и националистических взглядов.

Одна из форм расизма сегодня — «культурный расизм», пытающийся отделить, начисто оторвать друг от друга людей с разным цветом кожи.

Расисты утверждают, что каждая раса создает свое собственное искусство, ненужное и непонятное другим расам. И среди «белых» расистов, и среди азиатских и африканских теоретиков искусства есть люди, настаивающие на том, что «культура белых» и «культура черных», как и «культура желтых», резко различны и не имеют точек соприкосновения.

Вся история человечества опровергает эти утверждения.

Вот что записал великий немецкий художник Альбрехт Дюрер в своем дневнике после знакомства с произведениями мексиканского искусства:

«Никогда в жизни я не видел ничего, что так радовало бы мое сердце, как эти предметы. Глядя на столь поразительные творения, я был изумлен утонченным гением людей чужих стран».

В. Б. Мириманов, один из авторов книги «Африка: встречи цивилизаций», пишет: «Приоритет Африки в скульптуре ныне общепризнан...»

Африканская скульптура оказала сильнейшее влияние на европейское искусство XX века, а частично и XIX, и не только на скульптуру, но также и на живопись. Увлечение искусством неевропейских народов заставило художника Поля Гогена назвать античность

«греческой ошибкой». Это была, разумеется, субъективная оценка, но она показывает, до какой степени изменилось само восприятие искусства в Европе.

И замечательный чешский писатель Карел Чапек отмечал в одной из своих статей:

«...Сейчас мы, блуждая во времени и пространстве, обнаруживаем законченность формы там, где усматривали творческое бессилие, видим стиль, а не варварство и улавливаем неведомое доселе совершенство в том, о чем было принято говорить как о неуклюжих младенческих потугах... Когда-то идеалом искусства было не ударить в грязь лицом перед Рафаэлем. Идеал современного искусства — не ударить лицом в грязь не только перед Рафаэлем, но и перед деревянным идолом из Центральной Африки, перед античностью и детским рисунком, перед Сезанном и «Вышеградским кодексом» (книга XI века с замечательными рисунками. — *Р. П.*). Как видите, задача эта грандиозна и необыкновенно конкретна».

Джаз, созданный американскими неграми на основе африканских ритмов, покорила Европу в XIX—XX веках. Африканского в конечном счете происхождения многие современные танцы — фокстроты, румбы, мамбо. При этом, разумеется, они прошли на своем пути через Америку. Но это только последнее (пока), пятое действие пятиактной драмы, в которой каждый акт равен веку.

В XVI веке, тоже через Америку, благодаря рабам, захваченным в Африке испанцами, в Европу проник танец, получивший имя сарабанды. Для того чтобы создать его, соединились традиции испанского романсеро, африканских барабанов и индейских народных инструментов. Было время, когда испанского танцора, отважившегося исполнить сарабанду, ждал суд. Приговор заранее определялся законом. Сначала двести ударов кнута. После этого мужчину ждали шесть лет каторги на галерах, женщину — изгнание из Испании.

По-видимому, соответствующий закон вскоре же пришлось перестать исполнять, потому что уже в XVII веке сарабанда, а вместе с ней африканские же фанданго и чакона были «приняты» во дворе. Сегодня фанданго — национальный испанский танец. Разумеется, он изменился, но сохранил и память о своем тропическом прошлом. Стоит вспомнить и то, что «Хабанера» Бизе в опере «Кармен», хотя и кажется рожденной испанским народным характером, своим названием указывает на «Афро-Америку»: ведь «хабанера» в переводе значит — гаванская музыка.

Связи искусств разных народов могут иметь исторические корни, уходящие в глубь тысячелетий. Недавно вышел специальный номер журнала «Курьер ЮНЕСКО», посвященный роли традиционной музыки в современном мире. Вот что, в частности, пишет в нем Ален Даниелу, музыковед-этнограф, десять лет возглавлявший международный институт сравнительного музыковедения в Венеции:

«...Многие музыкальные формы доколумбовой Америки имеют, по-видимому, какие-то связи с музыкой Дальнего Востока, а музыка народов Полинезии родственна древней музыкальной семье, включающей различные племена и народности, от коренного населения Индии до австралийцев...»

Задолго до прихода европейцев в Азию музыкальные культуры этого огромного материка обогащали друг друга. Японская музыка с IX века принимала достижения китайской, корейской и тибетской школ. Вьетнамская музыка сумела творчески освоить китайские и индийские традиции. Арабская и среднеазиатская музыка еще тысячи лет назад проникала в Индию, а на встречу шла индийская.

Вот что писал в том же номере «Курьер ЮНЕСКО» великий советский композитор Дмитрий Шостакович:

«...в чем я твердо убежден, это в справедливости тезиса о принципиальном равенстве перед лицом культу-

ры человечества всего многообразия национальных музыкальных традиций... Дело, по-моему, не в «совместимости» или «несовместимости» различных музыкальных систем, но в том, как и какими методами решается проблема взаимодействия и взаимовлияния культур разных в этническом и географическом отношении народов...

Мне представляется, что одной из естественных и закономерных форм развития национальной традиции является не только ее непосредственная связь с окружающей действительностью, с новыми социальными условиями и ростом народного самосознания, но и ее способность вбирать в себя, обогащаться за счет всего подлинно прогрессивного в идейном и технологическом смысле, что создают другие традиции, порой даже очень далекие...

Разве обращение Бородина, Балакирева, Мусоргского, Римского-Корсакова к отдельным образцам или элементам фольклора народов Востока не обогатило их творчество? Насколько бедней бы стала русская музыка без «Половецких плясок» Бородина, «Исламеи» Балакирева, «Плясок персидок» Мусоргского, «Шехерезады» Римского-Корсакова и многих других страниц русской музыки о Востоке. А самоотверженная работа ряда московских и ленинградских композиторов в республиках Средней Азии, где на протяжении небывало короткого исторического срока возникли свои национальные композиторские школы, использующие опыт русской и западноевропейской музыки для строительства своей национальной социалистической культуры...»

Композитор, безусловно, прав уже потому, что еще никогда никому и нигде не удавалось сохранить, точно в заповеднике, старую форму искусства без вреда для нее самой. Взаимообогащение искусств — один из законов их развития.

Так, современный роман — детище именно европейской цивилизации. А в последние десятилетия прогрес-

сивные писатели Нигерии, Южно-Африканской Республики, Сенегала, Алжира и некоторых других африканских стран создали немало романов, вошедших в мировую литературу.

Рассказывая в одной из своих работ о первых веках развития русской литературы, академик Д. С. Лихачев подчеркивает:

«Славянские народы не были провинциальными самоучками, ограниченными местными интересами и местными традициями. Через Византию и другие страны они дышали воздухом мировой культуры. Они развивали свою общую и местные культуры на гребне общеевропейского развития. Для своего времени их культуры в известной мере были итогами общеевропейского развития. Великим счастьем для славян было то, что сама византийская литература не была узконациональной, а в значительной мере многонациональной. На основе многовекового общеевропейского опыта можно было в дальнейшем глубже отразить национальные интересы и создать литературу высоких национальных форм».

И если уж говорить о литературных влияниях, о книгах, созданных в одной стране, но имеющих мировое значение, в последние полтора столетия ни одна страна не дала в этом отношении планете так много, как Россия. Великая русская литература XIX века изменила литературную картину мира. Толстой, Тургенев, Достоевский стали учителями не только для многих писателей во всех странах, где существовала и существует литература. Они воздействовали на множество явлений в культуре в широком смысле слова, и лишь для иллюстрации этого положения я повторяю известные слова Эйнштейна о том, что Достоевский дал ему больше, чем Гаусс.

Разумеется, важно было научиться и приемам «высокого ремесла» писателя, техническим деталям художественного воспроизведения действительности. И тут

наша литература особенно много дала искусству Востока.

Академик Н. И. Конрад рассказывает в одной из своих работ о том, как в конце XIX века японский писатель Хасэгава Фтабатэй перевел на свой язык рассказ Тургенева «Свидание». Позже отрывки из той части перевода, в которой описывалась березовая роща, стали включать в японские хрестоматии, а классик японской литературы Куникада Доппо вставил, отнюдь не маскируя «плагиат», отрывки из перевода в собственное оригинальное произведение. Японские художники слова, наследники тысячелетней литературы, не умели еще давать детальные художественные описания конкретной природы, как японские живописцы до XVIII века не умели передавать объемность предметов.

Перевод русского рассказа дал японской литературе ключ к новому творческому методу, включил в ее арсенал новые языковые средства.

Но дело, разумеется, не только в такого рода помощи, которую одна литература оказывает другим.

Роман большого писателя — это концентрат реальности. Он переносит к своему зарубежному читателю не только конкретные ситуации, пейзажи, характеры героев, их чувства. Книга выступает как представитель своей родины, носитель ее особенностей, выразитель ее идеалов. Художественная литература, вероятно, наиболее экономный по используемым средствам способ описания действительности. Энгельс писал, что из Бальзака он «...даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, о перераспределении реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков того периода, вместе взятых».

И русский роман XIX века принес веяние своей родины во все края света. А потом точно так же разнеслась по миру поэзия Маяковского. И в книге о мексиканской литературе я прочел, что почти вся современ-

ная поэзия огромной Латинской Америки развивалась и развивается под влиянием его поэтических идей и поэтического стиля.

Идеи Чайковского в музыке, Станиславского в театре, Эйзенштейна в кино принадлежат теперь всему миру.

По-настоящему народное искусство становится близким и другим народам. И в этом нет никакого противоречия. Еще Александр Сергеевич Пушкин предостерегал от неверных представлений о народности. Вот что он писал, например:

«Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной Истории, другие видят народность в словах, то есть радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения.

Но мудрено отъять у Шекспира в его «Отелло», «Гамлете», «Мера за меру» и проч. достоинства большой народности; Уега и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заемлют предметы своих трагедий из итальянских новелл, из французских ле; Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую царевну. — Трагедии Расина взяты им из древней истории. Мудрено, однако ж, у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности».

А советская писательница Вера Панова очень хорошо сказала о самом Пушкине и мировой роли русской литературы:

«Он обнял душой весь мир, и Запад и Восток; всю духовность мира обнял он — и этим сокровищем напитал родную литературу. И наша литература не осталась перед миром в долгу. В лице Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова она вернула миру интеллект и духовность такой мощи и проникновенности, каких раньше мир не знал. Когда читаешь самых серьезных западных писателей нашего столетия — Томаса Манна, Ромена Роллана, Хемингуэя, Фолкнера и других — все время ощущаешь в их произведениях пульсацию рус-

ской мысли, пульсацию той тревоги, того страдания за судьбу всех людей, что принесла мировой литературе литература русская, ставшая совестью и духовной вершиной человечества».

СВОЕ И ЧУЖОЕ

Сейчас стоит сказать, что в давнем споре о роли в истории взаимодействия культур крайние позиции занимают представители двух буржуазных течений. Одно из них называют крайним автохтонизмом, или изоляционизмом. Другое — диффузионизмом.

Изоляционисты считают, что каждый народ сам совершенно самостоятельно создает свою культуру — во всех ее деталях без исключения.

Диффузионисты склонны все на свете объяснять заимствованием. Любое культурное достижение любого народа оказывается, по их мнению, ручьем, источник которого лежит на чужой территории.

Из страны в страну переносятся, по мнению крайних диффузионистов, древние благодетели-просветители. Некоторые диффузионисты видят единый центр, родину таких просветителей, в Египте. Другие — в Вавилоне. Третьи приписывают всевозможные открытия предкам германских народов. В числе гипотетических «отцов культуры» побывали и индийцы, и китайцы, и японцы. Перечислять можно долго. Иногда очередной народ — претендент на звание основателя человеческой цивилизации бывал представлен человеком, считавшим себя потомком этого народа, иногда — ученым, который изучал историю этого народа. Но, что бы ни было побудительной причиной, возмутительный расизм или простительный (?) энтузиазм специалиста, ошибка от этого не становилась менее грубой. История Земли не знает общих для планеты «культуртрегеров», которые, дескать, все узнали, все открыли, сделав все остальные

страны своими учениками. На этой точке зрения твердо стоят советские историки.

Сверхдиффузионизм с его представлением о едином центре мировой цивилизации сильно сдал свои позиции в буржуазной науке в последние десятилетия. Иногда, правда, он пытается взять реванш. И тогда создателями всех древних цивилизаций Америки, Полинезии (а порою Африки и Азии) объявляются «белые бородатые люди» из индейских легенд.

Но ведь одно дело сам факт доколумбового появления в Америке европейцев, и совсем другое — признание этих европейцев учителями, а индейцев — их покорными подражателями. Второе означает уже расизм.

Не так давно в Ленинграде журнал «Знание — сила» проводил встречу с историками, изучающими древнейшие цивилизации мира.

От имени журнала ученым был задан такой вопрос в числе прочих: можно ли считать, что какая-либо из древних цивилизаций была своего рода (хотя бы в какой-то мере) инициатором возникновения остальных?

Ученые единодушно сочли, что уже употребление слова «инициатор» в таком вопросе неверно.

И. М. Дьяконов, доктор исторических наук, специалист по истории Месопотамии, ответил так:

«Между инициаторством и влиянием — огромное расстояние. А влияние любая цивилизация оказывает на другие».

Член-корреспондент АН СССР, один из крупнейших мировых специалистов по истории и этнографии Африки, Д. А. Ольдерогге, подчеркнул, что великие цивилизации, по сути дела, в одиночку не возникают:

«Район возникновения цивилизации, подобно району очеловечивания, не может быть ограничен каким-либо одним определенным пунктом, но можно очертить район возникновения множества сходных по развитию обществ».

Р. В. Кинжалов, доктор исторических наук, американист:

«...инициатором возникновения цивилизации, в полном смысле этого слова, никакая из древних цивилизаций быть не может. Такое утверждение, однако, не исключает ситуации, при которой подошедшие уже к порогу цивилизации народы заимствуют у несколько вырвавшегося вперед соседа отдельные элементы цивилизации».

Затронут был в анкете журнала и старый вопрос: нуждается ли наука в гипотезе об «Учителях учителей», о более древней, чем все остальные, но пока неизвестной нам цивилизации вроде Атлантиды, например.

Историки древности сказали, что они верят в творческие способности народов, способности, которые такая гипотеза прежде всего ставит под сомнение.

Есть, правда, и другой диффузионизм. Его приверженцы менее категоричны, гораздо более скромны, никак не связаны с расизмом. Они признают каждый народ мира создателем множества культурных ценностей, в чем, безусловно, правы. Все народы мира оказываются сразу учителями и учениками, передают и получают, создают и делятся, и это тоже, безусловно, верно. Слабость диффузионизма этого рода в другом. Каждое открытие, как нередко доказывают сторонники этого направления, может быть сделано только один раз и только одним определенным народом. При таком подходе культура каждого народа выглядит как мозаика из деталей, созданных им самим и привезенных издалека, но при этом сами детали, если можно так выразиться, стандартны, любая из них используется в том же самом виде, хотя и в иных сочетаниях с другими деталями, любой культурой мира.

Но дело обстоит далеко не так. Любое культурное достижение, свое или чужое, живет и во времени, оно меняется, преобразуется, принимает новые черты. Народ

усваивает новую идею, скажем, как человек пищу, — идея становится частью его образа мыслей.

Можно опять вспомнить хотя бы, как фанатически сражавшийся против идолов ислам Мухаммеда, по сю пору борющийся в Северной Африке даже с живописью, в Индии стал терпимым к запретным изображениям вплоть до совмещения порою в одном здании индуистского храма и мусульманской мечети.

Спор диффузионизма всех разновидностей с изоляционизмом очень напоминает еще более древний спор о степени влияния на человека наследственности, с одной стороны, и воспитания — с другой. Изоляционисты нападают, так сказать, на наследственность, диффузионисты — на воспитание. Между тем истина, как ей и полагается, лежит если и не точно посередине, то, во всяком случае, между двумя крайними течениями, на Острове объективной исторической оценки.

Создавай свое, но и учись у других — иначе нельзя. Эстафета знаний, быстро или медленно, но передается не только во времени, но и в пространстве.

Однако не все «палочки», передающиеся в этой эстафете, полезны. Не все приходящее стоит принимать. Нельзя забывать и о борьбе идеологий, в ходе которой буржуазная пропаганда пыталась и пытается подсовывать свои отравленные плоды. Сильная народная культура никогда не превратится во флюгер, поворачивающийся туда, куда дует ветер, откуда бы этот ветер ни исходил.

Трудная проблема: что из пришедшего со стороны принять как полезное и необходимое, а что отвергнуть, дабы сохранить свою самостоятельность. Но проблему эту в истории приходилось решать каждой стране, каждому народу.

Махатма Ганди, великий борец за счастье Индии, говорил:

«Я хочу, чтоб ветры всех культур свободно веяли вокруг моего дома, но я не хочу, чтобы какой-нибудь из них свалил меня с ног».

Еще раз подчеркну, что, откуда бы ни принесло семена, растения питает принявшая их почва. А если почва не годится, то семена и не взойдут.

И тот самый Александр Николаевич Веселовский, который столько писал о «бродячих сюжетах» и преувеличивал, по-видимому, их роль, говорил в то же время, что в заимствовании важен не факт заимствования, а формы национальной обработки.

Или, как гласит русская поговорка: «Не та мать, что родила, а та, что вырастила».

Современный советский философ С. Артановский пишет: «Культура каждого народа самобытна, но это проявляется не в мнимом отсутствии в ней чужеземных влияний, а в ее способности поглощать и по-своему перерабатывать эти влияния».

А вот как подводит итог взаимодействия наук Востока и Запада в древности другой советский философ, В. Чалоян:

«Если на Востоке существовала лишь сумма разрозненных знаний о явлениях природы, то греки систематизировали эти знания и создали целостную естественнонаучную картину мира. Таким образом, идеи Древнего Востока в условиях Эллады стали качественно новыми воззрениями — появились новые системы, школы и направления в философии, точно так же, как и само общество, его социально-экономический строй претерпели изменения, приобретя новое качество. Из всего этого следует, что преемственность выражается в единстве старого, унаследованного и качественно нового».

А вот цитата из книги доктора исторических наук С. А. Арутюнова «Современный быт японцев»:

«Авторучка с кистью вместо пера — несомненно, изобретение, которое не может распространиться за

пределы Японии или, во всяком случае, Восточной Азии, так как требует навыка письма кистью. Но технический принцип авторучки... или новый вид синтетической ткани, или новый миниатюрный транзисторный телевизор, где бы они ни были изобретены, могут быть использованы людьми любой культуры, хотя и несколько различно, сообразно их национальным навыкам. Поэтому явления самых разных национальных культур могут совершенствоваться на основе технического прогресса».

ЗАКОНЫ ДАЛЬНОДЕЙСТВИЯ

Уже давно плата рабочим на уборке сахарного тростника в буржуазных государствах Центральной Америки зависит от урожая сахарной свеклы в Европе, а создание каучуковых плантаций в Малайе разорило когда-то сотни тысяч бразильцев, обезлюдив десятки городов, построенных на пути каучука к бразильскому побережью Атлантики.

И очередные приступы валютного кризиса, начинающиеся на биржах Нью-Йорка и Лондона, затрагивают так или иначе и Данию и Японию.

Сегодня любой культурный человек знает в общих чертах содержание Гомеровой «Илиады». Не знаю, однако, обратили ли вы внимание, что великая поэма рисует войну греческих племен против малоазиатского города, притом не самого крупного, чуть ли не как мировую. На помощь Трое приходят и амазонки с северных берегов Черного моря, и цари из сердца Азии, и даже грозный владыка эфиопов. Эллы схватываются у Гомера чуть ли не со всем известным им тогда населенным миром.

Взаимосвязь между собой его отдаленных частей греки сознавали уже в ту пору. Такие люди, как Геродот, Платон, Аристотель, понимали и то, что наука Греции — преемница египетской, вавилонской, финикийской. Самих себя, пусть и не всегда верно, древние

греки вписывали в систему народов, происходящих не только от богов, но и друг от друга.

Кто не помнит миф о прекрасной царевне Европе, похищенной Зевсом, принявшим облик быка! Наша часть света всегда готова освежить тут память своим названием. Но Европа была в мифе финикийской царевной, и ее брат Кадм, отправившийся на поиски сестры, стал согласно мифу первым царем Фессалии в Греции. Древнюю связь Европы и Азии, незапамятной давности путешествия и контакты увековечила эта легенда.

В раннем средневековье византийский император подсчитывал военную мощь владык Восточной Азии, потому что среди врагов у них и Византии были и общие. Сила, с которой западные турки могут ударить по Византии, зависела от их отношений с тюрками восточными.

И налоги, которые брали византийские наместники с крестьян Северо-Восточной Африки, зависели в числе прочего от состояния китайской армии, а также от трудностей, испытываемых хазарским каганатом на Волге в его борьбе с народами Северного Поволжья.

Из африканского золота чеканились арабские динары, которыми платили восточные купцы русским князьям и скандинавским конунгам за товары.

Из конца в конец огромного мира прокатывались события, которые часто кажутся на первый взгляд трагивающими лишь отдельные страны. Все мы знаем крестьянскую войну Болотникова в начале XVII века. А в 20—40-е годы XVII века крестьянские восстания потрясли Францию Людовика XIII. А в 90-е годы XVI века, всего лет за десять до движения Болотникова, крестьяне поднялись на борьбу далеко на востоке — в Турции. И почти одновременно с французским «восстанием босоногих» очень похожий на него крестьянский мятеж разыгрался в Персии. В самый же год «восстания босоногих» — 1639-й — началось в Китае анти-

феодалное движение Ли Цзы-чэна, и только на два года предшествовало ему начало Симабарского восстания в Японии. Все эти примеры приводит в своих работах академик Николай Иосифович Конрад, и «синхронность» событий на разных концах мира просто поражает.

В одни и те же века и даже в одни и те же десятилетия берутся за оружие крестьяне, разделенные многими тысячами километров, — это ли не доказательство общих закономерностей экономических и социальных процессов во всем мире! И всюду — от Германии до Китая — при всех местных особенностях после разгрома крестьян устанавливался феодальный абсолютизм.

Разумеется, самые отдаленные части Старого Света были связаны и зависели друг от друга задолго до средних веков с их крестьянскими войнами. Академик Конрад обращает особое внимание на то, что из трех крупных держав, существовавших в начале нашей эры, две — Ханьская империя в Китае и Парфянская держава (в Иране) — распались почти одновременно; и это же время (II—III век нашей эры) было началом распада Римской империи.

По мнению Конрада (правда, оспариваемому), эпоха Ренессанса, Возрождения, которую мы связываем только с Европой, притом часто лишь с ее югом и западом, была общемировой. И началась она в Восточной Азии. В VIII веке Конрад видит китайский Ренессанс. В Средней Азии, Иране, Северо-Западной Индии начало Возрождения искусств и наук приходится на IX век. Итальянский Ренессанс — это уже XIII век. А окраины тогдашнего мира, Англии на западе и Японии на востоке, Возрождение достигает лишь в XVI веке.

Убедительно иллюстрирует всеобщие связи такая история. Без малого тысячу лет назад в Гренландии была основана норманнская колония, процветавшая несколько столетий. Но с XIV века нашей эры связь с нею Европы почти прервалась, корабли все реже до-

стигали гренландских берегов, и в конце концов поселения норманнов в Гренландии вообще исчезли.

Причин тому называли много. От нападений эскимосов до резкого ухудшения климата, от внутренних неурядиц в Норвегии, из-за которых тамошнее правительство не смогло наладить постоянные контакты с гренландцами, и до чьего-то разбойничьего нападения на единственных моряков, знавших путь на самый большой остров мира.

Среди этих предполагаемых причин есть вещи вполне реальные. В это время действительно происходило ухудшение климата, а политическая жизнь Норвегии была сложной и трудной. Впрочем, какая страна и в какое время могла бы похвастать, что целые столетия пользуется полным внутренним миром и внешним покоем? Зато исследования ученых XIX—XX веков, подолгу живших среди эскимосов, показали, что этот народ вряд ли мог вести истребительную войну, да еще против норманнов. Должен сказать, что какое-то нападение на норманнские поселения в Гренландии действительно могло иметь место. Только не нападение эскимосов. В то время на морях всюду бушевали пираты. Англичане, а то и турки (не удивляйтесь: именно турецко-алжирские пираты в XVII веке произвели опустошительный набег на Исландию) вполне могли добраться и до Гренландии.

Но мы знаем, как восстанавливались после тяжелейших разгромов, например, испанские города в Латинской Америке. Как вставали из пепла русские города после татарского нашествия. Нет, один лишь военный удар не может обычно решить судьбу той или другой страны. Значит, даже если пираты и обрушились на гренландцев, это была просто последняя капля воды, переполнившая чашу.

Что касается предположения о гибели знавших дорогу к Гренландии моряков, то сам по себе путь на этот остров не был таким сложным, чтобы в результа-

те гибели нескольких человек его можно было забыть. Да и история об этой гибели «путезнатцев» оказалась вымышленной.

По-видимому, справедливо совсем другое объяснение. А для этой книги, кстати, именно оно и представляет особый интерес.

Судьбу норманнов в Гренландии решило очередное изменение в международных торговых связях.

Гренландская колония просто потеряла свое экономическое значение. Потеряла потому, что у нее появились сильные конкуренты. Притом отделенные тысячами километров. Одним из них была Африка, другим Северная Русь.

Главным гренландским товаром были моржовые клыки — ценнейшее сырье для изготовления всевозможных украшений, поделок и даже лекарств. Но налаживающиеся в позднем средневековье связи Европы с Африкой дали европейцам слоновую кость — материал более красивый, да и более экзотический.

А гренландская пушнина — второй по важности предмет вывоза — не выдержала конкуренции с поступавшей в Европу через Новгород пушниной Руси.

Корабли перестали пересекать север Атлантического океана просто потому, что это сделалось невыгодно. Печальная история. Но она демонстрирует зависимость друг от друга далеких стран мира не хуже любого происшествия со счастливым концом.

Римские монеты на Камчатке, древнегреческий орнамент в Древней Японии, типично ассирийские львиные маски в китайском театре, изображения Александра Македонского на стенах древнерусских храмов — деталей такого рода множество, вместе мозаика их образует убедительную картину прочно сколоченного мира. Но есть еще более поразительные явления, бросающие на эту картину новый свет, в котором отдельные элементы мозаики кажутся еще точнее прилаженными друг к другу.

Практически одновременно, примерно две с половиной тысячи лет назад, в Древней Греции, Индии и Древнем Китае возникают философские течения, до сих пор остающиеся предметом пристального внимания не только историков, но и современных философов.

При всех различиях, вызванных особенностями государств и народов, некоторые философские школы трех стран одинаково стремятся рассматривать мир как целостное единство, а не хаотическое нагромождение случайных, не связанных между собой явлений, видят в строении мира закономерности, сходными путями ищут естественные первоосновы бытия.

Мысль человечества пульсировала в такт на разных концах Ойкумены.

Корни нашего единства уходят и гораздо глубже. Восток и Запад, как два полюса одного магнита, друг без друга существовать не могли.

Вспомните о людях, тысячи и десятки тысяч лет назад снова и снова связывавших в неостановимом движении Африку и Европу, Азию и Америку, Океанию и Австралию. Вспомните о путешествиях замыслов, открытий, обычаев, образов искусства по просторам мира, от Скандинавского полуострова до берегов Австралийского материка, от Египта в Восточную Сибирь. Вот что пишет советский историк Л. С. Васильев в книге «Культы, религии, традиции в Китае»:

«Сравнительное изучение погребальных обрядов всех древнейших земледельческих народов Евразии показало, что в их основе лежала сходная система представлений, которая свидетельствует о культурном и, возможно, генетическом (то есть по происхождению) единстве всей древней Ойкумены».

Пещера Шаньдиндум близ Пекина. Двадцать пять тысяч лет назад здесь уже жили люди. Жили и хоронили своих мертвых. А перед тем как похоронить, покрывали трупы красной краской, да еще и украшали специально обработанными камнями и раковинами.

Обычай, кажущийся сегодня нелепым. На самом деле ему придавали глубочайший магический, я рискну даже сказать, философский смысл. Цвет крови был священным потому, что он связывался с идеей воскрешения, возрождения умершего. Потому и тела мальчиков, найденные в нашей стране у реки Сунгирь под Владимиром, были густо засыпаны охрой — красной минеральной краской. Такие же погребения находили и в других частях Евразии.

Ученые говорят о культурном единстве людей, заселявших материк в конце древнего каменного века.

Китайские мудрецы могли считать свою страну сначала островом в варварском море (точь-в-точь как гордые римляне), а потом владыкой всего мира, опять-таки варварского. Они могли утверждать, что китайцы — зрячие, греки (позже франки) — кривые на один глаз, а все остальные народы Земли слепы.

Но это не могло в конечном счете отрезать Китай от всех «кривых» и «слепых». Особенно в ту давнюю пору, когда до этакой влюбленности в собственную философию было еще далеко.

Историки отмечают, что, вероятно, не случайно названия основных религиозно-философских категорий в Китае — «тянь» и «дао» — перекликаются с санскритскими (санскрит — книжный язык Древней Индии) словами «тео» — бог и «дью» — небо.

Древнее шумеро-аккадское учение о существовании в мире активного и пассивного начала, рам и рем, возможно, стало основой глубочайшей, разработанной в Китае философской концепции о противоположных силах в природе — «ян» и «инь».

Китай, возможно, принял частично то деление времени, которое было создано в Древней Месопотамии: год делится не только на месяцы, но и на декады.

На Западе и на Востоке одинаково насчитывали двенадцать знаков зодиака.

Наконец, совпадают иные вавилонские и китайские астрологические правила прогнозирования будущего: в долине Тигра и долине Хуанхэ одни и те же небесные происшествия предсказывали смерть государя, одни и те же — воинскую победу. Все это доказательства очень древних контактов культур, еще на заре цивилизации связанных между собой вопреки расстояниям.

Индия послала в Китай на рубеже нашей эры буддизм, который сначала боролся за власть над страной с другими религиями, а затем, по существу, слился с ними.

История буддизма в Китае ярко показывает, что заимствование чужого редко бывает именно простым заимствованием, что, как правило, происходит переосмысление и переработка чужого на фоне своего, с учетом особенностей страны-хозяина.

В Индии для буддийского монаха даже мысль об участии в военных действиях была невозможна. В Китае буддийские монахи порою служили в армии, нарушая заповедь «не убий», в буддизме самую святую.

Объясняют это так. В буддизме есть еще заповедь, требующая сохранять и спасать все живое. Эта заповедь и была противопоставлена первой. Во имя защиты ближних, подвергающихся опасности, буддист получил право братья за оружие. Такое столкновение заповедей удивительно напоминает борьбу первого и второго законов робототехники в рассказах Айзека Азимова. (Первый закон требует от робота охраны во всех случаях прежде всего жизни и здоровья людей; второй настаивает на выполнении приказов людей при условии, что эти приказы не противоречат первому закону.) Такое сходство и естественно, потому что Азимов пишет на самом деле о людях, а не о роботах. Буддийские термины на китайский язык не переводили,

а передавали с помощью близких по значению и смыслу китайских понятий. Но эта близость бывала порой весьма относительной.

Скажем, в индийской философии природа состоит из четырех элементов: земли, огня, воды и ветра.

А «переводили» этот состав природы согласно китайской традиции, называя пять первоэлементов: первые три элемента совпадают, а место ветра у китайцев занимают металл и дерево. Фраза из буддийского текста: «Муж поддерживает жену» превращалась в традиционную китайскую формулу: «Муж контролирует жену». Вместо «Жена заботится об удобствах для мужа» появилась: «Жена почитает мужа».

Приход буддизма в Китай и превращения буддийских принципов на новой почве снова иллюстрируют две мысли этой книги:

1) для развития культуры в каждой стране важно не только внутреннее развитие (самое главное в конечном счете), но и контакты с другими культурами, освоение достижений ближних и дальних стран;

2) в обмене культурными ценностями, в эстафете культур, одна страна передает другой не мертвую палочку, а живое деревце, которое на новой земле приносит не только старые, но и новые плоды.

Почти все примеры, касающиеся прочных связей между дальними окраинами мира, относятся все-таки к трем материкам Старого Света. Но и Австралия, например, этот самый как будто изолированный из всех заселенных континентов, была все же частью нашего общего владения на Земле.

Для техники каменного века в определенный период было характерно использование так называемых микролитов — маленьких, хорошо обработанных камней. Микролиты соединяли в лезвия для ножей, серпов и т. п. Уже давно было замечено, что сходство микролитических культур Индии и Африки так велико, как будто они имеют общее происхождение. Сейчас говорят ско-

рее о влиянии одной географической группы этих культур на другую. Австралийская микролитическая техника многими деталями напоминает индийскую и, возможно, развивалась не без ее влияния. Советский исследователь В. Р. Кабо в книге «Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии» говорит и о точно установленных, и о предполагаемых связях Австралии с Индонезией и Цейлоном, Индокитаем и Индией. Вот цитата из этой книги:

«Отмеченные нами аналогии в характере культур обширного культурно-исторического мира, включающего Индию, страны Юго-Восточной Азии и Австралию, объясняются в значительной мере общностью или близостью уровня общественно-экономического и культурного развития и однородностью процессов, происшедших в географической среде. Но многочисленные случаи специфического сходства в формах и типах орудий труда не могут объясняться только этим — они свидетельствуют также и о наличии культурных связей... в эпоху мезолита и неолита... Однако в отличие от предшествующего исторического периода передвижения населения из сопредельных стран в Австралию уже не играли никакой роли в распространении культур. Речь идет теперь лишь о взаимовлияниях и заимствовании аборигенами Австралии некоторых культурных достижений их соседей, а через них — и более отдаленных культурных миров».

Один из памятников таким контактам — керамика. Сами аборигены в силу своего полукочевого образа жизни так и не освоили гончарного дела. Керамика поэтому может быть в Австралии только «иностранной». Самые древние среди найденных пока что черепков относятся к концу III века до нашей эры. Эту посуду, в числе которой был и китайский средневековый фарфор, оставили индонезийские моряки, многие века добывавшие у австралийских берегов трепанга.

С севера изредка появлялись в Австралии папуасы Новой Гвинеи, на северо-востоке материка, видимо, случалось высаживаться гордым хозяевам океана — полинезийцам. Но из этих трех «каналов связи» с большим миром главным, конечно, был морской путь к Индонезии. По нему случалось проходить и австралийцам, конечно, на чужеземных судах. Как отмечает В. Р. Кабо, у гостей из других областей научились австралийские аборигены бить дюгоней и рыбу гарпуном, строить лодки из дерева, а не из коры. Все это позволило жителям некоторых прибрежных районов Австралии стать из охотников, преследовавших животных на суше, рыболовами и охотниками на морского зверя. Но не только на орудиях труда жителей пятого материка отразились древние связи их со Старым Светом. Ряд ученых видит следы этих связей и в религии и в искусстве австралийцев.

Кто не слышал о знаменитом лабиринте на Крите? Построил его, говорят мифы, великий изобретатель Дедал по приказу царя Миноса. А маленькие лабиринты, выложенные из камней, нарисованные на скалах, выдавленные на глине и т. д., находят во многих местах Евразии. У нас же на Кольском полуострове лабиринты из камней до недавних времен почитались среди саамов священными местами. Случается, что эти каменные узоры и сегодня по старой памяти обновляют. На Кольском полуострове, а также в Англии, Швеции, Норвегии, Финляндии лабиринты — своего рода спирали из необработанных камней, образующие круги или овалы, реже прямоугольники. Сам по себе узор довольно похож на иные картинки из детских журналов, предлагающих маленьким читателям найти среди множества возможных «дорог» единственно верную.

Уже давно предпринимаются учеными попытки связать между собой Критский лабиринт и лабиринты Севера, найти их общие корни. Очень вероятно, что эти

корни лежат в весьма глубокой древности. Во всяком случае, первые изображения лабиринтов появились в Евразии за добрых сто веков до эпохи мифических Дедала и Миноса. В меньшей степени, но тоже вероятно, что узор лабиринта пришел на другие континенты из Евразии.

В Восточной Австралии, подлинно на другом конце мира, изображения лабиринта вырезали на стволах деревьев в местах, где совершали инициации — обряды посвящения подростков в магические тайны зрелости, после которых юноши считались взрослыми. В Западной Австралии в этих обрядах играли важную роль раковины с тем же изображением. Такой узор был священным, это обеспечивало ему долгую жизнь. Может быть, настолько долгую, что лабиринты смогли выдержать весь долгий путь из северного полушария в южное. Хотя не исключено, что этот узор австралийцы изобрели и сделали священным независимо от своих далеких братьев из других частей света. Но даже если верно последнее, это не опровергает общего положения о связи между собой разных частей мира, о благотворном в сумме влиянии этой связи на взаимообогащающиеся культуры.

* * *

Десятки тысячелетий прошли с тех пор, как человек разумный осваивает Землю, путешествует по суше и морю. А между тем уже наступила пора путешествий космических.

После первого полета советского спутника человечество ощутило, что стоит на берегу бескрайнего звездного океана.

Хоть на Земле предстоит еще решить столько важнейших проблем, но мы, люди планеты, взяли еще один

старт — старт в космос. И как не рассказать в этой книге, где так много говорилось про контакты между земными цивилизациями, о проблеме контактов с цивилизациями внеземными. Тем более что автору книги довелось принять участие в международной встрече, посвященной как раз этой проблеме.

В 1971 году произошло событие, которому, казалось бы, самое место в научно-фантастическом романе. В сентябре этого года в Бюракане, знаменитом своей обсерваторией поселке под Ереваном, по инициативе академика Виктора Амазасповича Амбарцумяна собрался первый международный симпозиум по связи с внеземными цивилизациями.

Обратите внимание на решительность ученых: не по выяснению того, существуют ли вообще внеземные цивилизации, не по проблемам внеземных цивилизаций, а именно по связи с ними. Название отражало и деловую направленность симпозиума, и здоровый оптимизм его участников.

Международный симпозиум. За двумя словами скрывалось очень многое. Знаете, а ведь это был олицетворенный контакт культур (которым в XX веке уже никого, конечно, не удивишь), потому что вместе собрались ученые Запада и Востока, представители и социалистических и капиталистических стран.

Что не менее важно, это были в то же время представители самого широкого круга наук: от истории до астрономии, от антропологии до атомной физики. Осуществлялась мечта нынешних ученых об установлении связей между ними, людьми, ищущими истину в самых отдаленных друг от друга областях знаний.

Наконец, список учреждений, приславших своих сотрудников в Бюракан и содействовавших работе симпо-

зиума, был чрезвычайно внушителен. Академия наук СССР и академии союзных республик, знаменитейшие университеты нашей страны и мира, советский Институт космических исследований и американское Агентство по авионавтике и исследованию космического пространства.

В Бюракан приехал академик В. Л. Гинзбург, один из виднейших советских и мировых физиков-теоретиков. И член-корреспондент АН СССР В. С. Троицкий, один из руководителей Горьковского астрофизического института. И член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский, автор не только бесспорных астрономических открытий, но и головокружительных гипотез о далеких мирах. И член-корреспондент АН СССР В. И. Сифоров, директор института проблем передачи информации. И доктор физико-математических наук Н. С. Кардашев, успевший, кроме всего прочего, разделить внеземные цивилизации на типы и классифицировать их. И седой элегантный англичанин, нобелевский лауреат, один из открывателей генетического кода — Френсис Крик. И американец Чарлз Таунс, разделивший с нашими Басовым и Прохоровым Нобелевскую премию за создание лазеров. И Карл Саган, знаменитый американский планетолог, более всего известный среди широкой публики своей идеей заселить верхнюю атмосферу Венеры микроорганизмами, которые преобразуют ее по земному образцу.

И еще и еще доктора наук, профессора, руководители институтов и лабораторий... А сам Амбарцумян не просто академик, но и президент АН Армянской ССР, и член Президиума АН СССР. Нет, я перебираю эти титулы и звания не для того, чтобы отдать дань симпозиуму. Просто снова и снова хочется получить радостное подтверждение: проблема ставится очень серьезно.

СЕТИ. Для обозначения симпозиума (кстати, симпозиум оказался так представительен, что был переименован в конференцию) часто использовали сочетание

этих четырех латинских букв, с которых начинаются слова в английской фразе «Связь с внеземными цивилизациями».

Но по-латыни СЕТИ — это еще и название отряда китообразных, туда входят дельфины, которыми сейчас так интересуются искатели чужого разума.

И первые звезды, с которыми человек попробовал установить связь, принадлежат созвездию Кита.

Среди нас был тот, кто сделал это. Седой невысокий мужчина с подвижным молодым лицом. Френсис Дрэйк. В 1960 году он отправил радиопослание к звезде Тау Кита. Он из Корнельского университета, что находится в городе с вызывающим именем Итака. Но ведь это же название острова, бывшего родиной Одиссея. Одиссей. Первопроходец. В 1960 году Дрэйк выглядел, пожалуй, той первой ласточкой, которая не делает весны. Бюраканская конференция стала свидетельством того, что весна пришла. Ранняя и дружная.

Увы, далеко не все на симпозиуме было так романтично, как ожидалось. Изрядную долю выступлений составляли доклады по сугубо земным проблемам, не отмеченные к тому же полетом фантазии в будущее.

Ученые подводили итоги данным земных наук. Они знали, что стоят на стартовой площадке, и заботились об укреплении ее грунта.

Астрономы, например, объясняли нам, почему планеты не налетают друг на друга, не сталкиваются. Оказывается, просто потому, что все большие тела солнечной системы, которые только могли столкнуться друг с другом, уже это проделали.

Кроме того, астрономы делились своими данными о планетных системах, существующих в космосе. Выяснилось, что можно быть уверенным в абсолютной реальности лишь одной из них, и то нашей собственной. Небогато. Правда, есть «летучая звезда Барнарда», которая ведет себя в поле телескопа так, будто ее отклоняют от теоретически обязательного пути силы притя-

жения, исходящие от невидимых планет. И есть десятков другой звезд, о которых можно сказать то же самое с еще меньшей уверенностью.

Да, точные науки далеко не во всем точны.

Но тут, слушая астрономов, мы подошли к положению, которое стало стержнем конференции, определило в ней все: от хода заседаний до резолюции.

Был назван (конечно, далеко не впервые) первый постулат проблемы внеземных цивилизаций. Первый и основной, как сказал Иосиф Шкловский.

Вот он в самой сжатой формулировке.

Мы не знаем в мире уникальных явлений. Почему же сами мы должны быть таким явлением?

Мы — это и Галактика, и солнечная система, и Земля, и жизнь на ней, и человек, и общество...

Постулат — положение, принимаемое без доказательства. Увы. Но что делать, если доказательств нет? Вот ученые и старались вывести из одного-единственного постулата все возможные следствия.

Шкловский сравнил проблему внеземных цивилизаций с геометрией, тоже ведь основанной на постулатах.

Сравнение было утешительным, но не очень. Впрочем, выхода не было. Налицо имелась Земля, мы на ней жили — с этого и надо было начинать. И наш маленький земной шарик превращался в модель бесконечного множества других миров. Представителем всех форм жизни была наша жизнь, всех форм общества — наше общество. «Путешествие на Землю» заменяло пока все остальные путешествия, за исключением тех, которые предпринимали фантасты.

Одна «незадача»: высчитывая возможное число обитаемых миров, требовалось учитывать среднюю продолжительность существования цивилизации. И тут уж нам брать за основу было нечего. Наша-то цивилизация живет!

— От сотни до тысячи световых лет, — говорили

оптимисты. — Вот оно, среднее расстояние между цивилизациями.

Никто как будто и не спорил прямо с этим выводом. Но неофициальный опрос, проведенный среди участников, дал куда более грустную среднюю цифру: на каждую галактику должно приходиться примерно по полцивилизации. Получалось, что мы с вами уже заполнили «квоту», выполнили норму не только для своей Галактики Млечного Пути, но и для ближайшей из соседних.

А где истина? Неизвестно. Чтобы провести круг, требуются три точки. А у нас всего одна — Земля. И земные условия начинают порой казаться единственно возможными для жизни. Земля, наша родина, оказывается тогда уже не представителем возможных обитаемых миров, а образцом, эталоном для них. Не слишком ли узка такая точка зрения?

Земные условия возводят в абсолют, когда считают, что все живые существа освоили только знакомые нам температуры от -60 до $+70^{\circ}$ (по Цельсию); когда считают, что для всякой жизни и где бы то ни было необходимы три компонента — углерод, водород, кислород (такой взгляд обосновывал 60 лет назад биолог Гендерсон, и Карл Саган ядовито заметил в адрес покойника, что тот, как землянин, не мог быть беспристрастным); и тогда, когда полагают, что жизнь возникает только в системах звезд того же типа, что Солнце; и тогда, когда доказывают, что жизнь возникает только на планетах каких бы то ни было звезд...

Спутникам звезд противопоставили небольшие холодные звезды и вообще темные тела, образовавшиеся где-нибудь в стороне от светил. Правда, тут же в ожесточенном споре выяснилось, что жизнь на холодной звезде должна получать тепло изнутри планеты, и тепла потребуется для жизни столько, что поверхность должна будет расплавиться, значит... Но в ответ последовало утверждение, что атмосфера холодной звез-

ды может создать на ней парниковый эффект, и нужное тепло накопится в тамошнем воздухе постепенно, без повреждения звездной коры.

— Это тепло станет распространяться по всей поверхности равномерно, не будет температурных перепадов, а жизни — это известно точно — противопоказано энергетическое равновесие.

— Почему же обязательно равномерно? На Земле есть вулканы, есть почвы, которые по-разному подогревают внутреннее тепло нашей планеты, почему же на холодной звезде должно существовать такое уж строгое равновесие?

Примерно так спорили друг с другом советские физики Николай Кардашев и Владимир Мороз. Но пока что без ответа остался важнейший вопрос о населенности холодных звезд, впервые в науке поднятый английским астрофизиком Харлоу Шэпли.

Слишком «приземленным» назвали и мнение, будто жизнь может существовать лишь в форме жидкой среды с твердыми вкраплениями. Правда, уравнивать в качестве основы жизни всевозможные состояния вещества так и не удалось. Ученые сошлись на том, что газообразное живое существо невозможно, поскольку в газах продукты химических реакций быстро рассеиваются. Несколько дольше, но тоже без энтузиазма обсуждали возможность твердых живых тел (кристаллических?). Гораздо больше интереса вызвала возможность существования живых существ на основе плазмы. С такую возможностью соглашались далеко не все. Особенно решительным противником этой идеи проявил себя профессор Т. Голд из США. Но под напором оппонентов он неожиданно сделал изобличившее его признание. Оказывается, именно Голд подсказал английскому астрофизiku и писателю Ф. Хойлу для фантастического романа идею «Черного облака» — огромного существа из плазмы, странствующего от звезды к звезде.

Но, пожалуй, дальше всех зашел в борьбе с при-

вычкой связывать феномен жизни со знакомыми нам по Земле условиями академик Гинзбург.

Собственно, его прямо призвали к этому, попросив высказать свой взгляд на возможность существования во вселенной «других физик», а точнее, областей с физическими законами, отличными от тех, которые мы знаем.

Академик Гинзбург сказал примерно следующее:

— Знаете, когда я услышал это предложение, первой мыслью было: хватит с нас и обычной физики.

Нас могут спросить, откуда мы знаем, что на другой планете та же физика, что на земле? Мы ведь там не были.

Конечно, у ученых в запасе простой ответ: и на Марсе мы не были, и на Земле есть островки, где человеческая нога не ступала. Но все человеческое познание основано на принципе: в тех же условиях те же явления. И все-таки... Все-таки где-то ведь могут быть другие условия.

Другие законы могут действовать лишь при других условиях, но история мира достаточно длинна, и в иные эпохи условия и законы могли быть не теперешними.

Мы знаем, что привычные нам теории не в силах объяснить процессы, идущие внутри нейтронных звезд с их чудовищной плотностью. Для таких звезд надо создать квантовую теорию гравитации...

Тут же Гинзбург предложил новый термин для нашего земного общества с учетом его физической основы — молекулярная цивилизация — и обратил внимание на принципиальную возможность других цивилизаций. Вот американский ученый Дж. Коккони, например, доказывает возможность жизни, построенной не из молекул и атомов, а из других сочетаний элементарных частиц.

Академик напомнил, что и в «молекулярном» мире физика оставляет для жизни массу возможностей, на Земле никак не использованных. При передаче сигнала

лов и энергии внутри организма очень удобно, скажем, было бы применять сверхпроводящие биологические каналы связи. Новейшие исследования показывают, что сверхпроводимость, видимо, возможна при комнатной температуре. Но эволюция ее не освоила, хотя в принципе, вероятно, могла бы. Оставила этот вариант в стороне на нашей планете. А на другой? Словом, физика не смирительная рубашка. Разных физик может быть (могло быть?) много, а при одной физике мыслимо немало биологий.

Трудно представить себе формы жизни, возникшие на основе другой физики. Хотя, наверное, все-таки возможно. Во всяком случае, знаменитый генетик Френсис Крик много говорил на конференции о возможности биологии, построенной на других основах. Скажем, хорошо бы все-таки понять, могут ли в принципе, пусть и не на Земле, наследоваться признаки, приобретенные организмом в течение жизни?

Френсис Дрейк подверг сомнению существование непохожих на атомы устойчивых комбинаций элементарных частиц.

Карл Саган в ответ немедленно возмутился всеми суждениями, которые в неявной форме подразумевают, будто все законы физики уже открыты. Между тем если есть в мире более древние цивилизации, чем наша, то они наверняка должны знать больше законов.

...Симпозиум отработывал систему связей между науками, поверял историю психологией, психологию — биологией, биологию — физикой, физику — космологией. И пытался напрямую связать космологию с историей.

Другая история? Должна ли она быть только одним из возможных вариантов земной?

Поражает разнообразие опробованных человечеством форм управления мелкими и крупными обществами. Но это разнообразие еще не означает полного перебора реально допустимых даже в земных условиях ва-

риантов. Кроме того, биологическая эволюция тоже ведь создала на Земле многообразие организмов, а мы ждем встречи с новыми живыми существами.

В чем совпадают с нашими и в чем непохожи на них законы иных обществ?

А отличия должны быть. Некоторые из них неизбежно должны следовать из биологических особенностей инопланетян. Представьте себе, например, общество разумных существ, размножающихся почкованием. Не будет у них ни любви, ни брака, я уж не говорю о половом разделении труда или лирической поэзии. Это невозможно? Кто знает?

Даже и при сходстве с людьми обитателей другой планеты вся их история может сложиться иначе хотя бы из-за размеров планеты. Возьмем для примера небесное тело величиной с Луну. Его жители были бы согласно законам физики не меньше нас ростом (скорее больше). Общая же площадь поверхности так невелика, что там могло бы сложиться единое всепланетное государство еще в рабовладельческую эпоху... Общество, на протяжении тысяч лет не потрясаемое войнами, с одной стороны, и лишенное мирных контактов с другими обществами — с другой. Что мы знаем на своей Земле о законах его развития?

Некоторые американские ученые говорили, что инопланетяне смогут поделиться с нами своими знаниями об обществе, может быть, более глубокими. Но, боюсь, при возможных различиях нам нельзя будет пользоваться социальными рецептами инопланетян так же, как их медицинскими рецептами.

...А потом вдруг оказалось, что человечеству... маловато космоса. Ведь жить в нем надо на планетах, до планет переселенцев надо доставить, скорость при этом не может быть выше световой... А число планет в каждом участке космоса ограничено.

Можно, конечно (!), превратить вещество Юпитера

в околосолнечный кокон, на внутренней поверхности которого разместится человечество. Но этой давно предложенной «сферы Дайсона» (автор идеи — участник конференции) хватит на какую-нибудь тысячу лет. А дальше? Или нас выручит нуль-пространство, придуманное фантастами?

И вот тут-то мы и увидели, что такое физики и что такое физическая фантазия. Правда, вместо «я придумал» физики почему-то говорят «как показывают расчеты»... Вот выступает Г. М. Идлис, директор Алма-Атинского астрофизического института. Выступает и сообщает, что человечеству найдется, куда идти. Лет десять уже, как астрофизики изучают квазары. Не буду вдаваться в подробности, но это весьма загадочная вещь. А одна из предложенных разгадок такова: квазар — точка соприкосновения нашей Метагалактики с другой, «соседней». Но это только цветочки. Чтобы объяснить некоторые странные явления во вселенной, приходится признать, что каждая элементарная частица в нашем мире является таковой только на наш взгляд, весьма односторонний. А со своей, «другой», стороны эта частичка оказывается целой вселенной (точнее будет сказать, квазивселенной).

Вслед за Идлисом взял слово академик Гинзбург и назвал еще несколько важных работ на ту же тему. Если их авторы правы, если предположения окажутся истинными, наша вселенная чуть не сплошь состоит из ворот в другие вселенные, каждая из которых, в свою очередь, соединена — через каждую из своих элементарных частиц — с невероятным, грандиознейшим множеством миров. Если все это так, человечеству нечего и думать о нехватке пространства, бояться перенаселения, жалеть о том, что нельзя двигаться быстрее скорости света. Мир широк, настолько широк, что все так называемые астрономические цифры и масштабы оказываются бесконечно малыми величинами рядом с его истинными размерами... Если, конечно, физико-матема-

тическая абстракция обернется реальностью. Но с абстракциями такое ведь бывает.

А все-таки, если цивилизации есть, почему от них не приходят сигналы?

...Современная физика знает несколько важных парадоксов. Например, такой: почему ночью темно, если вселенная бесконечна и заполнена бесконечным числом звезд, излучающих — в сумме — бесконечно много света? Этот парадокс носит название фотометрического. Но в пару к вопросу «Почему ночью темно?» можно задать и другой: «Почему им не летится?» Сами посудите, внеземные цивилизации должны быть, обязательно должны быть, если исходить из общих философских положений и наших знаний о природе. В конечном счете, наверное, это по-прежнему опора на Первый Постулат, но он вещь прочная. В то же время у нас пока нет абсолютно никаких данных о том, что где-нибудь такая цивилизация есть. Вселенная, с нашей точки зрения, молчит, хотя сигналы разговаривающих между собой цивилизаций должны пронизывать ее просторы.

Где решение этого парадокса? О, как и полагается, таких решений было предложено несколько.

Во-первых, может быть, вселенная вовсе не молчит. Ее сигналы — кто знает, не бьются ли они о берега нашей планеты?

Не отличающийся особым уважением к современным знаниям человечества Карл Саган напомнил, что новогвинейские папуасы тоже ничего не знают о радиоволнах, идущих над ними и сквозь них.

Жители некоторых островов и горных долин умеют переговариваться друг с другом на языке свиста. Это делает возможным связь на расстоянии в несколько километров. Но человечество в целом нашло более совершенные формы дальней связи. Не покажется ли в будущем наша привычка к радиоволнам чем-то вроде пристрастия к языку свиста? Радиоволны — достаточно неудобный вид связи. Магнитные бури, ионизи-

рованные слои атмосферы мешают им даже на Земле. Недаром борьба с помехами давно стала чуть ли не главной задачей радиотехники.

В XIX веке мы ждали от «братьев по разуму» световых сигналов, теперь ждем радиоволн, но и то и другое, быть может, в равной степени результат научных предрассудков эпохи. Мы пользуемся радио всего три с небольшим четверти века, и никто не поручится, что еще через четверть века не найдется чего-нибудь получше. И может быть, мы не слышим обращений к землянам потому, что их посылают в виде гравитационных или еще каких-нибудь пока неведомых волн.

Американский радиоастроном фон Хорнер признал, что наш способ связи может казаться детским. Но, сказал он, взрослые должны уметь разговаривать с детьми, правда? Возможно, однако, что они умеют разговаривать с детьми, да вот не хотят. Впрочем, добавил радиоастроном, у нас есть лишь один способ узнать, доросли ли мы до разговора с большими, — заговорить самим.

Может быть, по межгалактическим правилам вежливости младшие тоже здороваются первыми...

Возможно еще, что цивилизации вселенной крайне осторожны — каждая из них слушает, а говорить побаивается. Тогда вся надежда на то, что мы поймаем сигнал, не нам предназначенный, не услышим «ау», а подслушаем шепот. Это, конечно, труднее и требует больше времени.

Было предложено и другое объяснение парадокса молчания. Может ведь Земля оказаться по чистой случайности матерью древнейшей из цивилизаций в нашей части космоса. Это маловероятно, но не исключено.

И наконец, остается четвертый, основной (но не последний) вариант. На Землю поступают радиосигналы из космоса. Мы только не умеем заметить их и выделить среди естественных радиоволн.

Троицкий, Дрейк, Кардашев — каждый из выступавших астрономов счел своим долгом похвалить нынешние радиотелескопы. Техника приема сигналов из космоса уже доведена до высокой степени совершенства. У нас есть технические возможности отыскать внеземные цивилизации. Есть. Мы не знаем только, где искать, на каком участке неба, на какой длине волны. Небо слишком велико, диапазон возможных радиоволн огромен, а вот телескопов пока мало.

Куда их направить? Откуда больше шансов услышать голоса «братьев по разуму» (если первый постулат справедлив и они существуют)?

— Сосредоточить внимание на более близких звездах. Меньше расстояния, меньше и помехи, и энергетические потери в пути.

— Нет. Надо ловить волны, идущие от далеких галактик. Дальние искусственные сигналы могут оказаться зато более яркими. А дальний маяк виден лучше, чем свеча, хотя бы она и была несколько ближе.

Фримен Дайсон решил, что лучше всего искать цивилизации по их... отходам. Любой почти мотор приходится охлаждать, а очень мощной цивилизации надо будет избавляться от лишнего тепла во избежание перегрева. (Перед Землей, кстати, эта проблема тоже скоро встанет.) Можно предполагать, что излишнее тепло излучается в виде инфракрасных волн. Так не стоит ли посмотреть повнимательнее, что представляют собою небесные источники инфракрасных волн?

При обсуждении «адресов» Шкловский сделал небольшой экскурс в юриспруденцию.

Есть такой юридический термин — презумпция невиновности. Суд обязан считать обвиняемого невиновным, пока его вина не доказана.

Шкловский ввел новый термин, космически-юридический: презумпция естественности. Всякий космический объект надо считать естественным до тех пор, пока не доказана его искусственность. На конференции это тре-

бование не встретило серьезной оппозиции. Но, вообще-то говоря, такая оппозиция есть. Наиболее точно ее точку зрения выразил в одной из своих статей польский фантаст и философ Станислав Лем. Кстати, Лем лишь случайно не участвовал в конференции — приглашение ему ученые направили.

Так вот, Лем полагает, что у нас нет верного способа «отделить агнцев от козлищ», отличить естественные явления от искусственных. У нас нет «критериев искусственности». Лем предлагает нам представить себе физика XIX века, наблюдающего взрыв атомной бомбы. Масштабы события наверняка приведут ученого к выводу, что перед ним естественное явление. В его время ведь не было искусственных явлений такого размаха. Примерно так же грандиозные масштабы некоторых космических происшествий могут скрывать от нас их истинное происхождение. Значит, к любому новому явлению надо подходить, по Лему, без заранее заданных оценок.

На конференции не раз вспоминали, как английские астрономы, открывшие пульсары, приняли сначала их излучение за искусственные сигналы. Собственно говоря, это излучение вполне отвечало тем «критериям искусственности», о которых до того не раз писали в научной печати. Оно было строго периодичным и в высокой степени упорядоченным — как раз таким, какого давно ждали энтузиасты межзвездной связи. Но, увы, всему нашлось естественное объяснение.

...Искатели внеземных цивилизаций готовы быть скромными, работать на уже имеющемся оборудовании, использовать новые приборы и для прежних, привычных астрономических целей, штамповать сверхдешевые телескопы из пластмассы... Но они не боятся замахиваться и пошире. Резолюция конференции говорит о будущем, в котором на поиски иных миров будут расходоваться средства в нынешних «космических» и «атомных» масштабах. И все это только для проверки одного-

единственного постулата? Конечно, нет. О том, что нам обещает открытие внеземной цивилизации, я сейчас не буду говорить. Интересно проследить, какие возможности открывает перед нами само представление о внеземных цивилизациях...

...Вероятность возникновения жизни на Земле могла составлять единицу (то есть жизнь должна была неизбежно возникнуть), а могла равняться всего одной тысячной. Это обсуждалось учеными, но не было особенно важной проблемой, поскольку в обоих случаях господь бог одинаково не требовался, а вероятность, как известно, осуществилась. Но когда нам надо по жизни на Земле судить о жизни на других планетах, считать приходится потщательней.

В беспощадном свете звезд лучше, чем в солнечном свете, стали видны огрехи и «белые пятна» вполне земных наук. Новый подход часто бывает плодотворнее даже новой идеи — это знают ученые. Тут же перед нами именно новый подход. Говорят, что себя можно увидеть только глазами другого. Других пока нет, но мы сами уже смотрим на себя другими глазами.

Мы, хозяева, слишком привыкли к своему дому. Мы, «гости», разглядываем его подробнее. Выделить в нас самих, с одной стороны, черты, которые должны быть общими для всех мыслящих существ, и, с другой стороны, четко уяснить, что в нас определяется лишь сугубо конкретной биологической и социальной историей, — только одна из задач, к которым нас выводит новый подход.

Далее, одной науке, даже такой «избалованной», как физика, явно не справиться с решением хотя бы части тех «внеземных» проблем, которые как будто относятся к ее компетенции. Когда выясняют, на какой волне лучше принимать и посылать сигналы, в равной цене оказываются доводы энергетические, экономические, психологические и исторические.

Значит, наукам волей-неволей надо объединяться.

Собственно говоря, они это пытались делать и до сих пор по вполне земным мотивам, но не всегда удачно. От соединения биологии и физики появилась на свет биофизика, но биология и физика остались все же достаточно замкнутыми по отношению друг к другу. Биология-то, впрочем, извлекла для себя пользу из союза, а физика?

Представители многих наук последние годы писали о необходимости подлинного объединения разных областей знания. И вот теперь есть проблема, бросающая вызов почти всем областям знания сразу. Он принят, этот вызов: в зале конференции сидели не только астрономы, астрофизики, физики и радиофизики, но и биологи, химики, историки, кибернетики, антропологи, социологи.

Предполагаемые взеземные цивилизации предоставили земным наукам почву, на которой они могут объединяться, — спасибо им уже за это.

И того мало. В нас самих с мыслями прекрасно уживаются чувства. В нашем обществе с наукой сосуществует искусство, в котором привычные для науки и даже обыденной жизни законы логики не действуют. А проблемой взеземных цивилизаций искусство занялось даже раньше, чем наука. Мифы и сказки, фантастические рассказы и легенды брались за «исследование» этой проблемы раньше, чем гипотезы и теории. И не собираются отказываться от этого плацдарма для фантазии. Но только ли для фантазии? Сейчас общепризнано, что искусство — равноправный с наукой способ познания мира, отличающийся только своими методами. А речь ведь идет о проблеме, основанной на одном-единственном постулате, не знающем ни фактов, ни экспериментов. Для исследования такой странной проблемы методы искусства могут оказаться не менее пригодными, чем методы науки.

Не станет ли проблема плацдармом для сближения науки и искусства, местом, где они научатся помогать

друг другу лучше, чем до сих пор? Впрочем, это уже совсем фантастика. Но фантастика — та область искусства, которая раньше других связала себя с наукой.

Раньше, чем соорудить здание, готовят основание. Любое современное путешествие начинается с выработки маршрута. Симпозиумы и конференции, научные доклады и дискуссии — подготовка фундамента для овладения космосом.

А может быть, уже не только фундамента? Может быть, небо ближе и надежды сильнее, чем кажется. Мы, люди, привыкли рассчитывать только на себя. Теперь мы обязаны учитывать и «чужие» возможности.

Ведь должно же прийти время, когда человечество сможет использовать коллективный галактический опыт цивилизаций, как с давних времен почти любые племена и народы по-своему использовали коллективный опыт многих других культур.

И если может тут чему-то научить земная история (а другой ведь мы опять-таки не знаем), то ни инопланетчики для нас, ни мы для них не станем благодетелями, спасителями и «учителями учителей». Будем товарищами — более высокого титула история нашей планеты не знает.

...Итоговая резолюция была, как полагается, сухой и деловой. Решено издать доклады конференции. Решено избрать по проблеме внеземных цивилизаций временную рабочую группу. Конференция предлагает, конференция рекомендует... Со смешанным чувством, в котором переплетались радость и тревога, недоверие и... пожалуй, даже благоговение, я слушал:

«...По ряду конкретных деталей этой проблемы мнения участников конференции не совпадали, но участники согласны с тем, что перспективы контакта с внеземными цивилизациями достаточно благоприятны для того, чтобы оправдать развертывание ряда хорошо подготовленных программ поисков: они также согласны с тем,

что существующая технология дает возможность установления контактов с цивилизациями.

...Выдающиеся открытия последних лет в области астрономии, биологии, кибернетики и радиофизики превратили некоторую часть проблем внеземных цивилизаций и их обнаружения из чисто умозрительных в экспериментальные и наблюдательные».

Вы слышите?! «...существующая технология»! «...экспериментальные и наблюдательные»! Это ведь говорится о сегодняшних, реальных, уже созданных, сделанных, полученных вещах, об уже изобретенном и открытом. Сегодня, сейчас мы тянемся к звездам, чтобы найти возле них разум. Но мы не только посылаем сигналы, но и ищем их. Мы ждем встреч. Человечество как равное протягивает руку носителям разума, где бы они ни жили.

Да, воистину мы снова стоим на стартовой площадке, как сорок тысяч лет назад. Тогда впереди была Земля. Теперь — вселенная.

Эта книга рассказала о путешествиях. В ней много имен, много захватывающих приключений. Герои ее пересекают океаны, преодолевают горные хребты, проникают в пустыни, поднимаются в космос. Их сотни, таких путешественников. Книга рассказала о странствиях, обогащающих каждого отдельного человека и человечество в целом, о накоплении опыта, о формировании культуры нашей планеты. В этом длительном путешествии, начавшемся еще в древнем каменном веке и не имеющем конца, участвует все население Земли. Ни один человеческий коллектив не живет и не может жить в изоляции от всего человечества.

Сегодня, в эпоху, когда эти связи благодаря радио и телевидению стали мимолетными, такая истина особенно очевидна. Опыт каждого человека сегодняшнего дня формируется в движении. Мы путешествуем даже тогда, когда не выходим из дому, без труда извлекая новое из книг и с экрана телевизора, из газет и даже из телефонных звонков. Но и создав для себя столь комфортабельные способы «путешествий», мы порой набиваем до отказа рюкзаки, едем в поезде и на теплоходе, останавливаем попутные машины, исходим пешком сотни километров в поисках нового. Почему? Да потому, что тысячелетний опыт наших предков научил нас идти навстречу новому, искать контакты с другими людьми, создавая себя в этом общении.

Открытия в прошлом двигались относительно неспешно. Многое из того, что наполняло сокровищницу того или иного народа, приходило к другим народам или воскресало спустя столетия, а то и тысячелетия. И это Путешествие открытий во времени сегодня не только предмет воспоминаний и исследований историков.

Я хорошо помню то эмоциональное впечатление, которое произвело открытие в Новгороде берестяных грамот. Это открытие казалось чудом. В ушах археологов зазвучали речи и имена людей, память о которых была стерта временем. Прошло несколько веков, и они как бы ожили снова. К чему это рассуждение? Да к тому, что сравнительно незадолго перед тем стали известны представления о мире этих людей. Были восстановлены построенные ими здания, реставрированы их фрески. Сегодня древнерусское искусство прочно вошло в эстетический мир любого человека, живущего в России и за ее пределами. Это высокое достижение культуры прошлого сделалось органической и неотъемлемой частью мировой культуры. В книге нет этого примера, но в ней легко отыскать сотни аналогий ему во всех уголках земного шара, потому что подобное движение открытий, шагающих через столетия, — особенность человеческих контактов, специфика того путешествия, о котором рассказал автор.

Член-корреспондент АН СССР В. Л. ЯНИН

СОДЕРЖАНИЕ

Стартовая площадка	5
Подвижный в подвижном	16
Человек прибавляет шаг	
Подгоняя себя	23
Путь в Новый Свет	39
Круги по воде	
Радиус действия	46
Вес и мера	54
Поддерживая друг друга	59
Путь колеса	69
От открытия к открытию	78
Золотой дождь	88
Овца-завоеватель	100
Право гостя	113
Вечное свидание	
Время великих переселений	124
Странствующие фамилии, путешествующие имена	135
Ветви одного дерева	141
Встреча и борьба	155
Полномочные представители	163
Буквы в дороге	166
Камень на камень	173
Странствующие боги	190
Александр и Александрии	200
Судьба Дракулы	219
Скиталец Рустам	221
Миры соединяя	234
Свое и чужое	247
Законы дальнего действия	252
Снова на старте	265
Послесловие	284

Подольный Р. Г.
П44 Вокруг света в сорок тысяч лет. Послесловие
чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина. М., «Молодая
гвардия», 1977.

288 с. с ил. (Бригантина).

В книге рассказывается о различных фактах из истории
общения народов, о роли географических открытий, техниче-
ских изобретений в развитии цивилизации.

91(09)

П $\frac{70302-044}{078(02)-77}$ 175-74

ИБ № 890

Подольный Роман Григорьевич
ВОКРУГ СВЕТА В СОРОК ТЫСЯЧ ЛЕТ

Редакторы **Ю. Медведев, Д. Зиберов**
Художник **И. Блюх**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Н. Носова**
Корректоры **З. Федорова, Т. Пескова**

Сдано в набор 20/IV 1976 г. Подписано к печати 1/II 1977 г.,
A05018. Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 2. Печ. л. 9 (усл. 12,6).
Уч.-изд л. 13.1. Тираж 50 000 экз. Цена 81 коп. Т. П. 1974 г.,
№ 175. Зак. 667.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.